

БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

В боях за Восточную Пруссию
75 лет Великой Победе!

Монография

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор Г.В. Кретинин

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
2020

УДК 94(47+430):355"1944/1945"

ББК 63.3(2)622

В11

Авторский коллектив:

Г. В. Кретинин — введение;

С. Н. Ковалев, В. В. Ионов, М. Е. Мегем, А. А. Давиденко, Е. Н. Рукавишников,

В. Г. Кикнадзе, С. В. Аверченко, Д. Е. Лосев, М. А. Скрипкина — глава 1;

О. Е. Ащеулов, Л. И. Головкин, А. Г. Постников,

К. Б. Петунин, А. С. Новиков — глава 2;

Г. В. Кретинин, А. В. Золов, Ю. В. Костяшов,

А. А. Жиров, В. В. Сергеев — глава 3;

Д. В. Манкевич, Е. С. Манюк, В. В. Макогонова, А. В. Вертякина, А. А. Ярцев,

Е. В. Баранова, В. Н. Маслов, Б. Виллемс, Г. В. Кретинин — глава 4;

О. Е. Ащеулов, Б. Виллемс, Г. В. Кретинин, Р. Д. Минакова — приложения

Рецензенты:

В. Н. Барышников, д-р ист. наук, проф. СПбГУ, Санкт-Петербург;

В. М. Курмьшиов, д-р ист. наук, доц. Воен. академии матер.-техн. обеспечения,

капитан 1-го ранга в запасе, Санкт-Петербург;

Ю. Г. Сопин, д-р воен. наук, проф. Воен.-морской академии,

капитан 1-го ранга в запасе, Калининград

Рекомендована к печати Ученым советом Балтийского федерального университета им. И. Канта.

В11 В боях за Восточную Пруссию. 75 лет Великой Победе! :
монография / под ред. Г. В. Кретинина, А. А. Давиденко, М. Е. Мегема ; науч. ред. Г. В. Кретинин. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2020. — 325 с.

ISBN 978-5-9971-0610-2

Монография посвящена широкому кругу проблем заключительного этапа Великой Отечественной войны и особенностям сражений в Восточной Пруссии в 1944—1945 гг. Рассматриваются вопросы исторической памяти и историографии.

Издание предназначено для читателей, интересующихся историей Второй мировой войны и вкладом в Победу советского народа.

УДК 94(47+430):355"1944/1945"

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9971-0610-2

© БФУ им. И. Канта, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Военная кампания в Восточной Пруссии в 1944—1945 годах и историческая память (<i>Г. В. Кретинин</i>).....	6
Глава 1. Так завершалась Великая Отечественная война	13
Военно-политическая обстановка к началу 1945 года (<i>С. Н. Ковалев</i>).....	13
К вопросу об итогах наступательной операции 3-го Белорусского фронта на гумбинненском направлении 16—27 октября 1944 года (<i>В. В. Изонов</i>).....	26
Невидимые, но опасные: действия советских разведчиков в Восточной Пруссии (<i>М. Е. Мегем, А. А. Давиденко</i>).....	47
Краснознаменный Балтийский флот в Восточно-Прусской наступательной операции 1945 года (<i>Е. Н. Рукавишников</i>).....	60
Особенности применения советской авиации и развития оперативного искусства ВВС в Кёнигсбергской операции 1945 года (<i>В. Г. Кикнадзе, С. В. Аверченко</i>).....	73
Тактический морской десант в боях за косу Фрише-Нерунг в апреле 1945 года (<i>Д. Е. Лосев, М. А. Скрипкина</i>).....	91
Глава 2. Действия советских войск при взятии Кёнигсберга	102
Большие пушки против большого форта: роль артиллерии особой мощности во взятии кёнигсбергского форта № 8 «Фридрих I» (<i>О. Е. Ащеулов</i>).....	102
Советская артиллерия при штурме Кёнигсберга (<i>Л. И. Головкин, А. Г. Постников</i>).....	107
Особенности применения бронетехники РККА при штурме города-крепости Кёнигсберг (<i>К. Б. Петунин</i>).....	115
Танки «Лембиту» в боях за Кёнигсберг (<i>А. С. Новиков</i>).....	130
Глава 3. Восточно-Прусская военная кампания в коллективной памяти и в профессиональной историографии	142
Гумбинненская или Гумбиннен-Гольдапская операция 3-го Белорусского фронта? Терминологический конфликт или субъективное наследие? (<i>Г. В. Кретинин</i>).....	142

«Русским нужен незамерзающий порт на Балтике» (К вопросу об истории передачи Кёнигсберга Советскому Союзу) (А. В. Золов).....	149
Мемориализация мест памяти Второй мировой войны в Вармии и Мазурах (Ю. В. Костяшов).....	170
Создание польской администрации в Восточной Пруссии в 1945 году (историография вопроса) (А. А. Жиров)	177
Новейшие труды американских и английских историков о Великой Отечественной войне (В. В. Сергеев).....	185
Глава 4. Культурно-образовательные аспекты истории сражений за Восточную Пруссию в 1944—1945 годах	193
Восточно-Прусская операция в контексте изучения истории Великой Отечественной войны в старшей школе: задачи, возможности, перспективы (Д. В. Манкевич).....	193
Роль музея в сохранении памяти о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов (на примере деятельности Калининградского областного историко-художественного музея) (Е. С. Манюк).....	197
«От Москвы до Кёнигсберга» (материалы к биографии военного дирижера Веры Родэ) (В. В. Макогонова)	206
Калининградский регион как открытая кинематографическая площадка для фильмов о Великой Отечественной войне (А. В. Вертяшкина, А. А. Ярцев)	214
Разработка базы данных советских воинов, награжденных медалью «За взятие Кенигсберга» (Е. В. Баранова, В. Н. Маслов)	227
Использование гражданского населения в обороне Кёнигсберга (Б. Виллемс; пер. с англ. А. А. Давиденко)	234
Комментарий редактора (Г. В. Кретинин)	244
Список источников и литературы	253
Приложения	277
1. Отчет о боевой деятельности 329-го отдельного артиллерийского дивизиона особой мощности под Кёнигсбергом (О. Е. Ащеулов).....	279

2. Директива Ставки ВГК № 220235 командующему войсками 3-го Белорусского фронта и представителю Ставки на подготовку операции по разгрому тильзитско-инстербургской группировки противника и овладение Кёнигсбергом (Г. В. Кретинин)	283
3. Текст призыва на службу крепости, опубликованный в газете «Пройсише Цайтунг» 11 февраля 1945 года (Б. Виллемс) ..	284
4. Стенограмма беседы с Героем Советского Союза Григоренко Михаилом Георгиевичем (Г. В. Кретинин).....	285
5. Стенограмма беседы с гвардии полковником Белым Лаврентием Тихоновичем (Г. В. Кретинин).....	295
6. Из записок Д. А. Бочарникова, ветерана 307-й стрелковой дивизии, о боях за Кёнигсберг (Р. Д. Минакова).....	308
Об авторах	322

ВВЕДЕНИЕ

Военная кампания в Восточной Пруссии в 1944–1945 годах и историческая память

После окончания Второй мировой войны прошло три четверти века. Во многом именно эта дата способствовала актуализации геополитических, культурно-демографических и особенно исторических дискурсов, сводившихся к попыткам, в целом безосновательным, пересмотреть концепции, подходы к оценке роли советских войск в войне, их успехов и неудач, хода сражений и кампаний в Восточной Пруссии в 1944—1945 гг.

Мы прекрасно понимаем, что политические, исторические, иные споры по проблемам Балтийского региона так или иначе имеют непосредственное отношение к Калининградской области как самому западному региону России. В особенности когда речь идет об исторической памяти. Можно и нужно согласиться с мнением Президента РФ В. В. Путина, подчеркнувшего, что «историческая память — великолепный цемент, который из людей разных народов, разных этносов и разных религий делает одну, единую и неделимую российскую нацию, создает и укрепляет единую и неделимую великую Россию» [Путин, 2011]. Ежегодное шествие Бессмертного полка практически по всем городам и весям страны как нельзя лучше подчеркивает утверждение Президента.

Безусловно, проблема формирования исторической памяти в Калининградской области имеет свои четко выраженные региональные особенности. Именно они побуждают нас (политиков, исследователей, просто жителей региона) придавать большее значение одним историческим событиям и обходить вниманием другие.

История распорядилась так, что именно из этого региона для советского народа начиналась Великая Отечественная война 1941—1945 гг., сюда она и вернулась: «Военная кампания в Восточной Пруссии закончилась одновременно с капи-

туляцией Германии» [Гареев, Кретинин, 2019, с. 167]. Эта особенность дополняется тем, что на территории нынешней Калининградской области прошли одни из самых ожесточенных сражений Второй мировой, но сама война, как ни странно, для жителей области остается во многом виртуальным явлением.

Во многом это связано с полной сменой населения региона во второй половине 1940-х гг.: оставшиеся после войны немцы были выселены в восточную часть Германии, а им на смену прибыли советские граждане из многих регионов большой страны [Костяшов, 1994].

В семейной памяти нового населения сохранялись события, имевшие отношение к другим участкам советско-германского фронта. Дело в том, что большинство участников войны, переселившихся после окончания боев в регион, воевали за пределами его территории. В региональном архиве сохранились данные о том, что к концу 1950 г. в Калининградской области проживало всего 1 847 участников Восточно-Прусской операции 1945 г. [ГАКО, ф. П. 1, оп. 6, д. 90, л. 122].

Исследование проблемы воспоминаний о первых годах советской власти в новой области показало, что такой источник, как жизненный опыт, в регионе сформировался с течением времени, учебников по истории тогда не писали, а массовая коммуникация часто не отвечала действительности. Общая культурная память о войне существовала, развивалась, а конкретно-историческая требовала приложения значительных усилий местных организаторов для ее создания и развития.

Надо отдать должное советским идеологам, которые были всерьез озабочены складывавшейся ситуацией вокруг исторической памяти молодого советского населения. Была развернута беспрецедентная кампания военно-патриотического воспитания, то есть то, что мы сегодня и называем формированием исторической памяти.

На территории области в каждой школе (практически в каждой!) были оборудованы музеи или уголки боевой (воинской) славы.

Память о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. находила отражение в популярных в 1960—1980-х гг. военно-

спортивных играх «Зарница» и «Орленок». Этими играми, как правило, руководили или участники войны, или офицеры воинских частей. Присутствие ветеранов становилось дополнительным стимулом в патриотическом воспитании школьников.

Ситуация изменилась с начала 1990-х гг. Система патриотического воспитания в школах была разрушена. Калининградские школьники, впрочем, как и все российские дети, основные систематизированные знания о Великой Отечественной войне, о Второй мировой войне получали из школьных учебников по истории. Несомненно, такого объема информации оказывалось недостаточно.

Была предпринята попытка расширения доступа учащихся к информации о военном прошлом: стали образовываться туристические клубы, краеведческие кружки, частично восстанавливались школьные музеи — все это расширяло познания детей о войне.

Но неожиданно выяснилось, что формирование памяти о Великой Отечественной войне осложнилось социально-демографическими особенностями, вызванными новой волной миграции в Калининградскую область из других регионов бывшего Советского Союза. В начале нового века численность переселенцев составила до 25% населения [Клемешев, Федоров, 2001, с. 12].

Одновременно шло сокращение численности коренных калининградцев, то есть той части населения, которая была сформирована в результате деятельности советских идеологов, занимавшихся военно-патриотическим воспитанием. По данным социологов, в начале XXI в. на территории Калининградской области проживало всего 56,4% родившихся здесь жителей [Чабанова, 2002, с. 96].

Разрушение прежней системы военно-патриотического воспитания, изменение социально-демографической обстановки в регионе привело к тому, что у населения области начала формироваться историческая память, полученная не от предков, а опосредованная, искусственная.

Именно в этот период в корректируемом действительностью калининградском социуме появились другие воззрения

на особенности ведения боевых действий в 1944—1945 гг. в Восточной Пруссии, на социально-демографическую обстановку в регионе в конце войны и в первые годы после ее окончания.

Дело в том, что в советские годы у калининградских школьников были весьма популярны каникулярные поездки в Ленинград и Смоленск, в Белоруссию, Литву и Латвию, где наряду со знакомством с туристическими объектами детям рассказывали и о том, что происходило в период немецкой оккупации (блокада Ленинграда, 10-й форт в Каунасе и концлагерь в Саласпилсе, сожженная вместе с жителями белорусская деревня Хатынь, уничтоженная Смоленщина и др.). Калининградцы могли предметно воспринимать ужасы войны для мирного населения, знакомиться с тем, как советский народ боролся за свою свободу и независимость, какой ценой ему досталась Победа.

В постсоветский период туристический вектор сменил направление. Жители области стали активно знакомиться с городами Польши, с Барселоной, Роттердамом, с объектами других европейских культурных центров, тогда как в Центральную Россию туристический поток сократился.

Контакты калининградцев с западными соседями, польская, литовская, немецкая переводная и оригинальная литература, различные фильмы, пресса, телевидение акцентировали внимание нынешних жителей региона именно на социальных аспектах сражений в Восточной Пруссии [Бёддекер, 2006; Кноблаух, 2010; Рефельд, 2010; Adamczewski, 2011, s. 336 и др.].

О подвигах и мужестве ленинградцев, о жителях сожженных белорусских деревень, о том, кто это все устроил, уже не вспоминали. Речь шла о мирном населении Восточной Пруссии в военный период, то есть о немцах, жителях территории, куда война пришла с востока (точнее, вернулась, но на этот нюанс, как правило, не обращали внимания). Таким образом, «ужасы» в немецкую провинцию, преуспевающую, патриархально-бюргерскую (одновременно благословившую 22 июня 1941 г. части вермахта на вторжение со своей территории на советскую) принесли советские солдаты.

Таким внедрением в сознание калининградцев затушевался истинный характер войны, ее политическая подоплека, не говоря уже о нивелировании мужества, героизма советских солдат. Причем подобные взгляды на события находили отражение в материалах уже своих, региональных, СМИ и изданий.

В результате историческая память калининградцев о Великой Отечественной войне подвергалась серьезному идеологическому воздействию, шло формирование негативной коннотации происходившего. Советский солдат представлялся средоточием зла, принесшим неисчислимы бедствия пруссакам. Так фантомная память предыдущего населения провинции оказывала и продолжает оказывать влияние на историческую память калининградцев, в чем-то дополняя, но в основном искажая ее.

Известно, что существует ряд инструментов для формирования исторической памяти: учреждения образования, музеи, литература, искусство, архивы, СМИ и т. д. Эти инструменты могут использоваться по отдельности, могут и во взаимодействии (комплексно). Выставки, симпозиумы, конференции, издательская деятельность — мероприятия постоянно действующие, направленные на достижение воспитательно-образовательных целей в формировании исторической памяти россиян.

В предъюбилейный период калининградцы смогли принять участие в различных научно-исторических конференциях, в Эстафете Победы в Гусеве, Черняховске, Краснознаменске, Нестерове, Добровольске, в других городах и населенных пунктах региона. Библиотеки области пополнились новыми книгами по истории боев в Восточной Пруссии.

В апреле 2020 г. в Калининграде планировалось проведение ряда мероприятий, посвященных юбилею Победы. К сожалению, пандемия, накрывшая планету, внесла коррективы в планы многих стран, народов. Были внесены изменения и в калининградскую действительность. Планировавшаяся в БФУ им. И. Канта международная конференция была организована совместно с Калининградским областным историко-художественным музеем, Институтом российской истории РАН, Ин-

ститутом всеобщей истории РАН и проведена в виртуальном формате [Виртуальная научно-практическая конференция]. По ее результатам принято решение издать научную монографию. В содержательном плане она включает традиционные рубрики: введение, четыре главы, список источников и литературы и приложения.

В материале первой главы основное внимание уделено общим вопросам заключительного этапа войны. Здесь представлены исследования действий различных видов и родов войск Красной армии в Восточной Пруссии от начала боевых действий (Гумбинненская наступательная операция в октябре 1944 г.) до завершения боев (морские десанты на косу Фрише-Нерунг в мае 1945 г.).

Известно, что Кёнигсберг представлял собой мощный оборонительный район, в овладении которым особую роль играли советская артиллерия и танковые подразделения. Эта проблематика исследовалась авторами второй главы монографии. Полученные ими результаты способствуют пониманию того, как город-крепость был взят советскими войсками в кратчайшие сроки и с малыми потерями.

Третья глава посвящена непосредственно особенностям формирования коллективной и исторической памяти о боях в Восточной Пруссии, отражению этой памяти в послевоенной политической и историографической действительности.

Наконец, авторы четвертой главы монографии исследовали процессы формирования и сохранения исторической памяти о войне в ее культурно-образовательных аспектах.

В четвертой главе представлены также мнения участников международной дискуссии о событиях, связанных со штурмом Кёнигсберга. Дискуссия длится уже пять лет и неизменно привлекает внимание различных специалистов.

В материалах книги приведены многочисленные ссылки на документы военного времени. В процессе работы над монографией у авторов появилось желание познакомить читателей, последующих исследователей, обратившихся к коллективному

труду, с малой толикой неизвестных до настоящего времени документов, авторами которых — в прямом смысле творцами исторической памяти — стали участники штурма Кёнигсберга и Пиллау.

В цитируемых документах сохранена орфография оригиналов.

Монографию заключают список источников и литературы и приложения.

Предлагаемая вниманию читателей работа посвящена широкому кругу военно-исторических и политических проблем заключительного этапа Второй мировой войны, формированию и закреплению у россиян, в частности у калининградцев, исторической памяти о своем прошлом. Надеемся, что предлагаемые результаты научных исследований внесут свой вклад в расширение нашего знания об очень важном для жителей региона периоде.

В процессе подготовки издания к выходу в свет нам оказали содействие сотрудники Центрального архива Министерства обороны РФ. Консультационную, организационную и научную помощь мы получили от проректора по научной работе БФУ им. И. Канта, кандидата физико-математических наук М. В. Дёмина; заместителя проректора по научной работе (по социально-гуманитарному направлению) БФУ им. И. Канта, кандидата политических наук Я. А. Ворожеиной; младшего научного сотрудника Центра исследования исторической памяти БФУ им. И. Канта А. А. Курганского. Отдельно следует выразить благодарность директору Калининградского областного историко-художественного музея, кандидату исторических наук С. А. Якимову и сотрудникам музея, принявшим участие в конференции, посвященной юбилею Великой Победы.

*Научный редактор,
профессор Г. В. Кретинин*

Глава 1

ТАК ЗАВЕРШАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Военно-политическая обстановка к началу 1945 года

Военно-политическая обстановка к началу 1945 г. определялась решающими победами Советского Союза, одержанными над фашистской Германией в 1944 г. В летнюю кампанию 1944 г. советские войска провели семь крупных операций по окружению и разгрому немецких группировок. Это было значительно больше, чем в предыдущих кампаниях. Наиболее крупными операциями с решающими целями стали Белорусская, Яско-Кишиневская и Львовско-Сандомирская, где было разгромлено до 127 дивизий противника. В результате оборонительный фронт немецких войск был разбит на протяжении 2200 км от Западной Двины до Черноморья. Наши войска продвинулись вперед на отдельных направлениях до 700 км. В летней кампании 1944 г. в наступательных операциях приняли участие все 12 фронтов, Северный, Балтийский и Черноморский флоты, озерные и речные флотилии [Великая Отечественная война, 1999, с. 17].

Вся территория СССР, за исключением Курляндии (здесь оказалась блокирована группировка немецких войск, образованная из частей 16-й и 18-й армий группы армий «Север»), была освобождена от вражеских войск. Красная армия перенесла военные действия на территорию ряда стран Европы: к концу 1944 г. советские войска освободили Румынию, Болгарию, часть Польши, большую часть Венгрии, северную часть

Норвегии, наши воины вступили в пределы Чехословакии, вторглись в Восточную Пруссию. Красная армия, громя немецко-фашистские войска, вела героическую борьбу за восстановление мира, оказывала европейским народам помощь в освобождении от нацистского рабства.

К началу 1945 г. советско-германский фронт проходил по линии Тукумс, Лиепая (Либава), Мемель, Тильзит, Августов, Варшава, Демблин, Сандомир, Ясло, Кошице, оз. Балатон, Осiek. Далее в направлении Сараево, Имотски, Синь и до побережья Адриатического моря проходил фронт Народно-освободительной армии Югославии. Советский Союз оказывал прямую военную помощь югославскому народу. Двадцатого октября 1944 г. войска 3-го Украинского фронта совместно с частями Народно-освободительной армии Югославии освободили столицу страны город Белград [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 6].

Выход советских войск на Балканы вызвал усиление национально-освободительного движения в Албании и Греции. Большого размаха достигло партизанское движение в Италии: к началу 1945 г. партизанская армия, действовавшая в тылу немецко-фашистских войск, насчитывала в своих рядах 100 тыс. человек [Лонго, 1951, с. 304].

Под ударами Советских Вооруженных сил окончательно развалился блок фашистских государств. Во второй половине 1944 г. были выведены из войны союзники Германии — Финляндия, Румыния, Болгария, Венгрия, которые, разорвав союз с Германией, объявили ей войну. Это обусловило изоляцию Германии в Европе и дальнейшее расширение фронта антигитлеровской коалиции.

Летом 1944 г. союзники высадились на побережье Франции, открыв второй фронт. В ходе развернувшегося наступления союзные войска сломали сопротивление немецко-фашистских войск и изгнали их из пределов Средней Италии, Франции, Бельгии. Германия оказалась между двух фронтов.

После открытия второго фронта правящие круги США и Англии стремились уже не к затягиванию войны, как раньше, а к тому, чтобы занять территории как можно большего количества стран Европы, чтобы не допустить выхода советских войск в Центральную Европу. Об этих стремлениях бывший премьер-министр Англии У. Черчилль писал в своих мемуарах о Второй мировой войне: «Я очень хотел, чтобы мы опередили русских в некоторых районах Центральной Европы» [1955, с. 146].

Руководители фашистской Германии не раз предпринимали попытки сорвать согласованные действия союзных держав, расколоть антигитлеровскую коалицию. Они намеревались склонить правительства США и Англии к сепаратному миру, чтобы вместе с ними продолжать борьбу против СССР. С этой целью между представителями Германии и ряда кругов США и Англии неоднократно велись за спиной Советского Союза переговоры о сепаратном мире. Однако антигитлеровскую коалицию не удалось расколоть.

Важнейшим фактом, свидетельствовавшим о провале этих попыток, стали исторические решения Крымской конференции трех великих держав, проходившей с 4 по 12 февраля 1945 г. На конференции были разработаны и приняты согласованные решения, связанные с завершением войны и послевоенной политикой трех великих держав. Эти решения предусматривали полный разгром вооруженных сил Германии и ее безоговорочную капитуляцию. На Крымской конференции был также решен важный вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии. Следуя союзническому долгу, СССР выразил готовность через три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе выступить на стороне союзников [Великая Победа, 2015, с. 7—61].

Победы Советских вооруженных сил в 1944 г., оказавшие огромное влияние на развитие международных событий, стали возможны благодаря всенародной поддержке и возросшим экономическим возможностям СССР.

Возрастание экономической мощи Советского Союза в 1944 г. в значительной степени происходило за счет восстанавливаемых предприятий на территориях, освобожденных от врага, главным образом в отраслях, обеспечивавших потребности фронта. Расширилось производство на предприятиях в восточных районах страны, которые поставляли на фронт все более совершенные виды вооружения и боеприпасов. За четыре года Великой Отечественной войны промышленное производство увеличилось на Урале в 3,6 раза, в Сибири — в 2,8 раза, в Поволжье — в 3,4 раза [Заседания Верховного Совета СССР, 1946, с. 357—388]. На экономической базе восточных районов Советского Союза уровень промышленного производства позволил в течение первого полугодия 1945 г. выпустить военной продукции в 5,6 раза больше, чем в первом полугодии 1941 г. Характерной особенностью того периода было значительное повышение производительности труда: в танковой промышленности по сравнению с 1943 г. — на 23,7%, а в авиационной промышленности — на 11,8% [Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР, 1945, с. 8].

Уровень производства самолетов, достигнутый в 1944 г., полностью обеспечивал Военно-воздушные силы Красной армии необходимым количеством боевых самолетов новых конструкций. Численность самолетного парка Красной армии на 1 января 1945 г. составляла 47 290 самолетов. С 1 января 1944 г. по 1 января 1945 г. численность самолетного парка увеличилась на 8828 самолетов, или на 22,9% [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 9].

Активизировалось производство танков и самоходно-артиллерийских установок. Общее их количество увеличилось с 24 086 в 1943 г. до 28 984 в 1944 г., или на 20% [Там же, с. 11]. В 1944 г. промышленность перешла к выпуску более совершенных танков и самоходно-артиллерийских установок. Вооружение танка Т-34 улучшили установкой на нем 85-мм пушки. Из 14 648 машин, произведенных в 1944 г., было 3 602 танка Т-34, 10 633 — Т-34-85 и 413 огнеметных Т-ОЗ4. Тяжелый танк ИС выпускался преимущественно с 122-мм пушкой. Если из

102 произведенных танков ИС в 1943 г. было 67 машин ИС-85 и 35 машин ИС-122, то в 1944 г. произвели 2 210 танков ИС-122, а ИС-85 — всего 40 [Операции Советских Вооруженных сил, 1959]. Производимые танки (средний Т-34 и тяжелый ИС) по своим тактико-техническим данным превосходили танки немецко-фашистской армии.

В 1944 г. увеличилось производство более совершенных артиллерийских систем. Например, вырос выпуск 76-мм (ОБ-25 и ЗИС-3) пушек. Кроме того, в 1944 г. началось производство 100-мм полевых пушек и 160-мм минометов [Там же, с. 12].

Дальнейший рост и укрепление политического, экономического и военного могущества Советского Союза стали базой для достижения в 1945 г. полного разгрома гитлеровской Германии.

После военных поражений в 1944 г. положение Германии ухудшилось. Так, если до середины 1944 г. промышленное производство в этой стране находилось на относительно высоком уровне, то примерно с июня-июля 1944 г. началось его резкое понижение. За период с мая 1944 г. до середины января 1945 г. только вследствие потерь территорий и промышленных объектов Германия лишилась 15 % всех мощностей своей промышленности (без учета угольной, горнорудной, строительной) [Там же, с. 11].

Серьезно ухудшилось положение с обеспечением промышленности Германии стратегическим сырьем: была утрачена возможность использовать сырьевые ресурсы европейских стран, которые она ранее оккупировала; развал блока фашистских государств и нарушение экономических связей Германии с нейтральными государствами отрицательно сказались на поставках стратегического сырья. К началу 1945 г. месячная добыча угля в Германии и оккупированных ею странах сократилась с 26,9 млн т в июне до 14,3 млн т в декабре 1944 г. [Промышленность Германии, 1956, с. 141]. Значительно снизилась выработка жидкого топлива (бензина и дизельного топлива). Общее поступление жидкого топлива сократилось с 415 тыс. т в марте до 142 тыс. т в декабре 1944 г. [Там же, с. 149—150].

Выплавка стали в конце 1944 г., по германским официальным данным, «была значительно ниже уровня ... для поддержания планового производства вооружения и военных материалов» [Промышленность Германии, 1956, с. 155].

Несмотря на общее ухудшение положения в промышленности, за счет высокого напряжения производственных возможностей и решительного свертывания различных невоенных отраслей Германии удалось достигнуть в 1944 г. более высоких, чем в 1943 г., показателей производства военной продукции (табл. 1).

Таблица 1

**Сравнительные данные о выпуске военной продукции
в Германии за 1943 и 1944 гг.**

Военная продукция, шт.	1943	1944
Самолеты	25 220	37 950
Легкие броневики и танки	7 900	10 000
Средние танки	9 400	12 100
Тяжелые танки	2 500	5 200
Грузовые автомобили	81 900	89 069
Минометы	23 000	31 000
Орудия от 75-мм и более	27 000	41 000

Источник: [Там же, с. 270—272].

Однако выпуск военной продукции в течение 1944 г. был неравномерным: после достижения максимального уровня в середине года со второй его половины началось падение военного производства, неуклонно продолжавшееся до окончания войны [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 15].

К началу 1945 г. ухудшилось положение и в сельском хозяйстве Германии, и в обеспечении продовольствием. В сельском хозяйстве проявился недостаток в рабочей силе, вызванный мобилизациями мужского населения в армию и на военное производство, а также широким привлечением населения к работам по строительству оборонительных сооружений на

территории Германии. Также она лишилась большого объема поставок сельхозпродукции из почти всех ранее оккупированных западноевропейских стран. Дальнейшее ухудшение политического, военного и хозяйственного положения фашистской Германии отрицательно сказалось на состоянии ее вооруженных сил.

Со второй половины 1943 г. одной из самых трудных задач для гитлеровского правительства стало восполнение потерь своей армии. К началу 1945 г. эта задача еще более осложнилась и стала неразрешимой. Так, по данным германского генерального штаба, только в августе-октябре 1944 г. действующая сухопутная армия Германии потеряла 1 млн 192 тыс. человек. Пополнение, прибывшее за эти же месяцы, не могло восполнить потери. Для укомплектования соединения действующей сухопутной армии получили пополнение (выздоровливающие, маршевые подразделения и специальное пополнение) всего 288 тыс. человек. Кроме того, немецкая армия пополнилась новыми формированиями общей численностью в 380 тыс. человек [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 16].

Непрерывное увеличение людских потерь при одновременном уменьшении поступавшего пополнения вызвало сокращение абсолютной численности вооруженных сил Германии. За 1944 г. численность германских вооруженных сил уменьшилась с 10 млн 169 тыс. человек до 7 млн 476 тыс., т. е. на 2 млн 693 тыс. человек, или на 26,5% [Там же].

Таким образом, к началу 1945 г. фашистская Германия оказалась в исключительно трудном положении. Она понесла колоссальные потери в людях и технике, лишилась в Европе всех своих союзников и значительной части захваченных территорий, из которых поступали продовольствие и стратегическое сырье, оказалась изолированной и окруженной со всех сторон войсками противников. Все это показывало правящим кругам нацистской Германии, что война проиграна, и что ее вооруженные силы уже не в состоянии изменить положение [Там же].

Бывший начальник штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель в своих показаниях по этому поводу говорил:

С лета 1944 года я понял, что военные уже сказали свое слово и не могут оказать решающего воздействия на ход войны — дело оставалось за политикой. Начиная с лета 1944 года Германия вела войну за выигрыш времени, в ожидании тех событий, которые должны были случиться, но которые не случились [Генералы и офицеры вермахта, 2009, с. 29—46].

Вышеприведенное иллюстрирует то, что руководители Германии рассчитывали: различные цели, которые преследовали в войне США и Англия, с одной стороны, и Советский Союз — с другой, приведут к резким разногласиям и вооруженному конфликту между союзниками и создадут благоприятные условия для сепаратного соглашения Германии с США и Англией. На этих надеждах и был основан стратегический план немецко-фашистского главного командования на 1945 г. Этот план сводился к организации упорной обороны прежде всего на советско-германском фронте с целью максимального затягивания войны и выигрыша времени для сепаратного сговора с США и Англией.

В начале декабря 1944 г., оценивая перспективу развития событий на советско-германском фронте, германское командование полагало, что советские войска в ближайшее время проведут две главные операции: одну — против немецкой группы армий «Центр» в Восточной Пруссии, а другую — против германских войск в южной части Польши, Чехословакии и Венгрии. Германское командование считало, что на центральном участке фронта, в полосе от Варшавы до Сандомирского плацдарма, советские войска будут вести наступательные действия местного значения в целях обеспечения оперативной связи между указанными двумя главными операциями [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 17].

В конце декабря 1944 г. — начале января 1945 г. германское командование внесло некоторые изменения в оценку об-

становки. Оно установило сосредоточение крупных сил Красной армии между Варшавой и Карпатами, а также против группы армий «Центр» и в связи с этим в середине января 1945 г. ожидало общего крупного наступления советских войск на всем фронте от Мемеля до Карпат. Германское командование считало, что цель наступления советских войск состояла в том, чтобы уничтожить немецкую армию и овладеть городами Прага, Бреславль (Бреслау), Познань, Грауденц, Данциг, Берлин [Там же]. Исходя из такой оценки обстановки, командование вермахта основное внимание направило на подготовку к отражению нового наступления советских войск.

Вместе с тем германское верховное командование решило провести в Арденнах крупную наступательную операцию с целью окружения группировки американско-английских войск в Бельгии и Голландии. Достижение этой цели, по мнению командования вермахта, должно было сорвать готовившееся наступление англо-американцев на Западном фронте и создать условия для переброски значительного количества боеспособных соединений с Западного фронта на советско-германский фронт.

К началу 1945 г. германская армия еще продолжала оккупировать Норвегию, Данию, большую часть Голландии, Австрию, большую часть Польши, Чехословакии, часть Югославии, Венгрии и Италии. Правительство Германии стремилось удержать за собой эти страны как источники сырья, районы производства военных материалов и продовольствия. Между тем оккупация указанных стран вела к распылению вооруженных сил Германии на обширных пространствах Северной, Центральной и Юго-Восточной Европы [Там же, с. 17—18].

Число соединений противника на советско-германском фронте на 1 января 1945 г. составляло 189 (169 дивизий и 20 бригад). С учетом войск Венгрии, действовавших в составе вооруженных сил Германии, группировка противника на советско-германском фронте включала 206 соединений (185 дивизий и 21 бригаду). Группировка немецко-фашистских войск на Западном фронте и в Италии к началу 1945 г. составляла

107 соединений (103 дивизии и 4 бригады). Приведенные данные показывают, что количество соединений противника на советско-германском фронте превышало количество соединений на Западном и Итальянском фронтах почти в два раза. Всего к началу кампании германский Восточный фронт насчитывал 3,7 млн человек (на западе противник имел только 1,9 млн человек), 56,2 тыс. орудий и минометов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий и 4,1 тыс. боевых самолетов [История Второй мировой войны, 1979, с. 230]. Надо принимать в расчет, что на советско-германском фронте действовали наиболее боеспособные формирования врага.

На 1 января 1945 г. распределение войск противника на советско-германском фронте было следующим: оперативная группа «Нарвик», развернутая в северной части Норвегии, состояла из 9 дивизий и 8 бригад; группа армий «Север», блокированная в Курляндии, имела 34 дивизии и 1 бригаду, в том числе 4 танковые и моторизованные дивизии; группа армий «Центр», действовавшая в Восточной Пруссии и в районе севернее Варшавы, насчитывала 40 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных; группа армий «А», оборонявшаяся в Польше от Варшавы до Карпат, объединяла 43 дивизии и 2 бригады, в том числе 6 танковых и моторизованных дивизий; группа армий «Юг», находившаяся в юго-восточной части Чехословакии и западной части Венгрии, включала 41 дивизию и 4 бригады, в том числе 15 танковых и моторизованных дивизий [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 18].

К началу 1945 г. Красная армия продолжала прочно удерживать стратегическую инициативу, готовясь к нанесению завершающих ударов по гитлеровской Германии. Группировки советских войск, располагавшиеся к югу от Балтийского моря, были распределены по четырем участкам фронта. На фронте от Тукумса до Либавы и далее по Неману до Юрбурга действовали войска 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов. Им противостояла курляндская группировка противника. На фронте от Юрбурга до Варшавы действовали войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов, имея перед собой восточнопрусскую группи-

ровку противника. Против группировки немецко-фашистских войск, находившихся в Польше, на фронте от Варшавы до Ясло, действовали войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов. Против войск противника, находившихся на территории Чехословакии, Венгрии и частично Югославии, на фронте от Ясло до Осиек, действовали войска 4-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов, а также Дунайская военная флотилия. К началу 1945 г. в резерве Ставки Верховного Главнокомандования на советско-германском фронте были 19-я, 26-я, 32-я, 7-я общевойсковые и 5-я гвардейская танковая армии (5-я гвардейская танковая армия 8 января 1945 г. была включена в состав 2-го Белорусского фронта). Распределение советских войск и войск противника на фронте от Тукумса до Осиек на 1 января 1945 г. приведено в таблице 2.

Таблица 2

Распределение советских войск и войск противника на фронте от Тукумса до Осиек на 1 января 1945 г.

Участок фронта	Советские войска, %		Войска противника, %	
	Общевойсковые соединения	Крупные танковые и механизированные соединения	Пехотные и приравненные к ним дивизии, бригады	Танковые и моторизованные дивизии
От Тукумса до Тильзита	17,4	5,4	21,4	12,9
От Тильзита до устья р. Западный Буг (севернее Варшавы)	27,2	27,0	24,3	19,4
От Варшавы до Ясло	31,5	43,2	27,9	19,4
От Ясло до Осиек	23,9	24,4	26,4	48,3

Источник: [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 18—20]

Из данных таблицы 2 следует, что главные усилия советских войск были сосредоточены на фронте от Тильзита до Ясло, где находилось 58,7% общевойсковых соединений и 70,2% танковых и механизированных корпусов, т.е. около двух третей всех сил. Противник на указанном фронте держал 52,2% пехотных и приравненных к ним дивизий и бригад и 38,8% танковых и моторизованных дивизий. Немцы имели сильную группировку на южном крыле, от Ясло до Осиек.

Проводя анализ распределения советских войск и войск противника на фронте от Тукумса до Осиек, специалисты Военно-научного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР пришли к следующему выводу:

Сравнение этих данных показывает, что стратегическая группировка германской армии на советско-германском фронте к началу 1945 г. в целом была невыгодной. Это в значительной степени обуславливалось тем, что крупные силы противника были блокированы на Курляндском полуострове, а также и тем, что более трети пехотных дивизий и более половины всех танковых и моторизованных дивизий немецко-фашистское командование держало на южном крыле — в Карпатах и Венгрии. Скованные активными действиями советских войск, эти силы не могли быть переброшены в Восточную Пруссию и Польшу, где намечались основные удары советских войск [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 21].

По авиации к началу 1945 г. подавляющее превосходство было на стороне ВВС Красной армии, которая господствовала в воздухе.

В ходе кампании 1945 г. в Европе боевые действия военно-морских сил проходили главным образом на Балтийском море. К концу 1944 г. противник имел там 2 учебных линейных корабля, 6 крейсеров, 4 легких крейсера, 2 вспомогательных крейсера, 1 крейсер ПВО, до 10 эскадренных миноносцев, 27 миноносцев, до 200 подводных лодок, 3 канонерские лодки, до 60 торпедных катеров и значительное число других судов. Основные силы флота базировались на порты Данцигской

бухты — Гдыню, Данциг, Пиллау. Вражеский флот должен был обеспечивать морские перевозки, прикрывать пути сообщения, осуществлять оборону своих баз [Сборник материалов, 1947, с. 6].

На 1 января 1945 г. Краснознаменный Балтийский флот насчитывал в своем составе 1 линейный корабль, 2 крейсера, 2 лидера, 10 эскадренных миноносцев, 20 подводных лодок, 78 торпедных катеров и другие суда [Хроника Великой Отечественной войны, 1951, с. 7—8, 353—358]. Главными базами флота были Ленинград и Кронштадт. Основными задачами флота являлись: нарушение морских путей сообщения противника, оборона совместно с сухопутными войсками районов военно-морских баз, островов и побережья от десантов и воздействия кораблей противника; содействие продвижению приморских флангов 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов огнем железнодорожной и корабельной артиллерии, высадкой десантов [Там же, с. 7].

Авиация флота включала 781 самолет, в том числе 365 истребителей, 87 торпедоносцев, 74 бомбардировщика, 176 штурмовиков, 66 разведчиков, 13 корректировщиков. Из общего числа самолетов в строю находилось 690 единиц [Там же, с. 9].

В начале 1945 г. для Краснознаменного Балтийского флота создались более благоприятные условия для ведения боевых действий, чем раньше. Корабли получили возможность свободно выходить в Балтийское море и передвигаться в территориальных водах Финляндии. Авиация флота могла базироваться на аэродромы в Прибалтике и Финляндии. Все это позволяло наносить удары по любым коммуникациям и базам противника на Балтике.

Таким образом, к началу 1945 г. военно-политическая обстановка была благоприятной для Советского Союза и его Вооруженных Сил и, наоборот, крайне невыгодной для гитлеровской Германии и ее армии [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 22]

К вопросу об итогах наступательной операции 3-го Белорусского фронта на гумбинненском направлении 16–27 октября 1944 года

В результате летнего наступления советских войск и разгрома врага в Белоруссии и Литве войска 3-го Белорусского фронта (командующий — генерал армии И. Д. Черняховский) вышли непосредственно к границам Германии (Восточная Пруссия) [Великая Отечественная война, 2012, с. 418]. «Овладение Восточной Пруссией — цитаделью германского милитаризма — составило важную страницу завершающего этапа войны в Европе», — подчеркивал Маршал Советского Союза А. М. Василевский [Василевский, 1984, с. 400].

В начале октября сосед справа — 1-й Прибалтийский фронт (командующий — генерал армии И. Х. Баграмян) — нанес противнику удар на мемельском направлении, отрезав в районе Либава — Виндава крупную группировку противника.

Содействуя наступлению соседа, 3-й Белорусский фронт 6—12 октября 1944 г. силами 39-й армии (командующий — генерал-лейтенант И. И. Людников) провел успешную Таурагскую операцию, в результате которой советские войска вышли к государственной границе на участке р. Неман, Наумиестис [ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 500, л. 1].

Остальные армии фронта, находясь в обороне, одновременно приводили себя в порядок, получали пополнение личным составом и военной техникой. За этот период была также произведена деятельная разведка, в частности сплошное перефотографирование пограничных укрепленных районов и глубины обороны противника до Кёнигсберга включительно [Галицкий, 1970, с. 31].

К середине октября 1944 г. войска 3-го Белорусского фронта были готовы нанести удар непосредственно на территории врага.

Сосед слева — 2-й Белорусский фронт (командующий — Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский) вел напряженные наступательные бои за расширение плацдарма на р. Нарев.

Местность в полосе фронта севернее линии Мала Сталавка — Пиллепенен — Вальтеркемен представляла собой равнину со слабоволнистой поверхностью, имевшей общий уклон в северо-западном направлении.

Южнее линии Мала Сталавка — Пиллепенен — Вальтеркемен рельеф местности приобретал мелкохолмистый характер, наиболее ярко выраженный перед левым флангом фронта, где возвышения холмов достигали 15—20 м, а крутизна скагов — 10—15 градусов.

Понижения между холмами в большинстве случаев были заболочены, причем наиболее значительные заболоченные участки располагались в долине р. Шервинта и северо-западнее Кунигишки, где они создавали серьезные препятствия для передвижения танков и транспортных средств.

Почти все болота были покрыты слоем торфа мощностью 0,5—1,2 м. Почвогрунты в полосе фронта в основном были представлены суглинками или глинами, местами покрытыми тонким слоем чернозема, проходимость которого в сухое время года удовлетворительна, но с выпадением осадков резко ухудшалась в связи с образованием тяжелой липкой грязи.

Местность, особенно в центре и на правом фланге фронта, характеризовалась почти полным отсутствием крупных лесных массивов (за исключением *Штаат форт Роминтен* северо-восточнее Гольдапа), но изобиловала небольшими рощами площадью 2—3 км² и культурными приусадебными насаждениями.

Речная и озерная сеть района действия фронта оказалась значительно развитой. Реки извилистые, короткие, неглубокие и в большей части имели песчано-каменистое дно. Наиболее значительными реками в полосе фронта являлись:

— р. Писса (ширина 5—10 м, глубина 0,5—1,2 м, высота берегов 10—15 м);

— р. Роминте (ширина 20—30 м, глубина 0,5—1,5 м, высота берегов 15—25 м);

— р. Анграпп (ширина 20—30 м, глубина 0,5—1,2 м, высота берегов 2—3 м) [ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 506, л. 6].

Долины рек отличались небольшой шириной, но сильной врезанностью в поверхность.

Дорожная сеть, особенно в центре фронта, была развита вполне удовлетворительно. Грунтовые и шоссейные дороги содержались в хорошем состоянии, но вследствие узости полотна мало подходили для двустороннего движения.

Населенные пункты располагались равномерно с плотностью 6—10 населенных пунктов на 10 км². Большая часть населенных пунктов представляла собой хутора или небольшие деревни из 15—30 дворов с деревянными постройками на каменном фундаменте.

В целом мелкохолмистый характер рельефа местности, особенно на левом фланге фронта, способствовал противнику в организации мощной обороны с применением трудноуязвимой системы флангового и косоприцельного огня.

Местность в полосе действий фронта по характеру рельефа, составу почвогрунтов и насыщенности дорог позволяла использовать все рода войск, в том числе танки и артиллерию, особенно на правом фланге фронта и в центре.

Повсеместная разбросанность мелких рек способствовала скрытому расположению и внезапным контратакам противника, но не обеспечивала маскировку крупных группировок.

Лесной массив северо-восточнее Гольдапа мог быть использован для обхода группировки противника перед фронтом 8-го и 16-го гвардейских стрелковых корпусов с юга.

Войска 3-го Белорусского фронта в своем составе имели:

• 39-я армия:

— 5-й гвардейский стрелковый корпус (гвардии генерал-лейтенант И. С. Безуглый): 91-я, 17-я, 19-я гвардейские стрелковые дивизии;

— 113-й стрелковый корпус (генерал-лейтенант Н. Н. Олешев): 192-я, 338-я, 262-я стрелковые дивизии, 152-й укрепленный район;

— 28-я танковая бригада, 735-й, 927-й самоходные артиллерийские полки, 32-я инженерно-саперная бригада;

— артиллерия усиления: 139-я пушечная артиллерийская бригада, 610-й истребительно-противотанковый артиллерий-

ский полк, 555-й армейский минометный полк, 326-й гвардейский минометный полк (М-13), 621-й и 1481-й армейские зенитно-артиллерийские полки;

— 48-й дивизион бронепоездов.

• 5-я армия (генерал-лейтенант П. Г. Шафранов):

— 45-й стрелковый корпус (и. д. генерал-майор А. А. Вольхин, с 18 октября генерал-майор Н. И. Иванов): 159-я, 184-я, 97-я стрелковые дивизии;

— 72-й стрелковый корпус (генерал-майор А. И. Казарцев): 277-я, 215-я, 63-я стрелковые дивизии;

— 65-й стрелковый корпус (генерал-майор Г. Н. Перекрестов): 371-я, 157-я, 144-я стрелковые дивизии;

— 2-я гвардейская танковая бригада, 120-я танковая бригада, 35-й, 81-й, 75-й гвардейские тяжелые танковые полки, 253-й инженерно-танковый полк (тральщиков), 337-й, 373-й, 3395-й, 350-й гвардейские тяжелые самоходные артиллерийские полки, 1197-й самоходный артиллерийский полк, 4-я штурмовая инженерно-саперная бригада, 63-я инженерно-саперная бригада, 18-й моторизованный противотанковый огнеметный батальон;

— 4-я гвардейская пушечная артиллерийская дивизия (11-я, 12-я, 13-я и 14-я гвардейские пушечные артиллерийские бригады), 2-я танковая бригада, 11-я гвардейская минометная бригада (М-31), 15-я гвардейская пушечная артиллерийская бригада, 16-я гвардейская истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 17-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 83-й гвардейский гаубичный артиллерийский полк, 392-й, 570-й корпусные артиллерийские полки, 480-й гаубичный артиллерийский полк, 283-й армейский минометный полк, 696-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 226-й, 345-й отдельные артиллерийские дивизионы особой мощности, 95-й, 307-й гвардейские минометные полки (М-13), 20-й и 48-й зенитно-артиллерийские дивизионы.

• 11-я гвардейская армия (гвардии генерал-полковник К. Н. Галицкий):

— 8-й гвардейский стрелковый корпус (гвардии генерал-лейтенант М. Н. Завадовский): 5-я, 26-я, 83-я гвардейские стрелковые дивизии;

— 16-й гвардейский стрелковый корпус (гвардии генерал-майор С. С. Гурьев): 1-я, 16-я, 31-я гвардейские стрелковые дивизии;

— 36-й гвардейский стрелковый корпус (гвардии генерал-майор Е. В. Рыжиков): 11-я, 18-я, 84-я гвардейские стрелковые дивизии;

— 153-я, 213-я танковые бригады, 76-й и 77-й гвардейские танковые полки, 146-й инженерно-танковый полк (тральщиков), 343-й, 345-й, 348-й гвардейские тяжелые самоходные артиллерийские полки, 1057-й, 1435-й самоходные артиллерийские полки;

— 2-я гвардейская штурмовая инженерно-саперная бригада, 66-я инженерно-саперная бригада;

— 2-я гвардейская пушечная артиллерийская дивизия: 4-я гвардейская легкая артиллерийская бригада, 5-я гвардейская гаубичная артиллерийская бригада, 6-я гвардейская пушечная артиллерийская бригада;

— 114-я пушечная артиллерийская бригада, 20-я гвардейская гаубичная артиллерийская бригада большой мощности, 33-я минометная бригада;

— 20-я артиллерийская дивизия прорыва: 33-я гвардейская легкая артиллерийская бригада, 162-я гаубичная артиллерийская бригада, 158-я тяжелая гаубичная артиллерийская бригада, 154-я пушечная артиллерийская бригада, 117-я гаубичная артиллерийская бригада большой мощности, 144-я минометная бригада, 9-я и 24-я гвардейские минометные бригады (М-31), 8-я тяжелая минометная бригада, 16-я, 21-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 149-я пушечная артиллерийская бригада, 1093-й, 523-й, 1165-й корпусные артиллерийские полки, 551-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 545-й армейский минометный полк, 316-й артиллерийский дивизион особой мощности, 34-й и 66-й зенитно-артиллерийские дивизионы, 42-й, 67-й, 317-й гвардейские минометные полки (М-13);

— 32-й дивизион бронепоездов, 10-й отдельный штрафной батальон.

• 31-я армия (генерал-лейтенант В. В. Глаголев):

— 71-й стрелковый корпус (генерал-лейтенант П. К. Кошевой): 62-я, 68-я, 331-я стрелковые дивизии;

— 36-й стрелковый корпус (генерал-майор К. И. Провапов): 173-я, 352-я, 174-я стрелковые дивизии.

В армейском подчинении — 220-я стрелковая дивизия, 959-й, 926-й самоходные артиллерийские полки, 13-й моторизованный противотанковый огнеметный батальон, 14-й, 15-й огнеметные батальоны, 31-я инженерно-саперная бригада, 140-я пушечная артиллерийская бригада, 529-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 549-й артиллерийский полк, 76-й гвардейский минометный полк (М-31), 1478-й отдельный зенитно-артиллерийский полк, 52-й дивизион бронепоездов.

• 28-я армия (генерал-полковник А. А. Лучинский) (во втором эшелоне фронта):

— 3-й гвардейский стрелковый корпус (гвардии генерал-майор Ф. И. Перхорович): 50-я, 54-я, 96-я гвардейские стрелковые дивизии;

— 20-й стрелковый корпус (генерал-майор Н. А. Шварев): 20-я, 48-я гвардейские стрелковые дивизии, 55-я гвардейская стрелковая дивизия;

— 128-й стрелковый корпус (генерал-майор П. Ф. Батицкий): 61-я, 130-я, 152-я стрелковые дивизии;

— 36-я инженерно-саперная бригада, 33-я зенитная дивизия, 157-я пушечная артиллерийская бригада, 133-й армейский минометный полк, 530-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, 607-й отдельный зенитно-артиллерийский полк.

Воинские части резерва фронта:

— 2-й гвардейский танковый корпус (гвардии генерал-майор А. С. Бурдейный), 513-й, 517-й огнеметные танковые полки, 26-й гвардейский мотоциклетный полк, 271-й мотори-

зованный батальон особого назначения, 6-й, 12-й, 50-й дивизионы бронепоездов, 3-я штурмовая инженерно-саперная бригада, 13-я моторизованная инженерная бригада, 4-я, 8-я понтоно-мостовые бригады;

— 1-я гвардейская истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 402-я, 406-я тяжелые пушечные артиллерийские бригады, 54-й гвардейский минометный полк, 1275-й, 1281-й, 1480-й отдельные зенитно-артиллерийские полки, 64-й, 324-й, 500-й, 525-й отдельные зенитно-артиллерийские дивизионы.

Итого в составе 3-го Белорусского фронта находилось: стрелковых дивизий — 40, укрепленных районов — 1, танковых корпусов — 1, отдельных танковых бригад — 5, отдельных самоходных артиллерийских полков — 14, отдельных танковых полков — 9, инженерно-саперных бригад — 10, дивизионов бронепоездов — 6, артиллерийских дивизий прорыва — 4, гвардейских минометных дивизий РС (М-31) — 1, отдельных тяжелых минометных бригад — 2, отдельных артиллерийских бригад — 10 и другие воинские части усиления [ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 506, л. 10].

К 16 октября в полосе 3-го Белорусского фронта оборонялись следующие соединения и воинские части противника:

— перед 39-й армией: 56-я пехотная дивизия, 349-я пехотная дивизия с воинскими частями усиления — 60-м, 1060-м, 1065-м противотанковыми дивизионами;

— перед 5-й армией: 1-я Восточно-Прусская пехотная дивизия с 63-м, 743-м саперными батальонами;

— перед 11-й гвардейской армией: 549-я пехотная дивизия, 561-я пехотная дивизия с воинскими частями усиления — 88-м артиллерийским полком РГК, 558-м мостостроительным батальоном;

— перед 31-й армией: 547-я пехотная дивизия, 131-я пехотная дивизия с 1-м и 3-м батальонами 223-го артиллерийского полка РГК, 170-я пехотная дивизия со 2-м батальоном

321-го артиллерийского полка РГК, 476-м танкоистребительным батальоном, 1441-м минометным батальоном РГК, 558-я пехотная дивизия с 419-м инженерно-строительным батальоном.

Крупных резервов (дивизий) противник не имел. В тактической глубине его обороны располагался только ряд пехотных и специальных батальонов и 34-й полицейский полк.

Всего перед 3-м Белорусским фронтом оборонялись: пехотных дивизий — 9, отдельных полков — 1, боевых групп — 1, отдельных артиллерийских полков РГК — 3 и ряд более мелких подразделений и воинских частей усиления [Там же, л. 11].

Пехотные дивизии были укомплектованы почти полностью (штат — 10 763 человека) и имели до 8—9 тыс. человек боевого состава. Вооружением и транспортными средствами были оснащены полностью. Личный состав дивизий противника, действовавших перед фронтом до 16 октября, в подавляющем большинстве состоял из немцев — жителей Восточной Пруссии. Значительный процент составляли добровольцы [Галицкий, 1970, с. 31]. Личный состав в основном имел боевой опыт на советско-германском фронте.

Дисциплина в войсках противника была на высоком уровне. Опасаясь расплаты за свои злодеяния и в результате пропаганды, сводившейся к необходимости во что бы то ни стало защищать германскую территорию, значительная часть солдат, особенно из числа молодежи, оказалась настроена решительно, в духе сопротивления до последнего патрона.

Отметим, что 1-я, 547-я, 549-я и 558-я пехотные дивизии сформировались во второй половине 1944 г. Несмотря на это, личный состав данных подразделений был подобран из солдат воинских частей и соединений, ранее разгромленных на советско-германском фронте и выздоравливавших, имевших длительный боевой опыт.

Личный состав 558-й пехотной дивизии значительно отличался от остальных, так как она сформировалась по последней тотальной мобилизации и в боях не участвовала.

Соотношение сил в полосе прорыва главной группировки войск фронта представлено в таблице 3.

**Соотношение сил в полосе прорыва главной группировки войск фронта
(5-я и 11-я гвардейские армии)**

Наименование соединений и ширина фронта прорыва	Всего людей в пех. соединениях	Ручных пул.	Станк. пул.	Мин. 82 мм	Мин. 120 мм и выше	Орудия		Танки и СУ	Примечания
						76 мм ДА и выше	ПТО 76 мм ПА, 57 и 45 мм		
5-я армия (12 км)	$\frac{50\ 316}{4\ 193}$	$\frac{1\ 387}{115,5}$	$\frac{536}{44,6}$	$\frac{535}{44}$	$\frac{366}{25}$	$\frac{1\ 232}{103}$	$\frac{305}{25}$	$\frac{317}{26}$	В том числе 5 АП и ПАБр 28-й армии (256 ор.) МП 28-й армии (36 мин. 120 мм)
Сд — 9									
АДпрор. — 2									
ТБр — 2									
ТП — 4									
САП — 5									
Противник: Два ГПП 1 пд с час- тями усиления, 1099 пп 549 пд	$\frac{9\ 300}{775}$	$\frac{350}{30}$	$\frac{65}{5,4}$	89 всех систем 7,4	$\frac{72}{6}$	$\frac{50}{4,2}$	$\frac{36}{3}$	—	

Соотношение сил	5,5:1	4:1	9:1	10:1	17:1	6:1	8,5:1	—
11 гв. армия (12 км) сд — 9								
АДпрор. – 2	$\frac{56\ 628}{4\ 719}$	$\frac{1\ 501}{125}$	$\frac{601}{50}$	$\frac{440}{36,6}$	$\frac{1\ 050}{87,5}$	$\frac{319}{36}$	$\frac{439}{36,5}$	—
Тбр – 2								
МБр – 3								
САП – 5								
Противник	$\frac{115\ 950}{1\ 328}$	$\frac{620}{51,6}$	$\frac{143}{12}$	133 всех систем	$\frac{132}{11}$	$\frac{146}{12}$	—	—
549, 561 пд с частями усиления								
Соотношение сил	3,5:1	2,4:1	4,9:1	6:1	8:1	2:1	—	—

Примечания:

1. В дробных цифрах числитель — абсолютное количество; знаменатель — плотность на 1 км фронта.
2. Данные в таблице приведены в соответствии с источником: ЦАМО РФ, ф. 241, оп. 2593, д. 506, л. 14.

На фронте прорыва 11-й гвардейской армии — 119,5 стволов на 1 км фронта.

Таким образом, советские войска имели значительный перевес в личном составе и военной технике, что позволяло нанести противнику мощный удар на всю глубину его боевых порядков. При этом для развития успеха имелось еще девять стрелковых дивизий 28-й армии (без средств усиления) и 2-й гвардейский танковый корпус. «Исходя из этого, — вспоминал бывший начальник Оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал армии С. М. Штеменко, — Генеральный штаб полагал возможным при некотором дополнительном усилении наших войск за счет резервов Верховного Главнокомандования нанести мощный удар через всю Восточную Пруссию до устья Вислы на глубину в 220—250 километров» [Штеменко, 1968, с. 306].

По решению командующего фронтом генерала армии И. Д. Черняховского главный удар планировался на фронте 5-й и 11-й гвардейской армий: 5-я армия, имея четыре стрелковые дивизии в первом эшелоне и четыре во втором, наносила удар на фронте в 10 км, получила задачу наступать севернее Гумбиннена в общем направлении на Инстербург; 11-я гвардейская армия четырьмя стрелковыми дивизиями в первом эшелоне и четырьмя во втором также наносила удар на фронте 10 км с задачей наступать в направлении Даркемена, «южнее железной дороги Вилкавишкис — Гумбиннен — Инстербург в полосе шириной 25—35 км» [Галицкий, 1970, с. 10].

К исходу пятого дня боев войскам главной группировки фронта предписывалось выйти на рубеж западнее Маллевишкена, Гумбиннена, западнее Гросс Ронинштейна, Гольдапа, продвинувшись, таким образом, на 40—50 км. В дальнейшем — развивать наступление на Инстербург, Даркемен, имея в виду выйти к побережью Балтийского моря южнее Кёнигсберга.

Для развития успеха войск главной группировки во втором эшелоне фронта находилась 28-я армия в составе трех стрелковых корпусов (девять стрелковых дивизий) и 2-й гвардей-

ский танковый корпус. Последний планировалось ввести в прорыв в полосе 5-й армии после выполнения ею задачи первого дня наступления (продвижение на 10 км).

Вспомогательные удары наносились 31-й армией.

При этом 39-я армия должна была начать наступление после прорыва обороны противника войсками 5-й армии. Войдя в прорыв, 39-я армия силами пяти стрелковых дивизий с рубежа Жугступенен — Шуклиле наносила удары веерообразно в северо-западном направлении (к р. Неман) методом свертывания боевого порядка противника.

В то же время 31-я армия силами одной стрелковой дивизии и двух стрелковых полков в первом эшелоне и двух стрелковых дивизий во втором эшелоне наносила удар на рубеже Смольпичаны на Вондишки, Подвысокое и силами двух стрелковых полков — из района южнее Шеломента также на Подвысокое.

В целом замысел решения командующего фронтом состоял в том, чтобы, прорвав оборону противника мощной группировкой в составе 16 стрелковых дивизий со средствами усиления, расширить затем (веерообразно) образовавшийся прорыв. Предполагалось за счет ввода в бой сильных вторых эшелонов пехоты и подвижной группы обеспечить наращивание своих сил в процессе наступления и с хода преодолевать многочисленные укрепленные рубежи противника, а также пограничный Восточно-Прусский укрепленный район, не давая противнику возможности занять подготовленные к обороне рубежи и задержать продвижение войск фронта.

Главные сила противника должны были понести решительное поражение в бою на переднем крае и в тактической глубине, лишиться возможности последовательно отходить с одной укрепленной позиции на другую.

С точки зрения направления действий войск фронта решение командующего фронтом строилось на использовании основного операционного направления в Восточной Пруссии на Гумбиннен, Инстербург, угрожая отрезать от остальной части Восточной Пруссии район Кёнигсберг — Тильзит с оборонявшей его группировкой немецких войск.

С целью в короткие сроки подготовить войска главных группировок армий к прорыву обороны противника часть дивизий была заблаговременно (за две недели — месяц) выведена во вторые эшелоны. Соединения, выведенные во вторые эшелоны, проходили боевую подготовку по планам штабов армий под непосредственным руководством командиров дивизий и их заместителей.

Примером организации боевой подготовки может служить 72-й стрелковый корпус 5-й армии, 63-я и 277-я стрелковые дивизии этого корпуса, которые были выведены из первой линии 4 октября 1944 г., и 215-я стрелковая дивизия — 12 октября.

В районе сосредоточения дивизий боевой подготовкой руководили заместители командиров дивизий по строевой части, а командиры дивизий за этот период все внимание обратили на разведку, изучение обстановки и организацию прорыва в заданной полосе.

Контроль за учебным центром 315-й стрелковой дивизии (в период ее нахождения в обороне) осуществлялся группой офицеров штаба армии во главе с заместителем командарма.

Боевая подготовка имела своей основной целью привить бойцам и офицерам навыки правильного и четкого взаимодействия родов войск, обеспечить стремительность и безостановочное движение вперед в наступлении, отработать сочетания огня и движения.

Особое внимание обращалось на формирование звена «взвод-рота». В каждой стрелковой дивизии один усиленный батальон готовился в качестве штурмового [ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 500, л. 23]. Он должен был с началом операции стремительным броском обеспечивать захват первой траншеи противника. Готовились батальоны (по одному на стрелковую дивизию) для действий в качестве передовых при преследовании отходящего противника и батальоны для ночных действий, а также штурмовые группы.

На учебном поле 184-й стрелковой дивизии 45-го стрелкового корпуса, имевшем совершенные ДОТы, с 6 по 10 октября были проведены совместно с 35-м тяжелым танковым полком и 954-м легким самоходным артиллерийским полком тактические занятия с каждым батальоном. Отрабатывалась тема прорыва долговременной обороны противника. Это дало возможность сплотить подразделения и последовательно натренировать командиров и бойцов в вопросах взаимодействия.

Подготовка штабов соединений и полков продолжалась по конкретной отработке взаимодействия родов войск на местности и составлению планов боя в звене «дивизия-корпус».

Потери противника и советских войск приведены в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Потери противника за период с 16 по 27 октября

Потеряно	Уничтожено	Захвачено
Людей	37 750	2 792
Танков и СУ	632	32
Орудий разных калибров	439	252
Пулеметов	989	518
Самолетов	184	—
Складов разных	52	38

Таблица 5

**Потери советских войск за период с 16 по 27 октября
(по сведениям штабов армий)**

Вид потерь	39-я армия	5-я армия	28-я армия	11-я гвардейская армия	31-я армия
Убито	2 050	5 415	1 417	4 074	1 781
Ранено	7 552	21 962	6 834	19 171	7 943
Итого	9 602	27 277	8 251	22 245	9 724

Всего по армиям потери в людях выражались в цифрах: убитых — 14 737; раненых — 63 462.

Численный состав частей противника к концу операции в связи с большими потерями значительно сократился. Так, пленный 12-й роты 43-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии показал, что 27 октября в ротах полка осталось по 20—40 человек, и дивизия ввиду больших потерь должна была убыть на переформирование.

Пленные 1-го батальона танкового полка танковой дивизии «Герман Геринг» показали, что батальон, имевший 48 танков типа «Пантера», к 27 октября потерял 18 танков.

Пленный моторизованной роты 561-й пехотной дивизии показал, что дивизия ожидает пополнения из народного ополчения.

В связи с большими потерями и неудачным ходом боев германское командование репрессировало ряд своих генералов. Например, по показаниям пленных, был смещен с должности командир 131-й пехотной дивизии генерал-лейтенант К. фон Вебер.

Оценка выполнения поставленной задачи

В течение 10 дней ожесточенных боев на оборонительных рубежах Восточной Пруссии войска фронта полностью поставленных им задач не выполнили (табл. 6). Генерал армии К. Н. Галицкий вспоминал, что уже «23—24 октября начался общий спад наступления войск фронта. Операция приобретала тенденцию к полному затуханию» [Галицкий, 1970, с. 176].

Если средний темп продвижения указанных армий был намечен в 10—11 км в сутки, то фактически он равнялся 2,6—3,6 км.

Наибольший успех продвижения имела 31-я армия, воинские части которой за шесть дней боев (с 17 по 22 октября) прошли 48 км, т. е. наступали со средним темпом 8 км в сутки. Это объясняется более слабым сопротивлением противника, который до районов Гольдапа и Сувалок не мог сдержать наступление войск армии.

Таблица 6

**Сведения о продвижении воинских частей и соединений
5-й и 11-й гвардейской армий**

День операции	Продвижение, км			
	5-я армия		11-я гвардейская армия	
	по плану	фактически	по плану	фактически
1-й	9	8	8—13	6
2-й	9	4,5	11	6
3-й	12	4	12	10
4-й	11	2	8	4
5-й	8	4	8	12 (для танкового корпуса)
6-й	—	—	—	—
7-й	—	—	—	—
8-й	—	6 км	—	14 км (для танкового корпуса)
9-й	—	—	—	—
10-й	—	—	—	—
<i>Всего</i>	<i>49</i>	<i>28,5</i>	<i>52</i>	<i>52¹</i>

На гумбинненском направлении операция закончилась захватом советскими войсками г. Шталлупенен, т. е. решением задачи третьего дня (10-дневной операции), на Ангербургском направлении — захватом Гольдапа (задача пятого дня операции).

Таким образом, из всех армий полностью выполнила задачу лишь 31-я армия (хотя и с опозданием на одни сутки). Прорывом на указанных направлениях была вскрыта система обороны противника, выявлены характер его сопротивления и его возможности.

¹ Количество километров взято по 2-му гвардейскому танковому корпусу, части которого, а также передовые части пехоты отошли 28 октября на 10 км назад.

Все рода войск без исключения в этой операции действовали, как правило, хорошо [ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 500, л. 21—34]. Впервые встретив долговременные немецкие сооружения, пехота, во взаимодействии с танками и артиллерией, в сравнительно короткие сроки преодолела сопротивление противника и продвинулась вперед. Применялись штурмовые группы из расчета 2—3 группы на батальон. Состав штурмовой группы был примерно следующим: стрелковый взвод, отделение саперов, 1—2 противотанковых орудия, отделение противотанковых ружей, 2—3 122-мм или самоходных орудия.

Второй гвардейский Тацинский танковый корпус, действуя на направлении наиболее обозначившегося успеха (южнее Гумбиннена), быстро вырвался вперед, но под воздействием контратак противника вынужден был оставить захваченные рубежи, несмотря на тесную связь с пехотными соединениями, действовавшими на этом направлении.

Авиация показала хорошие образцы работы как в первый, так и в последующие дни операции, обладая полным превосходством в воздухе.

Артиллерия оказала большую помощь пехоте на протяжении всей операции. Для отражения танков и самоходных орудий противника в стрелковых полках создавались 2—3 противотанковых группы в составе 45-, 76- и 122-мм орудий и противотанковых ружей.

По результатам операции оперативным управлением штаба 3-го Белорусского округа выявлено следующее.

а) *Огневые средства пехоты в бою использовались недостаточно.* В 5-й армии (командующий — генерал-лейтенант П. Г. Шафранов), например, за всю операцию было израсходовано 0,3 боекомплекта винтпатронов.

б) *В процессе наступления слабо применялся маневр.* В той же 5-й армии, например, не было ни одного боя на окружение противника, который предпочитал заблаговременно отходить на последующий рубеж. При этом отход совершался на расстояние 1—2 км, с обязательным прикрытием его танками и

штурмовой артиллерией. Подобная тактика противника в значительной степени снижала выносливость наших войск и дала возможность немецким подразделениям в последующем перейти к обороне.

в) *Отсутствие непрерывной общевойсковой и специальной разведки с нашей стороны позволило противнику устраивать засады и наносить наступающим значительные потери в живой силе и военной технике.*

г) *Часто имели место случаи отставания танков и артиллерии от пехоты.* Нередко преодоление препятствий производилось только силами пехоты без достаточной артиллерийской и танковой поддержки, что вынуждало пехоту залезать на невыгодной для этого местности. В то же время были случаи, когда танки отрывались от боевых порядков пехоты и, действуя на неразведанной местности, несли напрасные потери.

д) *Военное управление в процессе боя велось плохо.* Старшие командиры ограничивались докладами младших без личного наблюдения за полем боя. Командиры батальонов отставали от своих подразделений, а командиры подразделений артиллерии отставали от командиров батальонов и боевых порядков пехоты.

Следует отметить, что одной из причин невыполнения задач по срокам и рубежам было неудовлетворительное управление войсками со стороны штабов корпусов (36-й (генерал-майор К.И. Провалов), 5-й гвардейский (гвардии генерал-лейтенант И.С. Безуглый) стрелковые корпуса) и плохого управления воинскими частями (352-я стрелковая дивизия — полковник В. И. Рутько).

е) *Боевые порядки пехоты и других родов войск имели известную стройность только в начале операции, в дальнейшем же боевые порядки нарушались и не отвечали требованиям создавшейся обстановки.* В отдельные моменты боя подразделения были неуправляемыми вследствие напрасных потерь в офицерском составе.

ж) *Офицеры, особенно старших категорий, несмотря на большой боевой опыт, допускали такие грубые ошибки, как захват очагов сопротивления противника в лоб* (например, 63-я стрелковая дивизия 5-й армии, где воинские части соединения, дойдя до рощи западнее Шиллингсена, завязали бой с небольшими группами автоматчиков противника, и командиру дивизии генерал-майору Н. М. Ласкину стоило больших усилий добиться того, чтобы воинские части обошли указанную рощу).

з) *Пехота не имела навыков быстрого разминирования минных полей противника в районах его укрепленных позиций, вследствие чего несла большие потери от подрыва на минах.* Как показал опыт, саперы с задачами разминирования на широком фронте совершенно не справлялись.

и) *Некоторые общевойсковые командиры не умели использовать приданные им танки и самоходную артиллерию в соответствии со сложившейся обстановкой.* Так, в первый период наступления отмечалось децентрализованное управление танками, тогда как характер действий противника этого не вызывал.

Самоходная артиллерия иногда использовалась в качестве танков, а иногда без всякой надобности шла впереди пехоты, отрывалась от ее боевых порядков, неся при этом неоправданные потери. Пехота, в свою очередь, не была обучена движению за танками и самоходной артиллерией.

Танковая разведка во многих случаях не велась. Например, 2-я гвардейская танковая бригада (подполковник Е. Е. Духовный) 5-й армии с 17 по 25 октября потеряла подбитыми и сожженными 37 танков только от огня штурмовой артиллерии и танков противника, действовавших из засад (эти потери составили 70% потерь за всю операцию).

к) *Действиям в ночных условиях войска не были обучены, в связи с чем продвижения ночью почти не имели* [ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 506, л. 64—67].

Эти и другие недочеты в подготовке войск сказались отрицательно на ходе операции.

Опыт боевых действий в ходе Гумбинненской наступательной операции позволяет извлечь следующие исторические уроки.

1. Опыт проведенной операции подтверждает необходимость тщательного планирования действий при организации прорыва сильно укрепленных позиций и районов:

а) сосредоточения мощных средств разрушения и подавления вблизи участка прорыва;

б) детально разработанного плана действий, особенно в вопросах взаимодействия между средствами разрушения и подавления и пехотой;

в) централизованного управления операцией, направленно-го на умелую координацию действий войск — как ведущих борьбу с блокированными в укреплениях гарнизонами противника, так и прорывающихся в глубину обороны и в наиболее слабо защищенных промежутках между укреплениями;

г) тщательной подготовки и выучки войск в соответствии с характером фортификационных укреплений противника, характером и плотностью его оборонительных сооружений, а также составом обороняющихся войск.

2. Наибольший успех достигается в результате последовательного овладения и прочного закрепления подразделениями рубежей и районов с соблюдением всех требований готовности к отражению возможных контратак противника.

Овладение узлами обороны возможно после предварительного подавления и частичного уничтожения долговременных сооружений противника или блокирования их новыми мощными средствами подавления обороны (например, пушечных ДОТов тяжелыми танками и САУ), а также безусловного подавления живой силы противника.

3. Наиболее важным моментом в подготовке операции является заблаговременная детальная разведка систем обороны противника, особенно его ДОТов, тщательно замаскированных под фон окружающей местности, и тренировки войск по их захвату.

Длительное разведывание укреплений противника на восточно-прусской границе средствами авиации не дало положительных результатов: большинство ДОТов противника до наступления обнаружено не было.

Специальная тренировка войск к прорыву должна проводиться в тылу на участках, оборудованных препятствиями и макетами ДОТов по типу имеющихся у противника.

4. Боевые порядки войск необходимо иметь более глубокими для обеспечения смены первых эшелонов.

Боевой порядок армии и корпуса должен быть построен не менее чем в три эшелона, дивизии — в два эшелона, полков — в два эшелона, батальонов — в один-два эшелона, рот — в линию.

Танки непосредственной поддержки пехоты, приданная артиллерия и САУ должны действовать совместно с первыми эшелонами пехоты, оказывая ей всяческое содействие в борьбе с ДОТами противника.

Во всех случаях должен быть выделен противотанковый резерв.

5. Действия обычных разведывательных отрядов впереди главных сил имеют ограниченный успех. В связи с этим необходимо заблаговременное создание штурмовых групп, групп разграждения препятствий и групп обеспечения.

В заключение необходимо отметить, что наступательная операция 3-го Белорусского фронта не достигла поставленных перед ней целей. Генерал армии С. М. Штеменко констатировал: «...Пришлось, к сожалению, ограничиться здесь, по крайней мере на первое время, более скромными целями» [Штеменко, 1968, с. 306]. Но результаты этой операции, использованные при подготовке и проведении нового наступления уже в январе 1945 г., содержат богатый фактологический материал и сохраняют свою актуальность для современной военно-исторической науки.

Невидимые, но опасные: действия советских разведчиков в Восточной Пруссии

Летом 1944 г. после того, как Красная армия вышла на границу Советского Союза с Германией, перед командованием 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов была поставлена задача организовать разведывательную деятельность в Восточной Пруссии. С этой целью оперативные группы Разведывательного управления Генерального штаба совместно с разведывательными отделами фронтов с июня 1944 г. по март 1945 г. подготовили для заброски в тыл противника более сотни диверсионно-разведывательных групп. Точное число их неизвестно. Так, историки советских спецслужб А. И. Колпакиди и Д. П. Прохоров считают, что таких групп было 36 [Колпакиди, Прохоров, 1999]. По мнению военного историка Ю. П. Ржевцева, в Восточную Пруссию было заброшено 164 группы глубинной разведки [Будаев, Грибанов, Ржевцев, 2009, с. 52]. А по данным Некоммерческого партнерства «Союз ветеранов военной разведки», здесь действовало 237 диверсионно-разведывательных групп [Юшкевич, 2019, с. 287].

В основном разведгруппы состояли из советских партизан и подпольщиков, имевших большой опыт работы на оккупированной противником территории. Особенно много среди разведчиков оказалось партизан, воевавших в оккупированной нацистской Германией Белорусской ССР. Кроме того, были сформированы интернациональные команды из немецких военнопленных, перебежчиков из рядов вермахта, а также поляков, служивших в рядах Красной армии [Будаев, Грибанов, Ржевцев, 2009, с. 52].

Как правило, численность разведгруппы не превышала 10 человек². Такой небольшой состав группы можно объяснить тем, что советские разведчики действовали на террито-

² Между тем встречались и исключения. Например, в группу «Максим» входили 20 разведчиков.

рии противника, а здесь в первую очередь требовались скрытность и мобильность. Как отмечал Г. В. Юшкевич³, разведчики, прежде всего являлись «глазами и ушами» Красной армии, которые не должны были вступать в бои с немецкими войсками [Юшкевич, 2019, с. 101, 107—108].

Рассмотрим условия, в которых пришлось действовать советским разведчикам, заброшенным в Восточную Пруссию. Источниками для исследования послужили немногочисленные воспоминания ветеранов советской разведки, которые сумели выбраться из «пекла» Восточной Пруссии. Здесь, прежде всего, надо отметить документальные произведения разведчиков легендарной группы «Джек» Н. П. Ридевского «Парашюты на деревьях» [Ридевский, 1969] и Г. В. Юшкевича «Последний из группы “Джек”» [Юшкевич, 2019]. Кроме того, судьбе радистки группы «Джек» А. А. Морозовой посвящена повесть советского писателя и кадрового офицера ГРУ О. А. Горчакова «Лебединая песня» [Горчаков, 1968]. Это произведение ценно тем, что в нем приведены тексты радиограмм, которые группа «Джек» отправляла из Восточной Пруссии в «Центр». Помимо этого, автор вел переписку с ветераном разведки И. А. Целиковым. Частично эта корреспонденция была опубликована О. А. Горчаковым на страницах его книги.

Советский писатель Ю. Н. Иванов перед написанием романа «На краю пропасти» [Иванов, 1983] собирал материал о советских разведчиках, заброшенных в Восточную Пруссию. Он посещал архивы, в том числе немецкие, а также интервьюировал оставшихся в живых ветеранов-разведчиков (В. И. Максимова, Н. И. Дергачева, В. В. Гикаса, В. П. Довбыша, Т. И. Архипова и Т. Г. Калинин). Итогом его работы стали подробные документальные заметки, напечатанные в газете «Калининградская правда» в октябре 1974 г. [Иванов, 1974а; 1974б; 1974в]. Свои воспоминания оставил советский разведчик В. А. Никольский, возглавлявший оперативную группу офицеров Разве-

³ Разведчик диверсионно-разведывательной группы «Джек», участник Восточно-Прусской наступательной операции.

дивательного управления Генерального штаба, которая готовила и организовывала заброс диверсионно-разведывательных групп 3-го Белорусского фронта [Никольский, 1997].

Немногие советские разведчики смогли выжить в Восточной Пруссии. Как вспоминал боец группы «Максим» Н. И. Дергачев, за разведчиками «смерть шла по пятам» [Иванов, 1974в]. Г. В. Юшкевич указывал, что если разведчику удавалось продержаться в Восточной Пруссии месяц, то это уже считалось хорошим результатом [Легенды армии, 2020]. По данным Некоммерческого партнерства «Союз ветеранов военной разведки», почти 90% бойцов, заброшенных в Восточную Пруссию, погибли [Юшкевич, 2019, с. 287]. Такие большие потери в рядах диверсантов-разведчиков на этой территории можно объяснить рядом причин.

Одним из ключевых факторов эффективных действий разведчика является его подготовленность к условиям той местности, на которой ему предстоит работать. Степень подготовленности советских разведчиков в Восточной Пруссии была не очень высокой даже с учетом того, что многие из них были опытными партизанами, прекрасно ориентировавшимися в лесных массивах и имевшими богатый опыт подпольной и диверсионной работы. Перед заброской в Восточную Пруссию необходима была длительная специализированная подготовка с учетом особенностей местности и условий, в которых в итоге пришлось действовать разведчикам. Времени на тренировки катастрофически не хватало — советские войска стремительно подошли к границам Восточной Пруссии. Сведения об обстановке в тылу восточнопрусской группировки войск противника необходимо было получить в кратчайшие сроки. Уже на октябрь 1944 г. планировалось начало военной операции советских войск в Восточной Пруссии, поэтому неудивительно, что группу «Джек» забросили в Восточную Пруссию в июле 1944 г., через нескольких дней после ускоренной подготовки [Ридевский, 1969; Юшкевич, 2019, с. 98—102].

В первое время советское командование не имело актуальных сведений о расположении сил противника в Восточ-

ной Пруссии. По словам Ю. П. Ржевцева, Красная армия располагала картами ее территории образца 1914 г. с небольшими уточнениями 20-х — 30-х гг. XX в. [Легенды армии, 2020]. Следствием этого порой бывали неоправданные потери среди личного состава диверсионно-разведывательных групп. Г. В. Юшкевич приводит пример гибели командира их группы П. А. Крылатых, который был убит охранниками концлагеря «Хохенбрух» через два дня после заброски группы. Местоположение концлагеря не было нанесено на имевшиеся у разведчиков карты. Г. В. Юшкевич вспоминал: «Об этом объекте, который находился недалеко от дороги, у нас не было никаких сведений. Позже стало известно, что концлагерь “Хохенбрух” существовал с 1939 года» [Юшкевич, 2019, с. 108].

Осложняло положение советских разведчиков и то, что они не могли рассчитывать на помощь местного населения не только в получении оперативных сведений, но и в снабжении продовольствием или оказании медицинской помощи. В Восточной Пруссии не было связных и отсутствовали даже отдельные элементы развитой агентурной сети. Помимо этого, немецкое командование задействовало местное население в визуальном контроле территории и обязало жителей незамедлительно сообщать в полицию или гестапо о появлении незнакомцев, а работавшие в поле были вооружены [Будаев, Грибанов, Ржевцев, 2009, с. 53]. Н. Ф. Ридевский вспоминал о своих чувствах перед заброской в Германию:

Подумать было над чем. Как придется действовать на территории врага без проводников, без связных, к которым так привыкли мы в Белоруссии? Да и жили разведчики под пологом надежной защиты у партизан. А что ждет нас в Восточной Пруссии — никто не знает [Ридевский, 1969].

Между тем случаи помощи со стороны немецкого населения были, но имели, скорее, характер исключения из правил.

На сложность обстановки в Восточной Пруссии обращал внимание руководивший разведчиками 3-го Белорусского фронта подполковник В. А. Никольский:

Если в Польше нашим разведгруппам и отдельным разведчикам можно было рассчитывать на нейтралитет, а иногда и содействие обывателя, ненавидевшего оккупантов, то в Германии для советских разведчиков-парашютистов каждый заметивший их старик и ребенок был врагом, немедленно докладывавшим властям о появлении в округе любого подозрительного человека [Никольский, 2005].

Специфика условий, в которых пришлось работать разведчикам в Восточной Пруссии, напрямую влияла на их деятельность. Развитая телефонная сеть и многочисленные дороги с хорошим покрытием позволяли противнику быстро доставлять к месту, где были запеленгованы или замечены разведчики, специальные подразделения. Хорошо просматриваемые леса, пронизанные просеками, по которым мог передвигаться транспорт, были широко распространены в Восточной Пруссии [Иванов, 1974в; Никольский, 1997, с. 156—157]. «Любой из этих квадратов можно окружить очень быстро и прочесать», — вспоминал впоследствии Н. Ф. Ридевский. По его мнению, такая местность представляла собой «своеобразные ловушки» [Ридевский, 1969]. Помимо этого, территория Восточной Пруссии была покрыта густой сетью мелиоративных каналов и рек, которые советским разведчикам приходилось преодолевать в полном обмундировании, регулярно уходя от погони [Юшкевич, 2019, с. 113].

Немецкие органы контрразведки имели хорошо налаженную сеть пеленгаторов с высокой чувствительностью. Специальные машины с установленными на них радиопеленгаторами днем и ночью разъезжали по дорогам Восточной Пруссии. Разведчик В. В. Гикас в беседе с Ю. Н. Ивановым рассказывал:

...Лишь только стоит включить рацию, как через час-полтора жди гостей: на территории, которая была буквально «нашпигована» войсками Восточной Пруссии, голос рации засекался и мгновенно пеленговался. Мчались по отличным дорогам автомашины с солдатами, охватывались в двойное и тройное кольцо разбитые на ровные квадраты негустые, хорошо просматриваемые на просвет леса (цит. по: [Иванов, 1974в]).

В довершение всего, по словам командира немецкой поисковой команды полковника фон Бредова, они регулярно получали сообщения из военно-воздушного округа в Кёнигсберге «о русских самолетах, перелетающих линию фронта. Вскоре с помощью населения подтверждалось появление групп диверсантов, так что они в большинстве случаев могли очень быстро быть схвачены» (цит. по: [Dieckert, Grossmann, 1960, S. 79]). Например, разведгруппа «Максим» была обнаружена практически сразу после высадки. Об этой ситуации вспоминает Н. И. Дергачев:

...Посадили на землю, потянули к себе парашют, ломаются ветки, трещит материя, а гул автомобильного мотора все ближе, ближе. Только сдернули парашют — выскакивает из-за поворота грузовик, полный солдат. Завизжали тормоза, заголосили фрицы: «Рус! Ру-ус» и — началось (цит. по: [Иванов, 1974а]).

Случалось, что советские самолеты сбивали еще до того, как они успевали произвести выброску парашютистов. Так, не долетев до района десантирования, погибла вместе с экипажем разведгруппа «Эрих» [Будаев, Грибанов, Ржевцев, 2009, с. 53]. Гвардии полковник В. П. Сололов, бывший штурман специальной авиагруппы при штабе 1-го Прибалтийского фронта вспоминал:

...Все задания выполнялись в ночное время. Сложность заданий состояла в том, что на большом расстоянии от линии фронта мы обязаны были доставить разведчиков к месту назначения с большой точностью. Приходилось летать без средств навигационного обеспечения, не имея данных о ПВО противника, поэтому мы нередко попадали под огонь истребителей и зенитных средств врага. Были случаи, когда приходилось возвращаться на свою базу, как говорится, на добром слове: так самолеты были изрешечены снарядами (цит. по: [Иванов, 1983, с. 19]).

К тому же немецкое командование в лесах регулярно организовывало засады, а скрываться от преследований советским разведчикам нередко приходилось с тяжелой ношей. В. В. Гикас упоминал, что тащить на себе приходилось «десятки кило-

граммов продуктов, патронов и другого снаряжения» (цит. по: [Иванов, 1974б]). Н. И. Дергачев также отмечал: «...на каждом из нас килограммов по сорок грузу» (цит. по: [Иванов, 1974а]). При этом, несмотря на то, что многие леса в Восточной Пруссии облагораживались и культивировались, все же нередко встречались настоящие заросли, которые в условиях преследования преодолевались разведчиками с большими сложностями. Н. Ф. Ридевский писал:

У нас в Белоруссии только старые бросовые усадьбы зарастают вот так бурьяном, лопухами да крапивой. Колючие, пекучие, неприятные, с тлетворным запахом заросли разве что только мальчишек заманивают играть в войну, остальные их обходят. А здесь такие заросли тянутся километрами, десятками километров. На отдельных участках мы встречали огромные массивы крапивы, высокой и такой чистой, словно ее пропололи [Ридевский, 1969].

В условиях действий в тылу противника советские разведчики испытывали большие трудности с обеспечением команды питанием. Перед заброской разведгруппа получала небольшой сухой паек, состоявший из сухарей, банок со свиной тушенкой, ядер лесного ореха, пшеничного концентрата и сала [Юшкевич, 2019, с. 99, 114—116, 128]. Но этого надолго не хватало и возникла необходимость пополнять запасы на месте. Сбор сезонных ягод и грибов в лесу мог лишь частично утолить голод, в связи с чем периодически приходилось совершать «налеты» на хутора. В качестве крайней меры разведчики врывались в дома, но чаще всего они брали урожай с огородов или незаметно для хозяев «экспроприировали» куриные яйца или живность [Ржевцев, 2009; Юшкевич, 2019, с. 132—136]. Собаки, охранявшие хозяйства, часто замечали советских бойцов. Таким образом, разведчики в ходе набегов выдавали свое местоположение, и после подобных инцидентов немецким контрразведывательным органам становилось известно о районах дислокации разведгрупп.

Охотиться разведчикам, как правило, было нельзя, так как выстрелы могли их обнаружить, и делали это только в исклю-

чительных случаях. Сложности были и с тем, чтобы приготовить что-нибудь на костре. «Чуть распалил костерок, уже слышится: Рус! Рус!», — вспоминал В. В. Гикас (цит. по: [Иванов, 1974в]). Все это приводило к тому, что разведчики часто голодали, а это, в свою очередь, неблагоприятно сказывалось на их физическом состоянии, которое было исключительно важным для их работы, особенно в условиях практически ежедневных облав. Бывали случаи, когда у разведчиков на фоне голода возникала «куриная слепота», что в тех условиях означало практически смертный приговор (цит. по: [Ржевцев, 2009]). Но разведчики не сдавались. «Наш хлеб — разведка», — говорил Г. В. Юшкевич [Юшкевич, 2019, с. 132].

Также важно учитывать, что советское командование рассчитывало на действия диверсионно-разведывательных групп на вражеской территории в течение непродолжительного периода, так как планировалось в скором времени начать наступление Красной армии в Восточной Пруссии. По словам радиистки группы «Кросс» Е. Н. Лявданской, перед вылетом начальник разведывательного отдела штаба 3-го Белорусского фронта генерал Е. В. Алешин «просил нас продержаться в тылу врага месяц-два, а там, дескать, и наши подспеют: готовилась Гумбинненско-Гольдапская наступательная операция (в официальных фронтовых документах операция именовалась Гумбинненской наступательной операцией. — *М. М., А. Д.*), которую, как я понимаю, предполагали завершить выходом к устью Вислы. Однако у 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов на поверку сил хватило лишь зацепиться за приграничные к Литве районы Восточной Пруссии. И мы в результате “зависли” в фашистском логове почти на четыре долгих месяца!» (цит. по: [Ржевцев, 2009]). И все это происходило в ситуации, когда у диверсионно-разведывательных групп в наличии оказывалась только летняя одежда, а доставить груз из «Центра» было чрезвычайно сложно. В радиограмме группы «Джек», отправленной в «Центр» в ноябре 1945 г., сообщалось:

Все члены группы — это не люди, а тени. За последние недели они настолько изголодались, промерзли и продрогли в сво-

ей летней экипировке, что у них нет сил держать автоматы. Все сильно простужены. Одежда перепрела. Патронов осталось по 30 штук. Просим сбросить груз, разрешить выход в Польшу. Иначе все погибнем (цит. по: [Горчаков, 1968]).

Немногие разведчики смогли приспособиться к столь сложным обстоятельствам, избежав при этом раскрытия или гибели. Ю. П. Ржевцев, ссылаясь на мнения военных экспертов, пишет о том, что непомерно большие потери в рядах личного состава оперативной разведки были связаны прежде всего «со стремлением высшего командования как можно быстрее испытанными методами и без учета совершенно иной агентурной обстановки, которая реально сложилась на тот момент на территории Германии, добиться желаемых результатов» [Будаев, Грибанов, Ржевцев, 2009, с. 53]. На эту же проблему обращают внимание А. И. Колпакиди и Д. П. Прохоров: «Массовая заброска крупных разведгрупп, целиком оправдавшая себя на территории СССР, временно оккупированной немцами, оказалась неэффективной в изменившихся условиях» [Колпакиди, Прохоров, 1999]. В. А. Никольский также критически отнесся к заброске разведчиков в Восточную Пруссию. По его мнению, такой формат разведывательной деятельности «можно рекомендовать лишь в районы с широко развитым партизанским движением, с определенной частью лояльно настроенного к нам местного населения и при наличии естественных укрытий: лесных массивов, складок местности, горных хребтов» [Никольский, 2005].

Тем не менее, несмотря на большие потери в рядах советских разведчиков и их экстенсивный метод сбора информации⁴, следует отметить, что данные, которые они отправляли в

⁴ В своей документальной повести «Последний из группы “Джек”» Г. В. Юшкевич указывает, что разведгруппы часто выполняли одни и те же задания, дублируя деятельность друг друга [Юшкевич, 2019, с. 101, 107—108]. Логика такого подхода понятна: если противник «накроет» одну диверсионно-разведывательную группу, то добыть необходимую информацию сможет другая команда разведчиков.

«Центр», имели большую ценность. Так, диверсионно-разведывательная группа «Джек» за почти 5 месяцев своей работы отправила из Восточной Пруссии 67 радиogramм [Легенды армии, 2020]. Благодаря им и другим командам была подробно изучена линия укреплений «Ильменхорст». Н. Ф. Ридевский отмечал:

С каждым днем нам все очевиднее становилось направление и характер оборонительных полос, которые тянулись от города Рагнита, что на литовской границе, на юг, через Гумбиннен, Гольдап к озеру Шпирдинг-Зее и от Тильзита через Велау, вдоль Мазурского канала к озеру Доргайнен-Зее. Из показаний пленных нам стало известно, что весь район к западу от реки Дайме, за которой лежал Кёнигсберг, тоже сильно укреплен [Ридевский, 1969].

В. И. Гикас указывал, что они детально описали ДОТы, ДЗОТы, блиндажи, а также противотанковые рвы и прочие укрепления. Значение этой работы разведчиков прослеживается в высказывании В. И. Гикаса: «Сколько человеческих жизней потом, во время боев за Восточную Пруссию, помогут сберечь эти сведения — жизнью советских бойцов и офицеров!» (цит. по: [Иванов, 1974в]).

Данные разведки позволили советскому командованию узнать об интенсивности передвижений германских воинских соединений по шоссейным и железным дорогам в сторону советского фронта. «Солдаты — все пожилые или же — юнцы, — вспоминает в интервью В. И. Гикас. — Выгребают фашисты свои последние резервы, гонят на фронт и мальчишек, и стариков» (цит. по: [Иванов, 1974б]).

Разведгруппы наносили на карты местоположения стратегически важной инфраструктуры противника — складов боеприпасов, продовольствия и горючего, линий связи и аэродромов [Иванов, 1974в]. В ходе разведки удавалось обнаружить ложные аэродромы, которые немцы специально создавали для маскировки располагавшихся рядом настоящих объектов. «Подобравшись поближе, устанавливаем: аэродром лож-

ный, — пишет Г. В. Юшкевич. — Стояли макеты самолетов разных типов, легкие постройки аэродромного обслуживания, слегка прикрытые маскировочными средствами» [Юшкевич, 2019, с. 132].

Группа разведчиков «Тигр»-«Корректировщики»⁵, гораздо менее известная, чем группы «Джек» и «Максим», занималась тем, что направляла массированные удары советской авиации по немецким аэродромам и важнейшим магистралям Восточной Пруссии во время передвижения по ним немецких эшелонов, доставлявших на фронт вооружение и войска [Зевелев, Курлат, Казицкий, 1991]. Восхищает дерзость, с которой разведчики этой команды добывали сведения. Командир разведгруппы капитан А. И. Радюк, хорошо владевший немецким языком, в форме офицера вермахта врывается в дома местных жителей и, угрожая оружием, заставляет хозяев делиться важной информацией. Все это он документировал, а перед уходом принуждал допрашиваемого ставить на бумаге свою подпись. В Восточной Пруссии в то время широко была распространена шпиономания, и попадание в руки гестапо подобного рода документа могло закончиться для фигуранта допроса весьма печально. По этой причине поделившиеся секретами немецкие граждане не были заинтересованы в том, чтобы донести в соответствующие инстанции о появлении «русских парашютистов». Группа «Тигр»-«Корректировщики» — это одно из немногих разведывательных формирований, которому удалось построить на восточнопрусской земле свою агентурную сеть [Будаев, Грибанов, Ржевцев, 2009, с. 370—371]. Благодаря этому разведчики прекрасно понимали, в какой дом они заходят. Этой группе также удалось добыть сведения о реактивном

⁵ Группа одновременно имела два наименования: в документах разведывательного управления 3-го Белорусского фронта команда называлась «Тигр», а по бумагам Народного комиссариата государственной безопасности СССР, которому была подведомственна, — «Корректировщики».

истребителе, испытания которого в то время проходили в Восточной Пруссии. Заместитель командира группы В. М. Чистяков смог проникнуть на секретный аэродром, где с помощью советских военнопленных, работавших там в качестве обслуживающего персонала, получил интересовавшую разведчиков информацию [Там же].

Отдельные представители немецкой контрразведки с долей скепсиса относились к результатам работы советских разведчиков. Командир поисковой команды полковник фон Бредов в своем донесении сообщал:

Общий причиненный ими ущерб оказался незначительным, за исключением случая неожиданного столкновения с более сильной группой, имевшего место в начале ноября 1944 г. западнее Норденбурга. Участников же диверсионных групп за период до 20 января 1945 г. было захвачено и обезврежено около двухсот (цит. по: [Dieckert, Grossmann, 1960, S. 78—79]).

В данном случае отметим: несмотря на то что команды разведчиков, забрасываемых в Восточную Пруссию, называли диверсионно-разведывательными группами, в первую очередь перед ними ставилась задача добывать информацию и передавать ее в «Центр», а не наносить ущерб. Диверсиями советские разведгруппы практически не занимались. Были лишь отдельные исключения. Например, упоминаемая выше группа «Тигр»-«Корректировщики» устроила засаду на дороге, ликвидировав крупного чиновника Главного управления имперской безопасности [Зевелев, Курлат, Казицкий, 1991].

Кроме того, работа советских разведчиков, «невидимых», но опасных, имела морально-психологический эффект. Так, бойцы разведгрупп «Джек» и «Максим», случайно оказавшиеся 12 сентября 1944 г. вместе в одном лесном квадрате, где проходила очередная спецоперация немецких контрразведывательных подразделений, совершив прорыв, уничтожили около 30 солдат противника, не потеряв при этом ни одного бойца [Иванов, 1974в]. Это событие широко освещала восточнопрусская пресса. Впоследствии Н. Ф. Ридевский напишет:

Не берусь судить, то ли в результате каких подсчетов или независимо от них, но разнеслись слухи, что нас было куда больше, чем в действительности. Эти слухи, обрастая новыми и новыми подробностями, сильно преувеличенными, прокатились по всей Восточной Пруссии [Ридевский, 1969].

Итак, в Восточной Пруссии советские разведчики были вынуждены действовать в очень сложной обстановке, рискуя оказаться обнаруженными в любой момент. Неблагоприятные для проведения разведывательных действий условия местности, необходимость в кратчайшие сроки получить информацию о диспозиции противника на территории и обусловленное этим отсутствие планомерной предварительной подготовки разведгрупп приводили к тому, что разведчики несли большие потери. Многие из них погибали практически сразу после заброски на территорию противника. В критических ситуациях выжить разведчикам позволял только их опыт действий в окружении и поддержка боевых товарищей. Вместе с тем такой опыт удавалось накопить лишь немногим ввиду постоянных потерь среди личного состава. С учетом этого сведения, добытые разведчиками, имели большое значение, позволяя советскому командованию корректно выстраивать тактику наступательных действий в Восточной Пруссии и сохранять жизни многих советских солдат.

В заключение приведем цитату Ю. Н. Иванова:

Работая над романом, я побывал в Берлине, и там мне довелось читать в архиве отчеты штандартенфюрера СС, ответственного за борьбу с русскими разведчиками на территории Восточной Пруссии. Если в первых кратких справках советские разведчики именовались «бандитами», с которыми «будет покончено в ближайшие дни», то позже он стал называть их «асами разведки», «крупнейшими специалистами разведывательного дела», мол, именно поэтому так сложна с ними борьба. Об этом я рассказал заместителю командира группы «Максим» Николаю Ивановичу Дергачёву. Ответное письмо пришло накануне моей поездки в Правдинск. Вот что писал Дергачёв: «Не были мы такими, к сожалению. Ну какие там “асы” и “мастера”, когда вое-

вали-то всего по два-три года? Но что же помогало нам проделать такую значительную работу, что помогло выстоять в борьбе с врагом, с лучшими силами вражеской контрразведки, вооруженной отличной техникой? Были молодость, смелость, огромная выносливость, опыт работы на своей временно оккупированной врагом земле и главное — великий патриотизм!» Не знал я тогда, что оно было последним мне письмом Николая Ивановича Дергачёва, полковника комитета государственной безопасности, умершего как воин, на боевом посту [Иванов, 1983, с. 248].

Краснознаменный Балтийский флот в Восточно-Прусской наступательной операции 1945 года

В результате наступательных операций конца 1944 — начала 1945 г. Красная армия окружила на побережье Балтийского моря несколько крупных группировок противника: соединения группы армий «Север» в Курляндии и в районе Мемеля, дивизии группы армий «Центр» в Восточной Пруссии [Борьба за советскую Прибалтику, 1969, с. 115].

Упорное сопротивление частей вермахта на приморском направлении отразилось на задачах Краснознаменного Балтийского флота (КБФ). В 1945 г. моряки должны были: нарушать коммуникации противника от Рижского залива до Померанской бухты включительно; огнем корабельной и береговой артиллерии, высадкой десантов на приморских флангах противника содействовать наступлению Красной армии на побережье Балтийского моря; защищать свои морские коммуникации и оборонять побережье, освобожденное от врага [Краснознаменный Балтийский флот, 1981, с. 29].

Учитывая специфику задач по содействию приморскому флангу Красной армии и географическое положение района боевых действий, 23 марта по приказу Народного комиссара ВМФ был сформирован Юго-Западный морской оборонительный район в составе бригады торпедных катеров и бригады

траления, бригады морской пехоты, бригады морской железнодорожной артиллерии и бригады ПВО [Боевой путь советского Военно-морского флота, 1988, с. 301]. Кроме этого, Народный комиссар ВМФ предложил Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) передать флоту три бомбардировочные и одну истребительную авиационные дивизии. Главный морской штаб ВМФ поддержал инициативу штаба КБФ о передислокации в Хельсинки и на Ханко крейсеров, лидеров и пяти эсминцев с последующим их базированием на Мемель. Таким образом, советский ВМФ готовился активно участвовать в завершающих сражениях Великой Отечественной войны.

Ставка ВГК планировала добиться окончательного поражения фашистской Германии многочисленными сухопутными войсками при поддержке авиации, которые накопили большой опыт успешного проведения стратегических наступательных операций. Приморское направление в 1945 г. рассматривалось как второстепенное, обеспечивающее успех на главном, берлинском, направлении. Поэтому высшее военное командование СССР уделяло недостаточно внимания проблемам ВМФ и недооценивало значения морских коммуникаций на Балтийском море.

И. В. Сталин запретил применение крупных надводных кораблей в Южной Балтике, поэтому крейсера, вооруженные девятью 180-мм орудиями, и эсминцы с четырьмя 130-мм орудиями на каждом, продолжали до конца войны оставаться пассивными в Финском заливе. У побережья, занятого противником, вынуждены были действовать только катера, вооруженные пулеметами и орудиями калибра не более 76 мм.

Генеральный штаб отказал в усилении КБФ авиацией, которую запрашивал Народный комиссар ВМФ. В 1945 г. поступление самолетов в ВВС флота не перекрывало боевых потерь торпедоносцев и штурмовиков (165 и 175 соответственно). Это привело к тому, что количество исправных торпедоносцев снизилось до уровня конца 1943 г.

Необходимо признать, что ограниченные по численности разнородные силы КБФ не могли справиться с большим объемом сложных задач. Это стало результатом недооценки роли флота в завершающих сражениях Великой Отечественной войны. Континентальное мышление Ставки ВГК рассматривало многомиллионную Красную армию в качестве проверенного и эффективного средства окончательного разгрома фашистской Германии.

Противник, оказавшийся в критической ситуации, по-иному оценил значение Балтийского морского театра и своих ВМС. Германское командование умело использовало корабли и суда для поддержания боеспособности войск на приморском направлении и маневра силами вермахта. ВМС приобретали все большее значение.

К 1945 г. противник сосредоточил на Балтийском море все свои тяжелые и легкие крейсера. Из Норвегии прибыли 4-я флотилия эсминцев и два дивизиона охотников за подводными лодками. Мобилизация катеров и судов позволила сформировать новые дивизионы и флотилии тральщиков и кораблей охранения. В составе 3-й флотилии охотников за подводными лодками насчитывалось 24 катера типа «КФК». Пополнение в корабельном составе получили 12-я флотилия охотников за подводными лодками и 21-я флотилия тральщиков. Флотилия береговой обороны «Остланд» была переформирована в 3-й и 14-й дивизионы кораблей охранения общей численностью 70 кораблей и катеров [Майстер, 2005, с. 171].

Противник совершенствовал систему дозорной службы и вводил полномасштабную систему конвоев. На кораблях и судах увеличивали количество зенитных орудий и автоматов. Учитывая важность перегруппировки войск, к морским перевозкам с февраля 1945 г. начали широко привлекаться тяжелые крейсера, эсминцы и миноносцы из состава 2-й боевой группы ВМС, 3-й и 7-й флотилий артиллерийских кораблей.

Соотношение сил на Балтийском море приведено в таблице 7.

Таблица 7

Соотношение сил на Балтийском море в начале 1945 г.

Класс корабля	КБФ СССР	ВМС Германии
Линейный корабль ¹	1	2
Крейсер ²	2	8
Эсминец, миноносец	12	Более 30
Сторожевой корабль	5	
Торпедный катер	78	70
Тральщик	73	64
Катер-тральщик	204	300
Сторожевой катер	220	
Бронекатер	47	
Десантные баржа, судно	—	Около 200
Подводная лодка (ПЛ) ³	28	Свыше 200
<i>Авиация</i>		
Самолеты	781	350

¹ В ВМС Германии устаревшие корабли.² В ВМС Германии 4 тяжелых и 4 легких крейсера.³ В КБФ боеспособных — 11 ПЛ; в ВМС Германии большинство ПЛ после постройки готовились к вводу в боевой состав.

Ставка ВГК предусматривала разгром группировки противника в Восточной Пруссии мощными ударами двух фронтов одновременно при поддержке разнородных сил КБФ [Действия Военно-Морского Флота, 1956, с. 376]. Ограничиваясь постановкой общих задач, Ставка ВГК не организовала тесного взаимодействия Генерального штаба с Главным морским штабом в период стратегического планирования на 1945 г. В январе 1945 г. адмирал флота Н. Г. Кузнецов представил И. В. Сталину проект директивы по задачам КБФ на январь — апрель. Район содействия приморскому флангу 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов ограничивался побережьем Рижского за-

лива, хотя операционная зона флота расширялась до датского острова Борнхольм [Военно-Морской Флот, 1962, с. 389]. Отсутствие предварительного ориентирования командования ВМФ в соответствии со стратегическими замыслами Ставки ВГК привело к тому, что уже к марту 1945 г. задачи соединениям и частям КБФ не соответствовали реальной обстановке в районе боевых действий 2-го и 3-го Белорусских фронтов, проводивших операции в Восточной Пруссии и Восточной Померании. Система базирования ВВС КБФ оказалась неоптимальной. Для завершения Восточно-Прусской операции в полосе 3-го Белорусского фронта были сосредоточены 2 440 самолетов 1-й, 3-й и 18-й воздушных армий, действия которых координировал Главный маршал авиации А. А. Новиков [Штурм Кёнигсберга, 2000, с. 36]. Аэродромы в ближнем тылу фронта были переданы в распоряжение перечисленных сил. Ударная авиация КБФ вынуждена была использовать аэродром Паневежиса в центральной части Литвы, в то время как войска 2-го Белорусского фронта вышли к берегам Данцигской бухты. Распределение аэродромной сети между авиационными соединениями фронтового подчинения и морской авиацией осуществлялось не в пользу последней. В весеннее время немногочисленные грунтовые аэродромы не могли принимать тяжелые самолеты бомбардировочной и минно-торпедной авиации КБФ. Ситуация начала меняться с большим опозданием. Перебазирование ВВС КБФ в район Мемеля началось во второй половине февраля, а в район Кольберга — в последние дни апреля.

Отсутствие предварительных распоряжений Ставки ВГК о подготовке к кампании 1945 г. не позволило командованию КБФ своевременно завершить ремонт кораблей в Ленинграде и Кронштадте. Из 28 подводных лодок, имевшихся в составе КБФ к началу 1945 г., считались боеготовыми 11 кораблей. Из этого числа 5 подводных лодок требовали ремонта. Сложная ситуация сохранялась с ремонтом катеров.

Несвоевременной оказалась передислокация боевых катеров в передовые пункты базирования. К началу февраля 1945 г. в Южной Балтике действовали 8 торпедных катеров, в то время как в составе КБФ насчитывалось 78 кораблей этого класса. К концу апреля количество торпедных катеров в районе боевых действий возросло до 26 единиц, но к тому времени операции 2-го и 3-го Белорусских фронтов в Восточной Пруссии и Померании завершились.

Задержки в создании корабельной группировки КБФ в Южной Балтике возникли не только из-за разрушенной инфраструктуры военно-морских баз и пунктов базирования, освобожденных от фашистских войск. Самостоятельный переход боевых катеров морем из Кронштадта в пункты передового базирования к началу Восточно-Прусской операции был невозможен из-за большой минной опасности и наличия толстого льда в Финском заливе. В связи с этим предусматривалась передислокация катеров железнодорожным транспортом. Однако перевозки к тому времени осуществлялись прежде всего в интересах наступавших фронтов. Торпедные катера смогли начать активные действия на подходах к Пиллау только на завершающем этапе Восточно-Прусской операции.

Для группировок противника, окруженных на побережье Балтики к началу 1945 г., морские перевозки приобретали важное значение. КБФ для нарушения вражеских коммуникаций от Либавы до Данцига применял разнородные силы.

Бомбардировщики и штурмовики ВВС флота в основном наносили массированные удары по кораблям и судам противника в портах и базах Виндава, Либавы, Мемель, Пиллау, Данциг, Гдыня и т. д. Торпедоносцы действовали поисково-ударными группами для уничтожения целей на переходе морем. Крейсерский полет одного самолета-торпедоносца предусматривал самостоятельное ведение разведки и атаку без прикрытия и взаимодействия с другими силами флота. Анализ характера деятельности авиации КБФ (табл. 8) позволяет выявить недостаточную ее активность над морем.

**Боевая активность ВВС КБФ в 1945 г.,
количество самолето-вылетов (с/в)**

Месяц	Всего (с/в)	Для атаки целей в море (с/в)	
		Торпедоносцы	Штурмовики и бомбардировщики
Январь	1766	32	45
Февраль	1722	64	124
Март	2690	134	174
Апрель	5626	104	667
Май	1747	24	580

Из-за неудовлетворительной разведки и неблагоприятной погоды около 50% самолетов-торпедоносцев возвращались на свои аэродромы, не применив оружия. Удары по кораблям и судам, стоявшим в портах и базах, требовали преодоления огня не только зенитных орудий кораблей, но и мощной береговой системы ПВО. Для прикрытия только Пиллау противником были задействованы 19 зенитных артиллерийских батарей.

Штурмовики Ил-2 использовали для поражения надводных целей бомбы весом до 250 кг, которые наносили только повреждения и не могли потопить крупный корабль одним попаданием.

Наиболее эффективными были удары смешанных авиационных групп по конвоям противника. При этом в атаках участвовали торпедоносцы, бомбардировщики-топмачтовики, а также штурмовики. Так, 29 января самолет-торпедоносец, выполнявший крейсерский полет, обнаружил вышедший из Либавы конвой и потопил 1 транспорт из его состава. Используя разведанные этого самолета, атаку конвоя продолжила смешанная группа из торпедоносцев и бомбардировщиков. Противник потерял второй транспорт и плавучую базу подводных лодок.

Тринадцатого февраля ударная группа из 2 торпедоносцев и 2 бомбардировщиков под прикрытием истребителей нанесла удар по конвою, обнаруженному севернее полуострова Хель. В ходе атаки противник подбил самолет лейтенанта В. П. Носова, который направил свой горящий торпедоносец на транспорт и потопил его.

Двенадцатого марта совместными действиями торпедоносцев, бомбардировщиков и штурмовиков были потоплены 5 транспортов. Аналогичная атака последовала 26 марта, в ходе которой советские летчики уничтожили 2 тральщика, транспорт и танкер «Засниц» с 5 тыс. т топлива.

В начале апреля геройские подвиги при атаке кораблей и судов противника в районе Данцигской бухты совершили летчики штурмовой авиации старший лейтенант А. М. Романов, лейтенант А. М. Стратилатов и младший лейтенант И. А. Комозов. Они направили свои горящие самолеты на корабли противника и уничтожили их ценой собственной жизни.

В 1945 г. ВВС КБФ потопили 107 транспортов общим тоннажем 335 075 брутто-тонн.

На морских коммуникациях противника активно действовали подводные лодки КБФ из состава бригады под командованием контр-адмирала С. Б. Верховского. С января по май корабли соединения выполнили 27 боевых походов, выпустив по целям 152 торпеды.

В январе 1945 г. 4 подводные лодки из 6 были развернуты на подходах к Курляндскому полуострову. Изменение обстановки на сухопутных фронтах привело к тому, что с середины февраля у побережья Курляндии действовали 1—2 подводные лодки, а остальные занимали позиции от Данцига до Свиномюнде.

Боевое применение подлодок (ПЛ) характеризуют данные таблицы 9.

Подводные лодки действовали без координации с авиацией и торпедными катерами. Атаки против судов небольшого водоизмещения, составлявших основу прибрежного судоходства противника, оказывались неэффективными. Подводники

вынуждены были наносить торпедные удары по немногочисленным крупным транспортам из состава хорошо охранявшихся конвоев.

Таблица 9

Результаты боевого применения подводных лодок КБФ в 1945 г.

Месяц	Количество ПЛ, вышедших в море	Потоплено судов		Потери
		количество	тоннаж (брт)	
Январь	6	4	30 846	ПЛ «С-4»
Февраль	5	4	25 739	—
Март	7	3	10 514	—
Апрель	6	5	8 796	—
Май	1	—	—	—

В конце января — начале февраля 1945 г. подводная лодка «С-13» под командованием капитана 3-го ранга А. И. Маринеско, выполнив сложное тактическое маневрирование в условиях ограниченной видимости, потопила за один поход крупные суда «Вильгельм Густлов» и «Генерал Штойбен» [Боевой путь советского Военно-морского флота, 1988, с. 306—307]. Успешно применяли минное оружие подводные лодки «Л-21» капитана 2-го ранга С. С. Могилевского и «Л-3» капитана 3-го ранга В. К. Коновалова. Подводный минный заградитель «Л-3» эффективно использовал также торпеды, потопив транспорт «Гойя», на борту которого находилось более 5 тыс. вражеских солдат. Несколько кораблей и судов противник потерял на минах, выставленных подводной лодкой «Лембит» капитана 3-го ранга А. М. Матиясевиича. По два результативных похода совершили крейсерские подводные лодки «К-51», «К-52» и «К-56».

Эффективность применения торпедных катеров снижалась при поиске целей на большом удалении от побережья, вдоль которого противник организовал интенсивное судоходство.

Торпедные катера выходили в море тактическими группами, состав которых в 1945 г. увеличился до 6—12 единиц [Ачкасов, Павлович, 1973, с. 275]. Базируясь на Швентой, а затем на Мемель, торпедные катера с февраля действовали в основном на подходах к Либаве и вдоль побережья Курляндии. В феврале-марте в этом районе катерники дивизиона под командованием капитана 3-го ранга Е. В. Осецкого потопили корабль охранения и 4 судна общим водоизмещением 4 500 регистровых тонн. В ответ на действия катерников противник увеличил количество кораблей охранения в составе конвоев и организовал дозорную службу группами своих кораблей, наносил авиационные удары по пунктам базирования советских катеров. В ночь на 27 марта катерники КБФ при атаке конвоя потеряли в бою 2 катера под командованием капитан-лейтенантов Беляева и Пуйкевича.

С 9 апреля 1-я бригада торпедных катеров под командованием капитана 1-го ранга А. В. Кузьмина приступила к боевым действиям на подходах к Пиллау; 11 апреля первые катера дивизиона капитана 2-го ранга Б. П. Ущева перебазировались в Нейфарвассер, а с середины апреля соединение приступило к систематическим действиям в Данцигском заливе. Вскоре 2 торпедных катера под командованием капитан-лейтенанта В. В. Солодовникова и лейтенанта Н. А. Короткевича потопили в районе Хель эсминец противника.

Всего с февраля по май 1945 г. торпедные катера совершили 190 выходов в море, выполнили 46 атак и уничтожили 4 транспорта, эсминец и тральщик. При этом КБФ потерял 6 торпедных катеров [Краснознаменный Балтийский флот, 1991, с. 146].

По мнению Маршала Советского Союза А. М. Василевского, флот оказал активную помощь частям Красной армии при штурме Кёнигсберга и Пиллау [Василевский, 1984, с. 420].

Важную роль в ходе Восточно-Прусской операции играла советская артиллерия. Наличие у противника большого количества долговременных оборонительных укреплений требова-

ло применения орудий крупного калибра. В интересах частей Красной армии было задействовано более 5 тыс. орудий. Одна из артиллерийских групп состояла из батарей 1-й гвардейской морской железнодорожной Красносельской Краснознаменной артиллерийской бригады КБФ. Флотские артиллеристы должны были воспрепятствовать движению судов противника по Кёнигсбергскому морскому каналу, вести обстрел железнодорожного узла и порта, разрушить наиболее важные объекты и поддержать войска при прорыве обороны Кёнигсберга [Кузнецов, 1987, с. 424]. Для штурма Кёнигсберга КБФ мог выделить 403-й и 404-й артиллерийские дивизионы, имевшие 17 орудий калибра 130 мм, батарею № 1110 с 3 аналогичными орудиями и артиллерийскую батарею № 18, имевшую на вооружении 4 орудия калибра 180 мм. Общее руководство группой было возложено на командира 404-го артиллерийского дивизиона подполковника И. Е. Калашникова [Краснознаменный Балтийский флот, 1975, с. 287]. Бригада вынуждена была сосредоточить 31 орудие калибром от 130 до 180 мм для обстрела Либавы, а в районе Тукумсе — 17 орудий калибра 130 мм на железнодорожных платформах.

Железнодорожные артиллерийские батареи 30 марта 1945 г. прибыли в распоряжение 11-й гвардейской армии, командование которой предоставило инженерные части для строительства железнодорожной колеи в районе станций Гутельфельд и Левенхольм. Саперная рота оказала помощь в оборудовании огневых позиций брустверами и другими укрытиями. Противовоздушная оборона дивизионов обеспечивалась зенитным артиллерийским полком из состава 11-й гвардейской армии.

С 4 по 9 апреля морская артиллерия выпустила по врагу более 1,5 тыс. снарядов крупного калибра. Стрельба корректировалась самолетами 13-й отдельной авиаэскадрильи ВВС флота. Наблюдатели 35 раз отмечали мощные взрывы и крупные пожары на объектах, подвергавшихся ударам. В 24 случаях подавлялся огонь вражеских артиллерийских батарей, не-

однократно рассеивались скопления живой силы и техники противника. Мощные 180-мм орудия 9 раз срывали погрузочные работы в порту Кёнигсберга, а также причинили значительные разрушения танковому заводу.

После капитуляции гарнизона Кёнигсберга оба артиллерийских дивизиона и батарея № 18 были переданы в оперативное подчинение 39-й армии для разгрома противника на Земландском полуострове. С 13 по 15 апреля морская артиллерия обстреливала вокзал и порт Пиллау. В акватории военной гавани были потоплены вражеские подводная лодка, тральщик и 4 вспомогательных судна. Всего за время боев в Восточной Пруссии железнодорожная артиллерия флота выполнила 156 стрельб из 130-мм орудий и выпустила 2 635 снарядов. Батарея 180-мм орудий 56 раз открывала огонь по врагу, израсходовав 684 снаряда. Высокая точность поражения целей обеспечивалась тем, что 90% стрельб 130-мм орудий и 54% стрельб 180-мм орудий производились по данным корректировщиков, что составило самый большой процент такого вида стрельбы береговой артиллерии КБФ за весь период Великой Отечественной войны.

Восточно-Прусская операция продемонстрировала необходимость тесного взаимодействия сухопутных войск с боевыми катерами, способными действовать на реках, каналах и в мелководных заливах. С января по апрель 1945 г. к району боевых действий 2-го и 3-го Белорусских фронтов по железной дороге были переброшены более 100 торпедных и сторожевых катеров, бронекатеров и катеров-тральщиков. Они предназначались для решения задач в заливах Куриш-Гаф и Фриш-Гаф, на реках Неман, Прегель и Висла [Военно-Морской Флот, 1962, с. 382]. В нижнем течении Вислы действовали 6 бронекатеров, переданных в состав КБФ из Дунайской военной флотилии. Тесного взаимодействия с войсками 3-го Белорусского фронта достигли 14 бронекатеров, переброшенных в Тапиу на реке Прегель.

Большую помощь продвижению войск 43-й армии на Пиллау оказали бронекатера, которые своим артиллерийско-пулеметным огнем подавляли огневые точки противника на берегах Кёнигсбергского морского канала [Баграмян, 1988, с. 602].

К 13 апреля части Красной армии завязали упорные бои с противником на побережье канала в районе Пайзе-Циммербуде. Для содействия наступающим войскам отряды капитанов Мазепина и Смирнова в составе 6 кораблей Петрозаводского дивизиона речных бронекатеров под командованием капитана 2-го ранга Крохина перешли по реке Прегель из Тапиау в Кёнигсбергский морской канал. Небольшие корабли смело вступили в бой на ограниченной акватории канала. Моряки сумели подавить огневые точки противника на берегу и способствовали освобождению от врага Пайзе и Циммербуде. А 15 и 16 апреля бронекатера высадили два тактических десанта из пехотинцев 24-й гвардейской дивизии, которые заняли дамбу морского канала. Бронекатера лейтенантов Брандера и Задорожного атаковали плавсредства, на которых фашисты пытались отступить на косу Фрише-Нерунг и в Пиллау. Противник потерял 2 десантные быстроходные баржи, 2 баржи, несколько мотоботов и шлюпок [Краснознаменный Балтийский флот, 1975, с. 129]. При этом один советский катер был поврежден, а второй потоплен артиллерией противника. Погиб капитан 3-го ранга Смирнов и четыре члена экипажа, многие получили ранения [Смирнов, 1968, с. 243].

На завершающем этапе боев в Восточной Пруссии КБФ оказал поддержку войскам 11-й гвардейской армии в разгроме противника на косе Фрише-Нерунг. В ночь на 26 апреля на восточный берег косы высадился тактический десант в составе усиленного полка 260-й бригады морской пехоты полковника Л. В. Добротина и стрелковый полк подполковника А. В. Козлова. Высадкой руководил контр-адмирал Н. Э. Фельдман. На западный участок катера капитана 1-го ранга А. В. Кузьмина высадили полк под командованием полковника Л. Т. Белого из состава 83-й гвардейской дивизии. Действия десанта обес-

печивали 18 торпедных катеров, 13 бронекатеров, 12 катеров-тральщиков, 14 буксиров, мотоботов и катеров. На косе начались упорные бои. С 1 по 8 мая бронекатера произвели 19 огневых налетов по позиции противника. Таким образом, моряки КБФ до последнего дня Великой Отечественной войны участвовали в разгроме врага на территории Восточной Пруссии.

Восточно-Пруская операция 1945 г. в очередной раз подтвердила необходимость объективной оценки значения Военно-морского флота и важность организации взаимодействия между видами Вооруженных сил.

Особенности применения советской авиации и развития оперативного искусства ВВС в Кёнигсбергской операции 1945 года

В Кёнигсбергской операции наиболее яркое выражение нашел принцип массированного использования авиации: здесь на узком участке фронта были сосредоточены основные усилия пяти воздушных армий (1-я ВА, 3-я ВА, 18-я ВА, два бомбардировочных корпуса 4-й ВА и 15-й ВА соседних Ленинградского и 2-го Белорусского фронтов) и ВВС Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) с исключительно высокой плотностью насыщения авиацией поля боя — 150 боевых самолетов на 1 км фронта. Такая высокая концентрация сил, а также искусное использование крупных масс авиации в тесном взаимодействии с наземными войсками и непрерывность поддержки последних с воздуха в продолжение всего времени боевых действий обеспечили им быстрое завершение Кёнигсбергской операции и полный разгром стотысячной армии противника в короткие сроки.

Кроме того, Кёнигсбергская операция характеризуется:

— оперативным взаимодействием авиации трех воздушных армий, двух авиакорпусов, привлеченных из состава двух других воздушных армий, и ВВС КБФ;

— использованием соединений ночной тяжелой бомбардировочной авиации в дневных условиях (18-я ВА);

— сосредоточением усилий авиации в интересах лишь одного фронта (3-го Белорусского).

Для того чтобы полнее осознать суть и значение действий советской авиации в Кёнигсбергской операции, обратимся к современному опыту проведения воздушных наступательных операций (ВНО) и нанесения массированных ракетно-авиационных ударов. Например, при проведении ВНО группировкой ВВС и ВМС США и Великобритании против Ирака во время операции «Лис пустыни» (17—20 декабря 1998 г.), которая, как и Кёнигсбергская операция, продолжалась 4 дня, было задействовано 305 боевых самолетов, совершивших 632 самолето-вылета (от 70 до 250 в сутки), израсходовано около 1 тыс. боеприпасов [Усиков, Бурутин, Гаврилов и др., 2008, с. 66—68]. В ВНО 24—25 марта 1999 г. (2 дня) в ходе военной операции НАТО против Югославии «Союзническая сила» (24 марта — 10 июня 1999 г.) участвовало 185 самолетов. К завершению операции, которая длилась 78 дней, авиационная группировка НАТО, насчитывавшая 638 боевых самолетов, совершила 30 тыс. самолето-вылетов (от 120—150 в марте до 350—390 в конце апреля — июне 1999 г.) [Там же, с. 73—77]. И в первом, и во втором случае обороняющаяся сторона могла противопоставить около 200 боевых летательных аппаратов: Ирак — 221 самолет в составе ВВС и 30 самолетов армейской авиации; Югославия — 136 боевых самолетов и 53 вертолета. Расчет сил и средств ПВО: Ирак — 468 орудий зенитной артиллерии, 124 ПУ ЗРК, в составе сухопутных войск еще 1 208 орудий ЗА и 96 ПУ ЗРК; Югославия — 136 ПУ ЗРК [Там же, с. 66—67, 73—77].

Что общего и в чем отличие Кёнигсбергской операции в сравнении с наиболее известными и успешными воздушными операциями современности?

Первое, что их объединяет, это продолжительность, составляющая 2—4 дня интенсивной деятельности авиации.

Второе — координация совместных действий разнородных сил авиации. Третье — проведение налетов одновременно с нескольких направлений (до четырех). Четвертое — сопоставимое соотношение сил и средств авиации атакующей стороны и ПВО обороняющейся (Кёнигсбергская операция — 170 боевых самолетов против 106 зенитных батарей — 856 стволов) плюс господство в воздухе наступающей группировки. Пятое — проведение операций в условиях наличия приморских флангов и взаимодействия с авиацией флота.

При этом Кёнигсбергская операция значительно выделяется на фоне операций конца XX в. количеством привлекаемой авиации — 2 444 самолета (в 4 раза больше, чем в Югославии, и в 8 раз больше, чем в Ираке). Более того, территориальный размах Кёнигсбергской операции был гораздо меньше, авиация действовала в условиях максимальной близости своих наземных войск, которым она оказывала поддержку. Интенсивность действий советской авиации в Кёнигсбергской операции, которая совершала свыше 6 тыс. самолето-вылетов в сутки, на порядок выше воздушных наступательных операций ведущих военных держав конца XX в.

Для лучшего представления масштабов применения советской военной авиации в Кёнигсбергской операции также интересно сравнить ее с российской воздушной операцией в Сирии. В конце сентября 2015 г. в соответствии с соглашением между Российской Федерацией и Сирией на территории последней, на авиабазе Хмеймим, была развернута авиационная группа ВКС России. Первоначально состав российской авиационной группы включал в себя 32 боевых самолета (Су-24М, Су-34, Су-30СМ, Су-25СМ и Су-25УБ) и 17 вертолетов. В январе 2016 г. количество самолетов было увеличено до 40 (прибыли еще 4 Су-34 и 4 Су-35С), и с этого момента оно поддерживалось на том же уровне до вывода части сил в декабре 2017 г.

Боевые действия российской авиационной группировки начаты 30 сентября 2015 г. В первый день было совершено 24 самолето-вылета. В дальнейшем их число возрастало до,

например, 88 (12 октября). К концу октября интенсивность применения авиации достигла 90—100 самолето-вылетов в сутки. Всего за первый месяц операции (с 30 сентября по 30 октября 2015 г.) российские самолеты выполнили 1 391 боевой вылет, что дает в среднем 42 самолето-вылета в сутки [Грозное небо, 2018, с. 201—205].

Наивысшей напряженности деятельность российской авиагруппы в Сирии достигла в ноябре 2015 г. после того, как 31 октября над Синайским полуостровом в результате террористического акта был взорван летевший из Египта с туристами российский самолет Airbus A321. Российское командование спланировало и с 17 по 20 ноября 2015 г. провело специальную воздушную операцию возмездия против боевиков террористических группировок на территории Сирии. Для проведения операции состав российской авиагруппировки был доведен до 69 единиц авиатехники. Кроме самолетов, размещенных в Сирийской Арабской Республике, для ударов по боевикам привлекались бомбардировщики дальней авиации: стратегические Ту-160, Ту-95МС и дальние Ту-22М3, совершавшие вылеты с территории России. Также 20 ноября для нанесения ударов по террористам в Сирии с территории РФ (Краснодарский край) было совершено 20 самолето-вылетов бомбардировщиков Су-34 с использованием дозаправки в воздухе. Всего в ходе воздушной операции возмездия с 17 по 20 ноября 2015 г. стратегическая и оперативно-тактическая авиация ВКС России совершила 522 самолето-вылета, включая 112 с использованием дальней авиации. На противника сброшено 1 400 т бомб различного калибра и назначения, осуществлен пуск 83 крылатых ракет воздушного базирования. Всего было поражено 826 объектов противника. За 4 дня операции среднее количество самолето-вылетов в день составило 130, максимальное — 143. Среднее боевое напряжение на самолет составило 1,9 боевых вылетов в сутки [Там же, с. 207—209; Министр обороны доложил Верховному Главнокомандующему о результатах проведения воздушной операции в Сирии].

Как видим, в конце XX и начале XXI в. ни в одной из воздушных операций не были достигнуты масштабы и интенсивность применения авиации, хотя бы близко сопоставимые с Кёнигсбергской операцией 1945 г. (табл. 10).

Таблица 10

**Сравнение показателей применения авиации
в Кёнигсбергской операции 1945 г.
с операциями конца XX — начала XXI в.**

Операция	Кол-во самолетов	Кол-во самолето-вылетов в сутки	Кол-во авиации противника
Кёнигсбергская (6—9.04.1945)	2444	6063	170
«Лис пустыни» (17—20.12.1998)	305	250	251
«Союзническая сила» (24—25.03.1999)	185	150	189
Российская воздушная операция в Сирии (17—20.11.2015)	69	130	—

Вместе с тем — при всей своей исключительности — опыт применения авиации в Кёнигсбергской операции не получил достаточного освещения в военно-исторической литературе. Доступны для исследователей лишь две статьи командующего ВВС КА в годы войны, Главного маршала авиации, дважды Героя Советского Союза А. А. Новикова [Новиков, 1968; 1970]. Так, фундаментальный многотомный труд «Великая Отечественная война 1941—1945 годов» в описании Восточно-Прусской операции дает лишь некоторые количественные показатели о составе и результатах действия авиации [Великая Отечественная война, 2013, с. 249—254], не раскрывая особенности управления, мероприятия по обеспечению боевых действий в операции, развитие оперативного искусства ВВС и

тактики родов авиации. В энциклопедии «Великая Отечественная война» лишь отмечается, что «важную роль в разгроме немецкой восточнопрусской группировки врага сыграла авиация», а массированный налет дальних бомбардировщиков на крепость Кёнигсберг «резко снизил сопротивление ее гарнизона» [Великая Отечественная война, 2015б, с. 174].

Здесь необходимо отметить, что в первое послевоенное десятилетие опыт применения авиации в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции, в частности в Кёнигсбергской операции, изучался и анализировался в советских ВВС. Уже в 1946 г. в Управлении Главного командующего ВВС ВС СССР под редакцией известного летчика-истребителя генерал-майора М. В. Захарова, командовавшего во время войны 303-й иад и лично принимавшего участие в Восточно-Прусской операции, был подготовлен информационный сборник, посвященный боевым действиям советской авиации в боях за Кёнигсберг.

В Краснознаменной военно-воздушной академии (КВВА, пос. Монино Московской обл.) в 1955 г. на кафедре истории военного искусства и военной авиации исследовалась тема «Боевое применение ВВС в Восточно-Прусской операции 1945 года». В то время история военного искусства и военной авиации изучались в КВВА на примерах операций Великой Отечественной войны. Тему разработал преподаватель кафедры подполковник В. А. Кошелев. В следующем (1956-м) году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата военных наук по той же теме [Кошелев, 1956]. Но с начала 1960-х гг. на кафедре перешли на изучение дисциплины не по операциям, а в хронологическом порядке, обобщая материал. Так, в 1961 г. изучение развития советского военного искусства, оперативного искусства ВВС и тактики родов авиации в Великой Отечественной войне проходило в рамках всего одной темы.

В 1960 г. в одном из сборников документов, посвященных советским ВВС в годы Великой Отечественной войны, издан-

ном в Управлении ГК ВВС, был опубликован боевой приказ командира 6-го бомбардировочного авиационного корпуса № 6 от 3 апреля 1945 г. на разрушение опорных пунктов противника в городе Кёнигсберге [Советские Военно-воздушные силы, 1960].

При этом перечисленные издания Управления ГК ВВС и Военно-воздушной академии, а также диссертация В. А. Кошелева подготавливались с ограничением доступа к ним широкого круга исследователей. И хотя спустя десятилетия все они были рассекречены, но так и остались вне поля зрения исследователей. Правда, некоторые сведения из этих работ вошли в публикации А. А. Новикова.

Попробуем в некоторой мере исправить ситуацию, осветить особенности подготовки и проведения Кёнигсбергской операции в части, касающейся применения авиации.

И для начала ответим на вопрос, *чем же был предопределен именно такой характер проведения Кёнигсбергской операции* — с максимально высокой насыщенностью сил и средств авиации.

Это обуславливалось ходом Восточно-Прусской стратегической наступательной операции, которая, по оценке историка А. В. Исаева, была самой сложной из стратегических операций, проведенных Красной армией в Восточной и Центральной Европе:

Она оказалась *самой протяженной по времени* — 103 дня — и *самой тяжелой по потерям*. Только безвозвратные потери составили более 126 тыс. солдат и офицеров, или 7% от общей численности советских войск, принимавших в ней участие. <...> Не получилось *разгромить с воздуха отходившие к укреплениям немецкие части*. Наступление было трудным, оборону противника приходилось «прогрызать». Восточно-Прусская операция стала абсолютным рекордсменом по объему использованных боеприпасов [Исаев, 2020, с. 14—15].

Поэтому Кёнигсбергская операция должна была стать максимально короткой по срокам (в том числе с учетом военно-

политической обстановки в Западной Европе), иметь минимальные потери, не допустить отхода войск противника на Берлин (в том числе морем), лишить его маневра резервами, что в условиях штурма города-крепости (железобетонные укрепления, форты, крупные ДОТы) вновь требовало значительного расхода боеприпасов (в том числе авиационных). Все это и определило такую высокую степень сосредоточения усилий авиации в Кёнигсбергской операции, поставленные перед ВВС Красной армии задачи.

За счет чего достигались высокая интенсивность применения авиации, безопасность полетов, в том числе для своих наземных войск, координация действий разнородных сил в интересах одного фронта?

1. Прежде всего, за счет грамотной *оценки обстановки и противника*. Основная масса зенитных средств была использована противником для обороны города и порта Пиллау, и лишь незначительная часть прикрывала аэродромы базирования авиации. Воздушной разведкой фронта было вскрыто 106 зенитных батарей противника общим числом 856 стволов, из них 56 батарей располагались в районе Кёнигсберга и составляли 52 % всех батарей, действовавших на Земландском полуострове. Из авиационных сил на полуострове немцы имели около 170 самолетов-истребителей и разведчиков, которые базировались на аэродромах Гросс Диршкайм, Гросс Хубникен и Нойтиф [Авиация в боях за крепость и город Кёнигсберг, 1946, с. 6]. Подавляющее преимущество в самолетах — в 14 раз (достигнуто в ходе Восточно-Прусской операции, где Германия потеряла около 1 300 самолетов, 200 % от всей своей авиации на этом направлении к началу операции). Такое соотношение военно-воздушных сил в операции обеспечивало подавляющее превосходство в воздухе авиации Красной армии.

2. *Управление авиацией и координация взаимодействия*. В подготовительный период (29 марта — 4 апреля) штабы воздушных армий совместно с командующими армиями и командирами стрелковых корпусов и дивизий отработали все

вопросы координации авиации с войсками и составили планы взаимодействия с каждой общевойсковой армией детально на первый день операции и в общих чертах — на все последующие дни. В этих планах были точно определены время, цели и направления действий авиасоединений и наземных войск, а также порядок обозначения войсками переднего края, особенно во время боя в городе. Центральным штабом, объединяющим действия всех привлекаемых сил авиации, был штаб 1-й ВА при ВПУ 3-го Белорусского фронта. Общее руководство по вопросам планирования и организации взаимодействия между авиационными силами фронтов осуществлял командующий ВВС КА, главный маршал авиации А. А. Новиков. За 2—3 дня до операции командующим воздушных армий, ВВС КБФ и командирам двух привлекаемых бомбардировочных авиакорпусов задачи на первый день операции поставил лично командующий ВВС КА. Все командиры авиакорпусов и авиадивизий за 3 дня до начала операции получили необходимые документы (схемы, фотопланы города, выписки из боевого приказа, карты целей и т. д.). Подтверждает это, например, боевой приказ № 6 командира 6-го бомбардировочного авиакорпуса от 3 апреля 1945 г. на разрушение опорных пунктов противника в Кёнигсберге, к которому прилагались карты и план города [Советские Военно-воздушные силы, 1960, с. 144—145]. В ходе операции боевые задачи авиасоединениям ставились через их представителей, которые постоянно находились при штабе 1-й ВА. Управление штурмовой авиацией на поле боя при взаимодействии с наземными войсками осуществлялось авиационными представителями, находившимися при общевойсковых армиях и в стрелковых корпусах, и через авианаводчиков в стрелковых дивизиях. Наличие большого количества средств связи (в том числе переносных и смонтированных на автомобилях радиостанций) и достаточно продуманная ее организация позволили иметь в течение всего периода боев бесперебойную связь со всеми авиасоединениями [Авиация в боях за крепость и город Кёнигсберг, 1946, с. 13—14, 16—17, 20].

3. Мероприятия по обеспечению боевых действий:

— установлена разграничительная линия полетов до цели и обратно между авиацией 1-й и 3-й ВА, которая проходила через Тапиау, Гольдбах, Ноендорф, Молленен;

— для каждой бомбардировочной и штурмовой авиадивизии установлены маршруты к цели и обратно, определены высоты следования и развороты при уходе от цели, назначены аэродромы вынужденных посадок, им были выделены дополнительные средства аэродромного обслуживания (тракторы, автомашины и технические команды);

— категорически запрещено производить полеты группами самолетов через свои и другие аэродромы на малых высотах;

— на всех ближайших к Кёнигсбергу аэродромах были выложены дополнительные старты для приема подбитых и вынужденно садящихся самолетов с убранными шасси;

— для обеспечения боевых действий ночных бомбардировщиков 18-й ВА весь передний край вокруг Кёнигсберга обозначался кострами; для ночного обозначения цели на удалении 3—4 км от переднего края были выставлены четыре мощных прожектора, которые при появлении самолетов давали вдоль земли четыре перекрещивающихся луча, изображая прямоугольник над центром города [Там же, с. 21].

На характер применения авиации оказали влияние *изменения в обстановке, которые произошли на подготовительном этапе и в первый день операции*. По решению командующего 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза А. М. Василевского нашим войскам предписывалось закончить к 4 апреля перегруппировку сил и быть готовыми к выполнению поставленных в операции задач. Весь план операции строился на основе мощной поддержки наступающих армий артиллерией и авиацией. В соответствии с общей обстановкой и решением командующего фронтом использование авиации в операции намечалось следующим образом. В подготовительный этап бомбардировочная авиация за день до начала на-

ступления бомбами крупного калибра должна была разрушить форты № 4, 5, 8, 10 и опорные пункты противника перед фронтом 43-й и 11-й гвардейской армий, а также нанести одновременный удар по аэродромам противника с целью уничтожения его самолетов и вывода из строя летных полей. Штурмовая авиация должна была частью сил нанести удар по аэродромам и произвести облет предстоящего района действий. Перед истребителями была поставлена задача обеспечить действия бомбардировщиков и совместно со штурмовиками произвести облет района (каждой дивизии определялся маршрут полета). В течение двух ночей подряд перед началом операции 18-я ВА должна была бомбардировать военные объекты города. Всего в подготовительный период в течение двух суток планировалось произвести 5 316 самолето-вылетов и сбросить 2 690 т бомб. Однако погодные условия 4 и 5 апреля позволили произвести лишь 766 самолето-вылетов (14%) [Там же, с. 10—11; Великая Отечественная война, 2013, с. 251, 254].

Далеки от реализации оказались и планы применения авиации в первый день операции — 6 апреля. Вместо двух массивных ударов бомбардировочной авиации (по 406 бомбардировщиков и 133 истребителя-бомбардировщика в каждом с интервалом в 4—5 часов) и массивного удара дальних бомбардировщиков (500 самолетов) общим количеством 4 124 самолето-вылета было произведено всего 1 052 самолето-вылета (26%), в том числе лишь 85 самолето-вылетов бомбардировщиков [Авиация в боях за крепость и город Кёнигсберг, 1946, с. 12—13, 39; Великая Отечественная война, 2013, с. 251].

Данные факторы предопределили изменение в порядке применения авиации на 2-й и 3-й день операции, когда, в том числе по метеоусловиям, наша авиация действовала с максимальным напряжением: 4 758 и 6 063 самолето-вылета 7 и 8 апреля соответственно (это 15 дней работы международного аэропорта Шереметьево, 21 тыс. бортов в месяц); боевое на-

пряжение бомбардировщиков — 1,2—1,4, истребителей — 2,5—2,8, штурмовиков — 2,4—2,9, ночных легких бомбардировщиков По-2 — 6,1—7,5 самолето-вылетов в день (ночь) [Авиация в боях за крепость и город Кёнигсберг, 1946, с. 39—40].

Так, 7 апреля по оборонительным сооружениям в Кёнигсберге в период с 10.00 до 13.30 были нанесены последовательно три сосредоточенных удара, в которых участвовали 102 самолета Ту-2 и 144 Пе-2, сбросивших 337 т бомб ФАБ-500 и ФАБ-250. Вслед за этими ударами в период 14.00—14.45 был нанесен массированный удар 18-й ВА в составе 516 бомбардировщиков, сбросивших 550,8 т бомб. В результате этих ударов (924 самолета) сопротивление противника резко снизилось, и войска фронта стали успешно продвигаться к центру города [Кошелев, 1955, с. 42].

Заслуживает внимания организация обеспечения действий тяжелых ночных бомбардировщиков, решение о применении которых в дневных условиях по городу-крепости А. А. Новиков принимал под свою ответственность. Да, И. В. Сталин неоднократно ставил вопрос о применении «ночников» по Кёнигсбергу днем, но А. Е. Голованов высказывал сомнения, аргументируя их уязвимостью тихоходных Ил-4 для истребительной авиации и зенитной артиллерии противника. Седьмого апреля командующий ВВС КА до Верховного Главнокомандующего не дозвонился, а начальник Генштаба, генерал армии А. И. Антонов дипломатично ответил: «Действуйте на свое усмотрение» [Новиков, 1970, с. 287—288; Новиков, 1968, с. 79]. Для обеспечения безопасности дальних бомбардировщиков за 20 минут до их удара по двум аэродромам противника был нанесен удар бомбардировочной и штурмовой авиацией. Непосредственное сопровождение бомбардировщиков 18-й ВА осуществляли 124 истребителя. Помимо этого, в период их действий еще 108 истребителей, барражируя на различных высотах вокруг города, имели задачу не допустить истребители противника в район цели. Такое обеспечение бое-

вых действий бомбардировочной авиации не позволило истребителям противника оказать сопротивление, и наши бомбардировщики не понесли потерь [Кошелев, 1955, с. 42].

Журнал боевых действий 1-й гвардейской Краснознаменной Орловско-Берлинской авиационной дивизии дальнего действия (на тот момент 11-й гвардейской бомбардировочной авиационной дивизии (гбад)) за 7 апреля подтверждает внеплановость ударов по Кёнигсбергу:

С 1.4.45 года по 7.4.45 года части дивизии боевой работы не вели. Боевая задача за это время частям дивизии не ставилась. <...> 05.20 шифротелеграммой получена задача — быть в готовности днем 7.4.45 года действовать по городу Кёнигсберг. <...> В 11.20 получено приказание Штаба А[виационного]К[орпуса] с задачей днем 7.4.45 года нанести удар по городу Кёнигсберг. Время удара 14.00—14.15. Точка прицеливания — точно центр города.

В соответствии с решением командира дивизии время взлета 16-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка (гбап) — 12.00—12.25 (полк базировался на Белосток; его боевую работу обеспечивал в том числе лейтенант В. В. Кикнадзе, старший техник авиаэскадрильи); 2-го гбап с аэродрома Курьяны — в период 12.25—12.45. В боевом распоряжении было требование предупредить экипажи о том, что *«нашим истребителям дан приказ — самолеты, сбрасывающие бомбы на свои войска, считать самолетами противника и сбивать их. Внимательно следить за наземной обстановкой. Работу экипажей будет наблюдать сам Командующий. При подходе к цели и в районе цели наши самолеты будут прикрывать истребители»*.

В ходе выполнения боевой задачи 38 экипажей в период 14.00—14.20 с высоты 2—3,3 тыс. м бомбардировали скопление войск и укрепления противника в городе Кёнигсберг. По цели сброшено 375 бомб общим весом 51,46 т. При подходе к цели экипажи наблюдали пожары в городе и артперестрелку наземных войск. Разрывы бомб, по докладам экипажей и кон-

тролеров, отмечены в центральной части города. Бомбардирование цели произведено весьма эффективно и массированно, создано большое количество пожаров, из них 4 большого размера. В центральной части города в 14.10 произошел взрыв большой силы. Над целью экипажи обстреляны огнем зенитной артиллерии среднего калибра (до 2 батарей), огонь был малоэффективный и концу бомбометания прекратился. Во время удара над целью патрулировали до 15 наших истребителей.

В выводах командования было отмечено следующее: *исключительная эффективность бомбардирования (после первых 10 минут удара весь центр города был объят пламенем пожаров)*; выполнение боевой задачи днем впервые после Сталинградской битвы; инженерно-авиационная служба с поставленной задачей обеспечения боевого вылета справилась хорошо. За отличные боевые действия частям дивизии объявлена личная благодарность командующим ВВС КА главным маршалом авиации А. А. Новиковым [ЦАМО, ф. 20053, оп. 1, д. 10, л. 37, 37об., 38]. При этом фундаментальный многотомный труд «Великая Отечественная война 1941—1945 годов» (в 12 т.) указывает, что 516 тяжелых бомбардировщиков 18-й ВА обрушили на крепость 3 742 крупнокалиберные бомбы *вечером* 7 апреля [Великая Отечественная война, 2013, с. 254]. Несколько другое количество дальних бомбардировщиков, вылетавших на Кёнигсберг 7 апреля, приводит А. Е. Голованов — 550 самолетов [Голованов, 2004, с. 544].

Помимо разрушения оборонительных сооружений Кёнигсберга, авиация уничтожила резервы противника, которые он пытался перебросить в город с Земландского полуострова, а также нанесла удары по железнодорожным узлам, транспортам и кораблям в Пиллау и открытом море.

Так, когда самолеты 11-й гбад только легли на обратный курс после удара по Кёнигсбергу, в 14.30 дивизии была поставлена новая задача: в ночь на 8 апреля бомбардировать железнодорожный узел Фишхаузен (Приморск); время удара —

22.10—22.25; минимальная высота удара — 800 м. При этом 16-й гбап группой обеспечения удара должен был вывести на цель все экипажи авиакорпуса (1-й гбак) и обеспечить прицельное бомбардирование всеми экипажами авиадивизии в течение всего времени удара. В период 21.10—21.25 7 апреля 39 экипажей сбросили 391 бомбу общим весом 52,7 т. Дешифрованием снимков установлено 46 воронок от разрывов авиабомб, два очага пожара, большой взрыв в море, один сгоревший ж/д состав [ЦАМО, ф. 20053, оп. 1, д. 10, л. 39, 39об., 40].

Не прошло и суток с первого удара по Кёнигсбергу, а 11-я гбад совершила уже третий авиаудар: в 14.00—14.15 8 апреля всеми подготовленными экипажами она уничтожила скопление войск и технику противника в населенном пункте Фирбрудер-круг (пос. Александра Космодемьянского, в настоящее время — в черте Калининграда), сбросив 486 бомб общим весом 69,55 т. Над целью экипажи были обстреляны слабым огнем малой зенитной артиллерии до 3—4 орудий. Противодействия истребительной авиации не было. В районе цели патрулировали наши истребители. Прицельное бомбардирование позволило нанести противнику значительный урон в живой силе и технике [Там же, л. 41, 41об., 42].

Второй ночной вылет в ходе Кёнигсбергской операции 11-я гбад совершила на порт и военно-морскую базу Пиллау (Балтийск) с задачей уничтожения транспортов и разрушения портовых сооружений. И вновь 16-й гбап обеспечивал выход на цель всех экипажей авиадивизии и прицельное бомбардирование в период всего времени удара. Результаты, как и в предыдущие три вылета, фиксировались группой контроля до начала и в конце удара с 21.30 до 21.46. Бомбили Пиллау 38 экипажей, сбросив 359 бомб общим весом 57,6 т, что создало 8 очагов пожара и вызвало взрыв склада с боеприпасами. Боевая задача была выполнена успешно [Там же, л. 44, 44об., 45].

Всего за операцию (за 4 дня) советские Военно-воздушные силы произвели 14 087 самолето-вылетов, сбросив при этом 4 441 т бомб, из них свыше 2 тыс. т — по городу-крепости Кё-

нигсбергу, где были сосредоточены основные силы немцев [Авиация в боях за крепость и город Кёнигсберг, 1946, с. 38, 43]. При этом 73% самолето-вылетов было нацелено на бомбардировку и штурмовку войск противника. В результате боевых действий авиации оказались уничтожены и повреждены: 53 танка и САУ, до 900 машин, свыше 100 орудий и минометов; взорваны 41 склад с боеприпасами и 7 — с горючим; подавлен огонь и частично уничтожено до 220 артиллерийско-минометных батарей. На аэродромах противника было уничтожено около 70 самолетов, в воздушных боях сбито еще 65. В порту Пиллау и заливе Фриш-Гаф потоплено 15 барж, 6 катеров и взорвано одно транспортное судно. За всю операцию наша авиация потеряла 42 самолета (1,7%, или 333 боевых вылета на одну потерю) [Там же, с. 40—41].

Громадную роль советской авиации в проведенной операции подтвердили после ее проведения немецкие военачальники.

Комендант Кёнигсберга генерал пехоты О. Ляш: «Ваше господство в воздухе несомненно. *Во взятии Кёнигсберга авиация сыграла исключительно большую роль, — солдаты были измучены, прижаты к земле, загнаны в блиндажи*» [Там же, с. 5].

Авиационный представитель в крепости Кёнигсберг подполковник Вильгельм Кранц: *«Действия русской авиации были уничтожающими, легко построенные дома разлетались в куски. Авиация была одной из причин заявления генерала Ляша о том, что дальше сопротивляться бессмысленно»* [Там же].

Командир дивизии особого назначения генерал-лейтенант Микош: «Потери наши определить очень трудно. Связи ни с кем не было. Улицы были завалены, многие погибли в подвалах от пожаров, возникших при бомбардировках. *Самые большие налеты мне пришлось перенести в южной части города*» [Там же, с. 41].

Генерал-лейтенант Ханис: *«Взаимодействие русской авиации с пехотой было правильным, авиация вовремя переносила удары в тыл с расчетом не попасть по своим войскам. Роль*

авиации, заключавшаяся в разрушении зданий, складов и других объектов, выполнена полностью. У моего соседа слева при налете авиации был уничтожен целый батальон. *На свою авиацию мы не рассчитывали*» [Там же, с. 41].

Начальник инженерно-строительного отдела гарнизона Кёнигсберг майор Георг Смилькус: «Мне пришлось самому пережить эти ужасные налеты русской авиации. *Ее превосходство в воздухе не подлежит никакому сравнению*. Пригород Метгетен при налете был разбит полностью. Там погибло немало наших солдат, укрывавшихся в подвалах. Большую часть разрушений в Кёнигсберге авиация может смело отнести на свой счет» [Там же].

Начальник медицинской службы 367-го артиллерийского полка капитан медицинской службы Георг Видерхолд: «*Русская авиация своими непрерывными действиями в последние два дня, 8 и 9 апреля, измотала силы оборонявшихся частей; они не знали покоя ни днем, ни ночью. За последние дни наш полк от действий русской авиации потерял до 40% личного состава*» [Там же, с. 42].

Командир транспортной колонны комендатуры аэродрома Летцен капитан Генрих Шиманек: «Мне не раз приходилось бывать под ударами советской авиации. *В Кёнигсберге были самые сильные налеты из всех, какие мне пришлось перенести*. Большая часть домов разрушена и сожжена русской авиацией» [Там же].

В заключение отметим, что *Кёнигсбергская операция в отношении использования авиации стала генеральной репетицией к штурму столицы Германии — Берлина*. В ней были проверены такие решающие вопросы, как организация взаимодействия авиации нескольких соседних фронтов и управление большими массами самолетов в условиях боя в крупном городе. Это было возможно благодаря централизованному управлению, сосредоточенному в руках командующего ВВС Красной армии, применению в операции большого количества радиосредств, которые позволяли в любое время

суток управлять всеми видами авиации, независимо от ее удаления от района действий. Помимо этого, в ходе Кёнигсбергской операции было выявлено, что *систематические дневные массированные налеты бомбардировочной авиации*, применяющей бомбы крупных калибров, приводят к сильнейшим разрушениям оборонительных сооружений противника в городе, *почти полностью нарушают управление войсками*, наносят врагу огромные потери. Этими действиями авиации вносится коренное изменение в ход боев за города.

Характерно для Кёнигсбергской операции и то, что в ней впервые за время войны ночные *тяжелые бомбардировщики применялись большими массами в дневных условиях*; несмотря на значительное противодействие зенитных средств противника с земли, никаких потерь они при этом не имели. Подобные действия были возможны благодаря тщательной организации их боевого обеспечения путем непосредственного сопровождения истребителями и заблаговременного вытеснения вражеских самолетов из района действий, а также подавления зенитных точек и авиации противника на аэродромах за несколько минут до удара бомбардировщиков. Следует также заметить, что, несмотря на ограниченную по своим размерам цель, по которой действовали тяжелые бомбардировщики, ни одна бомба не упала в расположение наших войск, тесным кольцом окружавших гарнизон противника.

На наш взгляд, Кёнигсбергская операция в части организации и результатов применения авиации превзошла даже Берлинскую. И связано это не только со сроками на подготовку и проведение последней, но и с решениями, которые принимал руководивший операцией Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. В Дальневосточной кампании 1945 г. Маршал Советского Союза А. М. Василевский активно и результативно использовал полученный им лично опыт применения авиации в ходе Кёнигсбергской операции, в том числе привлекая дальнюю бомбардировочную авиацию в Маньчжурской стратегической наступательной операции.

Опыт применения больших масс авиации в Кёнигсбергской операции очень интересен и поучителен. Даже в конце XX — начале XXI в. ни в одном военном конфликте не были достигнуты ее показатели по количеству произведенных в сутки самолето-вылетов. Очень важен и поучителен также опыт организации совместных действий авиации шести различных объединений: трех ВА (1-й, 3-й и 18-й) в полном составе; авиакорпусов, выделенных еще из двух ВА (4-й и 15-й), а также ВВС КБФ. По нашему мнению, этот опыт в современных условиях незаслуженно забыт, а он достоин детального изучения и использования в боевой подготовке авиации ВКС России.

Тактический морской десант в боях за косу Фрише-Нерунг в апреле 1945 года

Более 75 лет назад завершились боевые действия в Восточной Пруссии, часть которой по итогам Великой Отечественной войны отошла Советскому Союзу. Сегодня на территории Калининградской области располагается штаб Дважды Краснознаменного Балтийского флота, внесшего значительный вклад в завершение самой кровопролитной из войн. Так, Балтийский флот высадил 24 морских десанта различного назначения, 2 из которых были спланированы и проведены на завершающем этапе войны, когда Красная армия приобрела значительный боевой опыт [Жуматий, 2011, с. 230—234].

Морские десанты как один из видов тактических действий обладают своими специфическими особенностями. До сих пор высадка морского десанта в военной науке считается одной из самых сложных для выполнения задач. Выявить и обобщить такие особенности возможно при тщательном и подробном изучении опыта подобных действий в военные годы.

Тактический десант предназначен для нанесения удара в тактической глубине обороны противника, захвата небольших

островов и участков побережья, пунктов базирования сил флота, аэродромов, портов и других прибрежных объектов противника. Тактические десантные действия динамичны по своему характеру и весьма ощутимо воздействуют на противника, поскольку они наносят урон на тех участках расположения вражеских сил, которые, как правило, недоступны для войск с фронта.

Обстановка на приморских флангах сухопутного фронта в годы Великой Отечественной войны зачастую была напряженной, временами даже угрожающей. В такой обстановке фактор времени и предельно быстрое реагирование на действия противника приобретали особое значение. Вследствие этого у советского командования неоднократно возникала идея высадки десантов на флангах и в ближнем тылу врага в качестве ответных мер.

Первым успешным тактическим морским десантом, проведенным во взаимодействии с сухопутными войсками в Великой Отечественной войне, стал десант в районе Григорьевки (21—23 сентября 1941 г.). Все последующие десанты использовали опыт черноморцев при планировании подобных боевых действий. Например, высадка тактического морского десанта на Бьёркский архипелаг (20—23 июня 1944 г.) стала одной из первых успешных десантных операций Балтийского флота. Победа была достигнута хорошим взаимодействием морских десантников, кораблей и авиации.

Одним из показательных примеров использования тактического морского десанта в ходе разгрома противника в Восточно-Прусской операции является десант на косу Фрише-Нерунг (ныне Балтийская коса в Калининградской области). Решение о десантных действиях было принято в заключительной стадии ликвидации Земландской группировки противника [Ачкасов, Вайнер, 1957, с. 385—391]. После выхода наступающих частей армии на побережье залива им предстояло выполнить сложнейшую задачу — в кратчайший срок форсировать морской пролив, защищенный с северного берега косы

Фрише-Нерунг крепостными сооружениями, при отсутствии достаточных транспортных средств для проведения этого формирования.

Эти действия планировались после взятия города-крепости Кёнигсберг войсками 3-го Белорусского фронта, когда немецкие войска попытались закрепиться на своей морской базе Пиллау. За ней далеко на запад к Польше уходила коса Фрише-Нерунг, ставшая для противника единственным сухопутным путем отхода. С косы было удобно проводить морскую эвакуацию войск прямо на территорию Германии [Трибуц, 1970]. Кроме того, отступая на юго-запад, вся масса германских войск, задержавшихся на косе, создавала угрозу флангового удара на Берлинском направлении наступления Красной армии. Чтобы не допустить этого, советское командование решило в 10 км южнее пролива высадить с моря и со стороны залива тактические десанты, чтобы разрезать вражескую группировку надвое. А затем, ликвидировав «котел» на северной части косы, продолжить наступать уже в южном направлении.

Для осознания всей сложности предстоящих боевых действий необходимо понимать, что отступавшие остатки немецких войск превратили Фрише-Нерунг — узкую полосу земли, с крутыми спусками и подъемами, покрытую кустарником и лесом, — в один сплошной укрепрайон. Никогда на косе Фрише-Нерунг не было такого количества людей, военной техники и грузов, как в апрельские дни 1945 г. К этому моменту там оказались сосредоточены:

— части 2-й немецкой армии (отошли на косу после взятия Данцига);

— остатки 4-й немецкой армии, разгромленной в Хайлигенбайльском котле;

— 14-я пехотная дивизия (сформированная заново в апреле 1945 г. на косе из 14-й и 56-й пехотных дивизий; после взятия Пиллау к дивизии были присоединены 21-я пехотная и 5-я танковая армии);

— 28-я егерская дивизия (сформированная заново в апреле 1945 г. на косе из 28-й легкопехотной и 61-й пехотной дивизий; после присоединены 50-я, 83-я пехотные и 551-я пехотная дивизия народного ополчения);

— 21-я Восточно-Прусская пехотная дивизия;

— остатки танково-пехотной дивизии «Великая Германия», отдельные части и батальоны различного назначения [Васильев, Кретинин, 2012].

Общая численность немецких войск составляла около 35 тыс. человек при поддержке 70 танков и штурмовых орудий, более 30 батарей полевой и береговой артиллерии, 12 батарей зенитной артиллерии.

Опасаясь высадки на косу десанта с моря, а особенно со стороны залива Фриш-Гаф, немецкое командование на побережье косы в наиболее вероятных районах высадки десантов создало сильные опорные пункты с большим количеством артиллерийских орудий прямой наводки, со спаренными зенитными пулеметами и прожекторными установками.

Поперек косы было также оборудовано 6 оборонительных рубежей. Подступы к ним прикрывались минными заграждениями, лесными завалами и противотанковыми рвами глубиной до 3 м, ширина рва сверху составляла 5—6 м, по низу — 2—2,5 м [ФКОИХМ, Итоговая разведывательная сводка № 9 за третью декаду апреля 1945 г., с. 3—5].

Глубоко эшелонированная оборона полевого типа состояла из:

— траншей с оборудованными огневыми точками и ходами сообщения, протянувшимися вдоль косы недалеко от уреза воды как со стороны залива, так и со стороны моря;

— оборудованных блиндажей;

— проволочных заграждений;

— артиллерийских и минометных батарей [Дорофеев, 1962].

В ходе обороны косы Фрише-Нерунг в ночное время с 21.30 до 05.00 немецким командованием были предусмотрены парные посты с пулеметами и подвижные посты на лодке, которые курсировали в 100—150 м от берега. Дополнительно

для патрулирования вдоль побережья выделялись 2 катера из состава пиллауской флотилии. Для всех плавсредств в заливе устанавливался единый опознавательный огонь (зеленый или красный). Посты, стоявшие вдоль берега, имели право стрелять без предупреждения, если лодки и катера зажигали не установленный на этот период огонь.

На северной оконечности косы для длительной обороны были оборудованы Западный форт, построенный в 1869—1871 гг., и 3 люнета. Со стороны моря находились 3 батареи, которые добавились к уже существовавшей. Эти укрепления располагали большим количеством подземных бункеров, с толщиной стен от 0,4 до 0,7 м. Все орудия и бункера были соединены между собой ходами сообщения [Шмутинский, 2019б, с. 25—36].

Немецкое командование организовало на косе глубоко эшелонированную и хорошо оборудованную оборонительную систему, которая являлась частью оборонительной системы военно-морской базы Пиллау.

Несмотря на внушительные возможности противника по противодействию десантам наступающей Красной армии, советским военным руководством были поставлены задачи по форсированию пролива [ФКОИХМ, План форсирования пролива Зеетиф, с. 313] и уничтожению остатков войск противника силами 11-й гвардейской армии при поддержке сил Юго-Западного морского оборонительного района (ЮЗМОП).

Двадцать пятого апреля 1945 г. войска 11-й гвардейской армии взяли Пиллау, форсировали пролив Зеетиф и начали развивать наступление вглубь косы Фрише-Нерунг [Там же, Журнал учета боевых действий третьей декады апреля 1945 г., с. 313—318]. Для того чтобы отрезать противнику путь отхода, было решено высадить на косу тактический морской десант в количестве 600 человек [Якимов, 2019, с. 332]. Распоряжением командующего фронтом были организованы два десантных отряда (западный и восточный).

Западный отряд сформировали за счет строевых подразделений 83-й гвардейской стрелковой дивизии и саперной роты 11-й штурмовой инженерно-саперной бригады общим составом 535 человек. Командование западным отрядом было возложено на заместителя командира 83-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии полковника Белого, а командование десантными средствами и средствами корабельной поддержки — на начальника штаба 1-й бригады торпедных катеров капитана 3-го ранга Тимченко. Командование десантной операцией отряда осуществлялось командующим ЮЗМОР — вице-адмиралом Н. И. Виноградовым [Морской атлас, 1966, с. 539]. Задача западного отряда: после овладения Пиллау высадиться на косу Фрише-Нерунг в районе г. Шведенбург с целью недопущения отхода противника на юго-запад [ФКОИХМ, Данные о составе и численности морских десантов, с. 325—326].

Восточный отряд был сформирован за счет одного полка 260-й бригады морской пехоты, усиленного ротой 82-мм минометов, 13-го стрелкового корпуса 43-й армии, сводного полка (четыре стрелковых батальона 13-го стрелкового корпуса 43-й армии) и саперной роты 43-й армии. Командовать отрядом был назначен командир 260-й бригады морской пехоты — генерал-майор береговой службы А. В. Кузьмичев. Командование десантными средствами и средствами корабельной поддержки возлагалось на командира дивизиона бронекатеров — капитана 2-го ранга М. Ф. Крохина. Командование десантной операцией отряда осуществлялось командиром Пиллауской военно-морской базы — контр-адмиралом Н. Э. Фельдманом.

Задача восточного отряда: после успешного наступления соединений 11-й гвардейской армии с севера и овладения Пиллау высадиться на косу Фрише-Нерунг в районе мыса Дембергхакен и не допустить отхода противника на юго-запад, а также подхода его резервов по косе с юга [Там же, с. 326—327].

Десантные средства, определенные для выполнения названных выше задач, представлены в таблице 11.

Таблица 11

Десантные средства, спланированные для обеспечения высадки морского десанта на косу Фрише-Нерунг

Отряд морского десанта	Десантные средства				Средства корабельной поддержки	
	Торпедные катера	Катерные тральщики	Бронекатера	Другие средства	Морские бронекатера	Торпедные катера типа «Д-3»
Западный	8 (типа «Г-5»)	7 (типа «Рыбинец») 8 (типа «КМ»)	—	—	3	8
Восточный	—	—	12	2 катера, буксир, 13 ботов, баржа, 12 амфибий	—	—

Источник: *ФКОИХМ*. Планы проведения высадки морского десанта на косу Фрише-Нерунг. С. 302, 318.

Двадцать пятого апреля 1945 г. в 02.00 западный отряд получил приказ на высадку десанта на косу Фрише-Нерунг. В 23.15 отряд отошел от причала и взял курс на юго-запад, а затем на юг, к северо-восточной оконечности косы Фрише-Нерунг [Мыларщиков, 2018б, с. 24].

При подходе к косе Фрише-Нерунг, с поворотом на боевой курс, отряд был встречен шестью быстроходными десантными баржами противника. С барж по десанту открыли артиллерий-

ский и пулеметный огонь, которым был подожжен один катерный тральщик типа «КМ». Находившаяся на катере команда и группа десантников в 27 человек погибли.

Прикрывающие десант торпедные катера открыли ответный огонь по противнику и подожгли одну быстроходную десантную баржу противника, после чего он начал отходить параллельно и южнее курса движения советских катеров.

Подойдя к берегу в районе Вальдхалле, противник снова открыл пулеметный огонь с барж и огонь зенитными установками из района Вальдхалле. В ходе этого обстрела был подбит еще один катерный тральщик типа «КМ» с командой и 25 десантниками.

Несмотря на сильный заградительный огонь противника, отряд быстро высадился на берег в районе между Вальдхалле и высотой 11.7 (северной), с ходу занял немецкую траншею, проходившую вдоль берега. Противник, оборонявший траншею, поздно обнаружил стремительное наступление десантников на широком фронте и был ошеломлен внезапностью. Предварительно оказав сопротивление, немецкие подразделения сдались в плен.

Однако к раннему утру (около 6.00) 26 апреля 1945 г. на данном участке косы сложилась обстановка, которая могла характеризоваться как ведение боя в окружении. Такая ситуация сложилась в связи со встречей с силами противника (колонна пехоты численностью до полка), отходившими из северной части косы Фрише-Нерунг. Завязался ожесточенный бой на всю ширину косы. С юга западный отряд был также атакован немецкими подразделениями, подошедшими из района Вальдхалле. Противник численно в несколько раз превосходил состав десантного отряда и прилагал все усилия, чтобы уничтожить его и проложить себе путь в юго-западном направлении. Немецкие части непрерывно атаковали подразделения отряда, но все попытки разбивались о стойкое сопротивление десантников. Несмотря на большое численное превосходство, противник не добился успеха, так как его действия в целом были неорганизованными.

В полдень сопротивление противника заметно ослабло, и вскоре к боевым порядкам батальонов подошли наступавшие с севера части 5-й и 31-й гвардейских стрелковых дивизий. В дальнейшем совместными усилиями этих двух дивизий и десантного отряда скопившиеся многочисленные подразделения немцев были уничтожены или взяты в плен.

Действия восточного отряда оказались менее успешными. Отряд был переброшен на косу в несколько рейсов. Ночью вышел первый эшелон, состоящий из двух колонн. В условиях ночного тумана при повороте отряда на боевой курс и перестроении правая колонна сбилась с курса, сильно уклонилась вправо и потеряла из виду левую колонну. В результате этой ошибки десант правой колонны был высажен в район поселка Камстигал в тылу своих войск, но, поняв свою ошибку, командир колонны принял решение вернуться на обратный курс и идти в запланированный район высадки. Лишь с рассветом десантники сумели высадиться в районе мыса Каддигхакен.

Форсирование проходило в сложных условиях. Сильные ветры поднимали в проливе волну, из-за чего плавсредства с бойцами не могли подойти вплотную к берегу. Мелкий дождь и низкая облачность не позволяли авиации оказывать помощь пехотинцам.

В ожидании подхода второго эшелона высадившиеся подразделения не предпринимали активных действий для соединения с западным отрядом и вели оборонительный бой. Несмотря на такое положение дел, восточный отряд выполнил свою функцию — сковать действия противника в районе юго-восточнее Вальдхалле — и не дал ему возможности нанести удар по подразделениям западного отряда всеми имеющимися силами.

Утром 26 апреля 1945 г. высадился второй эшелон десантников во главе с командиром восточного отряда И. Н. Кузьмичёвым. Бронекатера после высадки остались в месте боя и оказывали огневое содействие десанту.

В полдень того же дня прибыл третий эшелон, но из-за плохого взаимодействия высадка началась в 1 км севернее плацдарма. Осознав свою ошибку, командир отряда прекратил высадку, но около 100 человек оказались на берегу, заняв круговую оборону, и после короткого боя соединились с наступавшими частями наших войск.

Таким образом, анализируя весь ход боевых действий по овладению косой Фрише-Нерунг, можно с уверенностью констатировать, что форсирование пролива частями 5-й гвардейской стрелковой дивизии оказалось для противника совершенно внезапным, а все его приготовления к обороне северного побережья косы Фрише-Нерунг не принесли успеха.

За полчаса до высадки морского десанта по косе был нанесен мощный артиллерийский и авиационный удар. Затем к берегу направились торпедные катера с подразделениями первого броска. Меньше чем за час произвели высадку всех 600 десантников, которые смогли занять плацдарм около 1 км по фронту.

Западный десант, высадившись и захватив плацдарм, смог развить наступление на восток, ведя бой в окружении.

Одновременная высадка с двух противоположных направлений обеспечила быстроту развертывания наших сил, привела к распылению сил обороны противника и способствовала максимально быстрому решению задачи по окружению немецко-фашистских войск в северной части косы Фрише-Нерунг.

Оба десанта организовали оборону с юга на линии мыса Каддигхакен.

К полудню 26 апреля обе группы десанта соединились, перерезали косу и преградили путь отступавшим из Пиллау немецким частям. К этому же времени с севера по косе к десантникам подошли передовые части 11-й гвардейской армии. После короткого ожесточенного боя вся северная часть косы была освобождена нашими войсками. В этом бою противник потерял на косе около 1 700 человек, десантники взяли в плен 5 800 солдат и офицеров.

Задача десантов, заключающаяся в отвлечении на себя сил противника, организации обороны с юго-запада, перекрытии путей отхода, наступлении на северную оконечность косы с целью содействия 11-й гвардейской армии в форсировании пролива Зеетиф, была выполнена. Вместе с тем боевые действия по освобождению косы продолжались вплоть до 8 мая [Великая Отечественная война, 2013, с. 260]. Разгром противника на Земландском полуострове (включая Пилаусский полуостров и косу) стал заключительным событием всей Восточно-Прусской операции.

Тактические морские десанты, осуществлявшиеся на протяжении всей Великой Отечественной войны, сыграли значительную роль в сковывании резервов противника, уничтожении его живой силы и боевой техники, а захваченные плацдармы были использованы для развертывания ударных группировок фронтов и армий, проводивших наступательные операции на приморском направлении.

Глава 2

ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПРИ ВЗЯТИИ КЁНИГСБЕРГА

Большие пушки против большого форта: роль артиллерии особой мощности во взятии кёнигсбергского форта № 8 «Фридрих I»

Вторая мировая война стала последним ярким эпизодом в истории применения мощных фортификационных сооружений Европы. Строившиеся десятилетиями могучие крепости с их фортами, редутами, капонирами и подземельями все еще оставались для наступавших «крепкими орешками». Как и прежде, главным козырем в руках штурмующей стороны была тяжелая артиллерия.

В этой связи представляют большой интерес архивные материалы, касающиеся эффективности использования артиллерии большой и особой мощности РВГК Красной армии против отдельных фортификационных сооружений крепости Кёнигсберг в апреле 1945 г. Напомним, что эта крепость являлась самой мощной в Германии. Она была построена на обоих берегах реки Прегель в 8 км от впадения ее в залив Фриш-Гаф.

В борьбе за крепость Кёнигсберг наиболее важную роль до самого конца играли, разумеется, форты. Они были включены в качестве опорных пунктов в комплекс переднего края обороны города. Полевая артиллерия была не в состоянии пробить толстые стены фортов. Специально для их штурма под Кёнигсберг были направлены восемь отдельных дивизионов артиллерии особой мощности, на вооружении которых стояли орудия калибром 203, 280 и 305 мм.

Рассмотрим на отдельном примере эффективность огня тяжелой советской артиллерии против южного кёнигсбергского форта № 8 «Фридрих I». Об устройстве данного сооружения следует сказать несколько слов. Его строительство закончилось в 1894 г. Форт был возведен в основном из кирпича и представлял собой вытянутый по фронту пятиугольник размером 205 на 135 м. В своем составе он имел ряд сооружений. Периметр форта был опоясан валом и рвом, имевшим ширину по дну 10 м и глубину 7 м. При этом отвесные напольные стены рва были облицованы камнем, а дно в любом месте простреливалось пулеметным огнем из капониров и полукапониоров форта. Напольный капонир состоял, в свою очередь, из двух боевых казематов, у каждого из которых были амбразуры для ведения пулеметного огня. По бокам форта располагались полукапониры, также имевшие возможность вести пулеметный огонь из своих амбразур. Форт имел два внутренних дворика, где при необходимости могли укрыться от навесного огня артиллерийские и минометные расчеты гарнизона, так как артиллерия и минометы форта располагались на открытых позициях. Вход в форт защищался пулеметным ДОТом, имевшим две амбразуры для ведения огня. Кроме того, форт располагал двумя броневыми наблюдательными пунктами, которые должны были корректировать огонь гарнизона. Главное сооружение форта состояло из двух этажей и включало в себя казарменные и хозяйственные помещения. Подступы к форту прикрывались плотным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем, а также противотанковыми и противопехотными препятствиями.

Несмотря на то обстоятельство, что форт был построен 50 лет назад, он оказался, без сомнения, «крепким орешком» для бойцов Красной армии.

О важности в обороне Кёнигсберга форта № 8 свидетельствуют следующие слова коменданта крепости генерала О. Ляша, опубликованные в его книге «Так пал Кёнигсберг»:

Форт № 8 «Король Фридрих I», расположенный под Кальгеном, являлся опорой южного фронта. Еще в конце января он ока-

зался в центре боев, разгоревшихся в тех местах. Этот форт, как и промежуточные укрепления Хаффштром и Годринен, держался вплоть до начала штурма... [Ляш, 1991, с. 15].

Поэтому не случайно, что перед началом штурма этого форта 11-я гвардейская армия получила на усиление ряд артиллерийских частей РВГК, включая 329-й отдельный артиллерийский дивизион особой мощности. Организационно этот дивизион состоял из трех батарей, каждая из которых имела в своем составе два 305-мм орудия образца 1915 г.

По состоянию на апрель 1945 г. это были самые мощные орудийные системы, состоявшие на вооружении артиллерийских частей Резерва Верховного Главнокомандования Красной армии. Гаубицы калибром 305 мм образца 1915 г. Обуховского завода представляли собой полустационарные установки. Вес гаубицы в боевом положении составлял 65 т, поэтому ее перевозили исключительно по железной дороге в разобранном виде. Затем ее доставляли до заранее вырытого котлована, собирали и устанавливали. В результате время установки орудия на позиции занимало от полутора до двух суток (без учета времени для отрыва котлована). Таким образом, процесс оборудования огневой позиции 305-мм орудия был трудоемким и затратным по времени. Боеприпасы к 305-мм орудиям доставлялись с помощью вагонеток, которые солдаты вручную (!) тянули к позиции. Вес одного снаряда 305-мм орудия составлял 441 кг.

О сложностях подготовки 305-мм орудий к артподготовке под Кёнигсбергом писал в своих воспоминаниях Н. М. Хлебников:

Не меньшие трудности вставали и перед артиллерией особой мощности (305-мм), для которой требовалось также попадание снарядов под углом, близким к 90 градусам.

Под Кёнигсбергом мы были вынуждены придвинуть эту артиллерию близко к переднему краю. Огневые позиции оборудовались часто на открытой местности по ночам. Орудия ставились в очень глубокие окопы, тщательно маскировались, чтобы противник не обнаружил их заранее. Это была чрезвычайно трудно-

емкая работа, но артиллеристы, помня старую поговорку о том, что «пот артиллериста сберегает кровь пехоты», справились со всеми задачами и своевременно вывели свои грозные орудия на огневые позиции. К позициям тяжелой артиллерии были проложены тщательно замаскированные узкоколейные железнодорожные пути. По ним подвозились снаряды, заряды, различные принадлежности и механизмы. Все это — громоздкое, тяжеловесное. Один снаряд для 305-мм орудия весит более 400 килограммов, в ствол он загоняется особым механизмом. Солдаты, обслуживающие такие орудия, подбирались рослые, сильные — настоящие богатыри [Хлебников, 1974, с. 354—355].

Представляемый читателю данный архивный материал содержит отчет о боевой деятельности под Кёнигсбергом 329-го отдельного артиллерийского дивизиона особой мощности с 3 по 8 апреля 1945 г. Именно в этот период советская тяжелая артиллерия сыграла основную роль в разрушении немецких фортов и других оборонительных сооружений крепости, а также в успешном штурме 6—8 апреля 1945 г. советскими войсками Кёнигсберга. Напомним, что в соответствии с планом за 4 дня до начала общего штурма города артиллерия 3-го Белорусского фронта 2 апреля начала огневое вскрытие долговременных сооружений противника. За огневым вскрытием последовал трехдневный период разрушения, в ходе которого основными целями советской артиллерии стали форты, железобетонные огневые объекты и бетонированные убежища. Шестого апреля после мощнейшей артподготовки советские войска пошли на штурм Кёнигсберга, который успешно завершился взятием города 9 апреля 1945 г.

Несмотря на то что отчет является официальным документом, он был написан отнюдь не сухим языком, что позволяет понять моральный настрой советских солдат и офицеров непосредственно перед началом штурма крепости Кёнигсберг. Примером тому служит описание города, датированное в отчете 2 апреля 1945 г.:

Пропитанный ядом, начиненный порохом и железом, город-крепость Кёнигсберг — очаг прусского милитаризма. Город прус-

ских разбойников, змеиное гнездо фашизма. Отсюда во все страны мира шли за легкой победой выкормленные и вымуштрованные солдаты. Они шли, заливая в крови народы, убивали мирных людей, жгли советские города. А теперь, укрывшись в своем логове железом и бетоном, системой долговременных и фортификационных сооружений, они думают спастись от суровых возмездий.

Будет взят Кёнигсберг — будет с мясом вырвано жало ядовитой прусской гадюки!! Здесь, в его железобетонных громадах будет навеки разбито и обезврежено пруссачество — угроза всему миру... Свершится суд. Оскаленный Кёнигсберг падет... [ЦАМО, ф. 329 оад, оп. 178755, д. 6, л. 48].

Как видим, описание крепости носит эмоциональный характер и не лишено литературного таланта.

Помимо литературных отступлений, вышеуказанный отчет 329-го отдельного артиллерийского дивизиона особой мощности содержит большое количество конкретных деталей. Прежде всего, к ним относится расход боеприпасов отдельно по каждой батарее дивизиона применительно к определенной цели. Например, дивизионом было выпущено 400 снарядов по форту № 8. В итоге отмечено 331 прямое попадание в форт, что говорит о высокой степени подготовленности советских артиллеристов; 28 снарядов попали в казематы и боевые сооружения, остальные попадания распределились по боевым покрытиям и внутренним дворикам форта. В результате попадания снаряда 305-мм орудия глубина воронки в земле и бетоне достигала 2,9 м, а глубина воронки в гранитном щебне, залитом цементом, — 1,5 м. Несмотря на это, форт имел только пять сквозных пробоин, причем полностью разрушен оказался лишь правый капонир [Там же, л. 50—51]. Это свидетельствовало об особой прочности данных сооружений. Однако даже сверхпрочные стены форта не смогли уберечь его гарнизон от губительного артиллерийского огня. По воспоминаниям очевидцев, после обстрела форта 305-мм орудиями в его двориках и внутренних помещениях осталось множество трупов немецких солдат и офицеров.

Кроме информации об эффективности применения 305-мм орудий против форта № 8 в отчете дивизиона также содержатся сведения о количестве выпущенных снарядов и результатах стрельбы по 11 другим объектам крепости Кёнигсберг.

В итоге материалы отчета итогов стрельбы под Кёнигсбергом 329-го отдельного артиллерийского дивизиона особой мощности позволяют сделать вывод о хорошей подготовленности личного состава артиллерии РВГК и высокой эффективности применения тяжелых орудий против хорошо укрепленных долговременных сооружений противника. Опыт боев под Кёнигсбергом показал, что даже очень мощные крепости во Второй мировой войне оказались неспособны выдержать удар «бога войны» — артиллерии.

Советская артиллерия при штурме Кёнигсберга

В результате операций, проведенных Красной армией летом и осенью 1944 г., советские войска на широком фронте вышли к границам Восточной Пруссии, вторглись на ее территорию и захватили плацдармы на западном берегу рек Нарев и Западный Буг, чем создали условия для разгрома врага на этом участке советско-германского фронта.

В целях недопущения дальнейшего продвижения советских войск и удержания в своих руках Восточной Пруссии гитлеровское командование создало мощную и глубоко эшелонированную оборону, состоявшую из системы укрепленных районов и оборонительных рубежей. В Восточной Пруссии была сосредоточена крупная группировка войск — группа армий «Центр» — в составе 47 дивизий, около 10 тыс. орудий и минометов, 700 танков и самоходно-артиллерийских орудий и 1370 самолетов [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 32—33].

Придавая обороне Восточной Пруссии большое значение, немецко-фашистское командование к началу 1945 г. модерни-

зировало на ее территории укрепленные районы, усилило их полевыми сооружениями и противотанковыми заграждениями. В полосе обороны насчитывалось 15 фортов, 91 ДОТ и ДЗОТ, 76 артиллерийских и минометных батарей, 106 наблюдательных пунктов, 65 противотанковых орудий и позиций, 114 станковых пулеметов [История Великой Отечественной войны, 1964, с. 163—180].

Ставка Верховного Главнокомандования задачу разгрома противника в Восточной Пруссии возложила на войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов, которые должны были нанести согласованные удары по флангам группы армий «Центр» на Кёнигсберг и Мариенбург с целью отсечения восточнопрусской группировки от центральных районов Германии, окружения, разделения ее на части и последующего полного разгрома.

Подготовка к штурму Кёнигсберга началась в первой половине марта 1945 г. По плану фронта была произведена крупная перегруппировка артиллерии, в которой участвовала артиллерия пяти общевойсковых армий и большое количество соединений и частей РВГК (три адп, одна зенад, одна гв. минд, восемь абр и восемь ап). Перемещения артиллерии производились на расстояние от 60 до 200 км со среднесуточным темпом 35–50 км в сутки.

В конце марта из резерва Ставки прибыли 328-й, 329-й и 330-й отдельные артиллерийские дивизионы особой мощности РВГК (оадн ОМ РВГК), имевшие на вооружении по шесть 305-мм гаубиц, 316 и 226 оадн ОМ РВГК, имевшие на вооружении 280-мм мортиры БР-5, 75 и 105 оадн ОМ РВГК, оснащенные трофейными 211-мм мортирами образца 1918 г. [Боевой состав Советской Армии, 1990, с. 79—82]. Кроме того, из состава КБФ прибыла 1-я гвардейская морская железнодорожная артиллерийская бригада. В ней были одна батарея 180-мм пушек, имевших дальность стрельбы 34 км, и четыре батареи 130-мм пушек с дальностью стрельбы 24 км — всего четыре 180-мм и одиннадцать 130-мм пушек [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 81].

В итоге к началу операции 3-й Белорусский фронт имел в своем составе 7 242 орудия и миномета калибра от 76 мм и выше, 860 зенитных орудий калибра 37 и 85 мм, 388 рам и 322 боевые машины реактивной артиллерии.

Для разведки обороны противника применялись все специальные артиллерийско-разведывательные средства: три отдельных корректировочных авиационных полка; три отдельных разведывательных артиллерийских дивизиона, два воздухоплавательных дивизиона артиллерийского наблюдения. Кроме того, была развернута вся войсковая артиллерийская разведка уже прибывших соединений.

Авиация произвела полную аэрофотосъемку всей системы обороны и взяла под наблюдение наиболее важные объекты и цели.

В особых случаях для уточнения системы обороны противника производилась разведка боем.

В результате тщательного изучения разведывательных сведений удалось установить уязвимые места в системе обороны фортов и долговременных сооружений противника.

В соответствии с планом наступления около 72% полевой артиллерии (из них 47% составляли тяжелые орудия, орудия большой и особой мощности) и почти вся реактивная артиллерия сосредотачивались в полосе действий ударных группировок фронта 11-й гвардейской, 39-й, 43-й, 50-й армий.

На направлениях главных ударов армий оперативная плотность артиллерии составляла от 143 до 270 орудий и минометов калибра от 76 мм и выше на 1 км фронта. Наибольшая плотность артиллерии была создана на участках прорыва 43-й и 60-й армий, где она составляла 255–272 орудия и миномета на 1 км фронта.

В полосах наступления 11-й гвардейской, 39-й, 43-й, 50-й армий противник имел свыше 2 тыс. орудий и минометов. На отдельных участках плотность его артиллерии доходила до 70 орудий и минометов на 1 км фронта.

Группировка артиллерии 3-го Белорусского фронта имела свои характерные особенности. В масштабе фронта была создана фронтовая группа артиллерии дальнего действия (АДД) в составе пяти артиллерийских бригад, предназначенная для борьбы с артиллерией противника в полосах наступления 43-й и 50-й армий. В этих армиях армейские группы АДД специально не создавались, а их задачи решали подгруппы фронтовой группы. Создание фронтовой группы АДД для борьбы с артиллерией противника свидетельствовало о стремлении качественным образом организовать контрбатареиную борьбу в условиях прорыва укрепленного района крепостного типа.

В масштабе фронта были организованы группы артиллерийской блокады района Кёнигсберга и группа железнодорожной артиллерии для воздействия артиллерийским огнем на морские и сухопутные коммуникации, а также разрушения важных объектов в тылу противника. Группа артиллерийской блокады насчитывала 234 орудия, из них более 50% — калибра от 100 мм и выше.

В корпусах были созданы сильные корпусные группы артиллерии разрушения с включением в их состав артиллерии особой мощности. Эти группы имели до пяти дивизионов, вооруженных орудиями калибра 152–305 мм. В 43-й армии такие группы включали и реактивную артиллерию.

Значительное количество артиллерии выделялось для обеспечения действий штурмовых отрядов и групп. Для их непосредственного сопровождения из состава полковых артиллерийских групп (ПАГ), как правило, выделялось до одного дивизиона артиллерии. Кроме того, действия штурмовых групп и отрядов поддерживались огнем одного-двух дивизионов ПАГ. В отдельных случаях, для разрушения наиболее прочных целей, штурмовым отрядам придавались 152-мм и 203-мм орудия и 160-мм минометы.

В состав штурмового отряда, как правило, включали: взвод полковой артиллерийской батареи — два 76-мм орудия, две пушечные (шесть орудий калибром 76 мм) и одна гаубичная (две-четыре 122-мм гаубицы) батареи дивизионной артилле-

рии, рота 82-мм минометов, батарея 120-мм минометов, четыре-пять самоходно-артиллерийских установок СУ-122, а также три танка Т-34. Штурмовые группы усиливались одной-двумя 45-мм пушками, одним-двумя 76-мм полковыми или дивизионными орудиями, одной 122-мм гаубицей; одной-двумя СУ-122 и одним-двумя танками [Там же, с. 81].

Отличительной особенностью в планировании артиллерийского наступления являлось следующее: за четыре дня до начала операции предусматривался однодневный период огневой разведки для вскрытия фортов и железобетонных сооружений с целью выявления и уточнения их расположения и трехдневный период разрушения, что обуславливалось наличием большого количества целей, требовавших разрушения, и недостатком светлого времени суток; артиллерийская подготовка атаки планировалась большой продолжительности (3 часа), что определялось характером обороны противника; на прямую наводку выставлялось большое количество орудий, в том числе и крупного калибра, для разрушения целей на переднем крае и в ближайшей глубине обороны противника. Так, в 11-й гвардейской армии на прямую наводку было поставлено 475 орудий, что составляло 55 орудий на 1 км фронта.

В соответствии с планом 2 апреля артиллерия фронта начала огневое вскрытие долговременных сооружений, а затем приступила к их разрушению. Всего в период с 3 по 5 апреля разрушению подверглись 67 целей, из них 6 фортов.

Для разрушения фортов, железобетонных огневых сооружений и убежищ привлекались орудия калибром от 203 до 305 мм. Для разрушения каждого форта, как правило, назначался артиллерийский дивизион, который вел огонь в течение трех суток по 5–6 часов в день. На каждый форт расходовалось от 360 до 440 снарядов [ЦАМО, ф. 75 оадн Ом, оп. 601861, д. 1, л. 26—45]. В результате получалось от 90 до 200 прямых попаданий с 12—15 сквозными пробоинами в стенах форта.

Несмотря на большое количество прямых попаданий, форты полностью разрушены не были. На обстрел железобетон-

ных огневых сооружений и убежищ расходовалось 120—150 снарядов 203-мм калибра. Разрушение производилось, как правило, одной батареей в течение 2—4 часов. Каменные строения и блиндажи легко разрушались 152-мм орудиями со средним расходом 30—50 снарядов на цель.

Следует подчеркнуть, что в штурме Кёнигсберга применялись немецкие орудия 211-мм калибра, захваченные Красной армией в 1943 г. В период с августа по сентябрь 1944 г. в Гороховецком учебном центре сформировали два отдельных артиллерийских дивизиона (75-й и 105-й оадн ОМ РВГК), которые были оснащены трофейными мортирами образца 1918 г. В каждом дивизионе было две батареи по 4 орудия. Боевые действия дивизионы начали 17 марта 1945 г., приняв участие в Восточно-Прусской операции. Дивизионы включались в состав групп артиллерии разрушения стрелковых корпусов. Так, 105-й оадн ОМ РВГК входил в группу АР 81-го стрелкового корпуса 50-й армии, а 75-й оадн ОМ РВГК — 13-го гвардейского стрелкового корпуса 43-й армии [ЦАМО, ф. 105 оадн ОМ, оп. 601860, д. 1, л. 11—16]. Основные задачи, которые решали дивизионы, — это разрушение фортов № 3 «Король Фридрих III», № 4 «Гнайзенау» и № 5а «Лендорф», других долговременных оборонительных сооружений, каменных зданий и особо важных объектов.

В 09.00 утра 6 апреля начала артиллерийскую подготовку 11-я гвардейская армия, а часом позже к ней присоединилась артиллерия 43-й и 50-й армий. Неодновременное начало артподготовки было вызвано сокращением на один час периода разрушения в 43-й и 50-й армиях вследствие того, что уже в период предварительного разрушения большинство целей было разрушено.

В 12.00 дня после мощной артиллерийской подготовки пехота и танки под прикрытием разрывов снарядов своей артиллерии двинулись на штурм укреплений города. Форты, основательно разрушенные артиллерией, не были в состоянии задержать стремительный натиск советских войск. Лишь в полосе наступления 50-й армии форт № 4 «Гнайзенау» оказал

упорное сопротивление. В боевых порядках штурмового отряда, атаковавшего этот форт, находилось восемь 57-мм противотанковых орудий, три 76-мм полковых пушки и шесть 76-мм орудий дивизионной артиллерии, а также две минометные роты 82-мм и одна батарея 120-мм минометов.

С рассветом 7 апреля по сигналу командира штурмового отряда минометы открыли огонь по форту. В это время по амбразурам, окнам и дверям форта орудия вели огонь прямой наводкой. Такому огневому воздействию подвергся и капонир, прикрывавший вход в форт № 4. Под прикрытием двух 57-мм противотанковых пушек, которые вели огонь по амбразурам, штурмовая группа вскоре ворвалась в форт и овладела им. После сильного артиллерийского огня часть гарнизона форта сдалась, а другая часть была уничтожена в рукопашном бою.

В результате массированных ударов артиллерии и авиации укрепления Кёнигсберга получили серьезные разрушения, а подразделения противника понесли тяжелые потери. К исходу первого дня операции советские войска при поддержке артиллерии прорвали на всех участках внешний обвод городских укреплений и, развивая наступление, вышли к окраинам города. Начались тяжелые уличные бои, отличавшиеся особой ожесточенностью.

Используя огонь артиллерии, наступавшая пехота и танки все сильнее сжимали окружение. Основные усилия полковых, дивизионных и корпусных групп артиллерии направлялись на обеспечение действий штурмовых групп и отрядов. К 8 апреля вся дивизионная артиллерия была придана штурмовым отрядам. Одновременно в ходе уличных боев непрерывно росло число орудий сопровождения. Например, в 43-й армии 6 апреля было 188 орудий сопровождения, утром 8 апреля — 277 орудий, а вечером того же дня — уже 312 орудий.

Отличительной особенностью применения реактивной артиллерии являлось широкое использование в уличных боях одиночных реактивных снарядов для стрельбы прямой наводкой. С этой целью в гвардейских минометных бригадах были созданы штурмовые группы реактивных снарядов (РС), каж-

дая в составе 12 человек. В бригаде создавалось по 2–3 такие группы. Стрельба снарядами М-31 производилась непосредственно из укупорки, которая устанавливалась в окнах или проломах зданий напротив объекта, подлежащего разрушению. Каждой стрелковой дивизии придавалась 1–2 штурмовые группы РС, которые, в свою очередь, использовались для непосредственного обеспечения штурмовых отрядов и групп пехоты [Советская артиллерия в Великой Отечественной войне, 1960, с. 611—612]. Боевые действия показали высокую эффективность такого использования реактивных снарядов.

В результате непрерывных атак пехоты и танков, а также массированных ударов артиллерии и авиации 9 апреля кёнигсбергская группировка врага капитулировала.

Тринадцатого апреля войска 3-го Белорусского фронта после артиллерийской подготовки перешли в наступление с целью разгрома земландской группировки. Прорвав при поддержке артиллерии оборону противника, войска 2-й гвардейской, 5-й, 39-й и 43-й армий к исходу 17 апреля почти полностью овладели Земландским полуостровом. В ходе последующих боевых действий войска 11-й гвардейской армии к 25 апреля разгромили противника на Пиллауском полуострове, форсировали пролив и начали наступление на косе Фрише-Нерунг. Девятого мая 1945 г. остатки восточнопрусской группировки противника капитулировали.

Еще одной особенностью применения артиллерии в операции стала организация артиллерийской блокады города Кёнигсберга. Она осуществлялась группой артиллерийской блокады, которая была развернута на южном берегу залива Фриш-Гаф, и группой железнодорожной артиллерии.

В дневное время артиллерия группы вела огонь по вновь обнаруженным целям, ночью производились короткие огневые налеты и велся методичный огонь по заранее пристрелянным участкам.

Широко применялась стрельба с помощью самолетов-корректировщиков и аэростатов воздушного наблюдения, а также стрельба прямой наводкой по кораблям противника ночью с

использованием прожекторов. С помощью прожекторов в ночное время было потоплено 5 барж, 7 катеров и 2 корабля [Там же, с. 611—612].

Группа железнодорожной артиллерии действовала в полосу 11-й гвардейской армии, располагаясь на станции Гуттенфельд и на перегоне Левенгаглен — Гуттенфельд. Эта группа решала задачи по разрушению трех танковых и одного порохового заводов, трех фортов кёнигсбергского порта. Всего за период с 31 марта по 9 апреля группа провела 135 стрельб и израсходовала 136 180-мм и 1 463 130-мм снаряда.

В результате артиллерийской блокады были разрушены и уничтожены важные объекты в тылу противника, нарушены работа портов Пиллау и Кёнигсберга, а также движение на сухопутных и морских коммуникациях.

Боевые действия группы артиллерийской блокады показали высокую эффективность стрельбы прямой наводкой из орудий крупного калибра по плавучим средствам противника ночью с использованием прожекторов.

Таким образом, Восточно-Прусская операция характеризовалась участием в ней более 26 тыс. орудий и минометов, применением при штурме Кёнигсберга значительного количества артиллерии большой и особой мощности — 842 орудия (от 152-мм пушек до 305-мм гаубиц), массированием 70–90 % артиллерии на направлениях главных ударов и созданием высоких плотностей — от 200 до 300 орудий и минометов на 1 км фронта — на участках прорыва армий.

Особенности применения бронетехники РККА при штурме города-крепости Кёнигсберг

Любому человеку, знакомому с военным искусством хотя бы по новостным репортажам и художественным произведениям, очевидно, что штурм вражеского города — дело непростое, а бронетехника в городском сражении теряет ряд своих преимуществ, таких как скорость, маневренность и дальность

поражения цели, в то время как ее недостатки в виде слабого бронирования бортов, кормы и крыши, плохого обзора и неповоротливости выходят на первый план. Со времени Гражданской войны в России, а позже и в Испании существует мнение, что «танкам в городе не место». Как же обстояли дела с применением бронетехники в городских боях в ходе самой разрушительной войны в истории человечества? Отчасти на этот вопрос может ответить анализ особенностей применения советской бронетехники при штурме Кёнигсберга.

Почему именно Кёнигсберг? Во-первых, потому что слова «город-крепость» в отношении столицы Восточной Пруссии не были пустым звуком. Конечно, всем известен приказ Гитлера № 11 от марта 1944 г. о создании городов-крепостей, когда некий ключевой населенный пункт признавался крепостью и его оборона должна была вестись всеми доступными средствами, «до последнего патрона и до последнего немца». Однако Кёнигсберг был городом-крепостью не только на бумаге. Это старый немецкий город с мощными укреплениями, извилистыми и узкими улицами, каменными и кирпичными строениями, враждебно настроенным населением, запуганным пропагандой Геббельса, в результате чего многие предпочли сражаться до последнего, чтобы не попасть в руки «ужасных коммунистов». Кёнигсберг без преувеличений стал «сердцем прусского милитаризма». Этот город готовили к обороне столетиями и сдавать не собирались. Конечно, многие укрепления морально устарели, а гарнизон города представлял собой остатки крепко потрепанных частей вермахта, люфтваффе, кригсмарине и фольксштурма, пополняемых солдатами 40—50 лет. Но даже бывшие в более уязвимом положении города порой держались месяцами, а их защитники наносили огромный ущерб противнику. Во-вторых, Кёнигсберг оказался одним из городов, на котором предстояло отработать приемы будущего штурма Берлина, учтя уроки всех городских боев от Сталинграда до Познани. В-третьих, штурм Кёнигсберга стал одним из примеров блестяще проведенной масштабной войсковой операции.

Начать, безусловно, следует с краткого описания того, что из себя представляла оборона города. Согласно данным, которыми располагало советское командование, оборонительные сооружения Кёнигсберга объединялись в две основные линии обороны: внешнюю и внутреннюю. В ряде современных исследований говорится о трех или четырех рубежах обороны, однако советское командование в марте — апреле 1945 г. в большинстве документов делило кёнигсбергские укрепления на два рубежа обороны, называя остальное укрепрайонами или отдельными укреплениями [ЦАМО, ф. 3220, оп. 1, д. 25, л. 34; ф. 942, оп. 1, д. 610, л. 120—121]. Кроме того, кольцо обороны, проходившее за пределами городских окраин и призванное защищать промышленные предприятия и аэродромы, уже было прорвано советскими войсками в ходе зимних боев.

Внешний рубеж обороны находился в 8—15 км от центра города и проходил по линии Юдиттен, Шарлоттенбург, Байдриттен, Мандельн, Пальмбург, Шенфлис, Гросс Каршау, Кальген. В этой линии обороны находилась система фортов постройки до 1914 г., представлявших собой сооружения, рассчитанные на гарнизон в 250—300 человек, с очень прочным укрытием для личного состава, двумя капонирами и полукапонирами. Толщина стен в этих сооружениях достигала 2 м, а местами и 4 м. Таких фортов во внешнем оборонительном поясе советская разведка насчитала 12. Форты были включены в общую линию обороны, состоящую из двух-трех линий траншей полного профиля и противотанкового рва шириной в 6—10 м и глубиной в 3 м, опоясывающего весь город. Подступы к фортам прикрывались ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем полевой обороны противника [Там же, ф. 3220, оп. 1, д. 26, л. 25]. На окраинах города немцы использовали свои танки как кочующие огневые точки [Там же, ф. 841, оп. 1, д. 3, л. 71]. Система ПВО Кёнигсберга была организована так, чтобы орудия могли вести огонь и по авиации, и по танкам. Чаще всего эти орудия были расположены возле дорог, по которым был возможен прорыв бронетехники [Там же, ф. 9836, оп. 1, д. 27, л. 145].

Внутренний оборонительный пояс состоял из 24 земляных фортов, множества опорных пунктов, приспособленных к обороне зданий и целых кварталов, связанных между собой траншеями и подземными ходами сообщения, баррикад, надолбов и минных полей, прикрывающих подступы к опорным пунктам и перекрывающих улицы и переулки города. Все радиально расположенные улицы прикрывались баррикадами из металлического лома, кирпичей, разрушенных зданий, старых машин и т. п. Были расчищены сектора обстрела, а заграждения выстроены таким образом, чтобы загонять противника в них [ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 208, л. 1]. Площадь Кёнигсберга составляла 192,72 км². В результате обстрелов и бомбардировок советской и британской авиацией центр города был разрушен на 70 %, а окраины — на 15 % [Там же, ф. 841, оп. 1, д. 3, л. 283—284].

Противник придавал огромное значение обороне города, понимая его стратегическую и политическую важность. В неоднократных приказах командования окруженной группировке внушалась мысль о том, что необходимо сражаться до последнего патрона.

Данные о численности и вооружении оборонявшихся немецких войск отличаются в различных источниках и исследованиях [Кретинин, 2012б, с. 140—142]. Называются цифры от явно заниженных 35 тыс. до 130 тыс. человек. Что касается бронетехники, то называются цифры от 49 до 108 танков и штурмовых орудий. Трудности подсчета связаны с рядом факторов, в которые входят: неразбериха в немецких штабах в конце войны; слабый учет, а порой и полное его отсутствие в подразделениях фольксштурма; дезертирство солдат и офицеров из рядов обороняющихся; недостаточный учет немцами своей бронетехники и разность трактовок понятия «боеготовая техника»; перекрестный учет подбитой вражеской бронетехники в сообщениях различных подразделений РККА, относящихся к различным соединениям, родам войск и армиям. Очевидно, что всего в гарнизоне города-крепости насчитывалось около 100 тыс. немецких солдат, офицеров и так или иначе

причисляемых к ним защитников города, сотни артиллерийских орудий и десятки единиц бронетехники. Гарнизон располагал большими запасами продовольствия и боеприпасов.

Советскому командованию, особенно после достаточно сложных штурмов Познани и Будапешта, было понятно, что штурм Кёнигсберга может оказаться гораздо более трудным предприятием. Исходя из этого подготовка бронированных войск к боям за город началась в рамках подготовки всех родов войск, основываясь на взаимодействии с пехотой и артиллерией. Танки и самоходные орудия планировалось использовать в боевых порядках пехоты для поддержки своих войск в качестве мобильной бронированной артиллерии прямой наводки и действий, направленных на расчленение вражеских войск. Одним из направлений действий танков стало движение вдоль железной дороги и восточной окраины города как наиболее удачных мест для быстрых передвижений бронетехники в городских условиях [ЦАМО, ф. 394, оп. 9072, д. 306, л. 95].

Для обеспечения наиболее полного взаимодействия бронетехники с пехотой советским командованием было принято решение о создании штурмовых групп и штурмовых отрядов. Действовать им предписывалось в боевых порядках по следующим принципам.

1. Штурмовой отряд строился в два эшелона, одна рота — впереди, а вторая — за ней.

2. Штурмовые отряды должны были формироваться только в стрелковых полках первого эшелона (по одному на полк) для прорыва укрепленной позиции.

3. Для штурма города создавались штурмовые группы численностью в роту. Их формирование проходило в полку и дивизии второго эшелона.

4. Состав штурмового отряда: стрелковый батальон, саперная рота, взвод огнеметчиков, рота танков или батарея самоходных установок, орудие калибра 76 мм, батарея 120-мм минометов, одно орудие калибра 122—203 мм. Поддерживать отряд должны были 1—2 артиллерийских дивизиона.

5. Состав штурмовой группы: стрелковая рота, взвод сапёров, отделение огнемётчиков, отделение химиков, 2 орудия калибра 45 мм, 2 орудия полковой артиллерии, 2—3 танка или самоходных установки, 1—2 орудия дивизионной артиллерии. Поддержку группе оказывала тяжёлая батарея или дивизион тяжёлой артиллерии [ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 208, л. 9].

Танки и самоходные орудия распределялись исходя из этих принципов формирования штурмовых подразделений. Затем штурмовые отряды и группы приступили к организации их тактического взаимодействия.

Экипажи приданных штурмовым подразделениям танков и самоходных орудий неоднократно в течение марта проходили обучение по программе «Атака штурмовой группой ДОТа», «Атака штурмовой группой сильно укрепленной позиции или населенного пункта с танками», «Прорыв сильно укрепленной позиции противника», «Атака штурмовым отрядом сильно укрепленной позиции с танками» [Там же, л. 9—10]. Учения с боевыми стрельбами перед штурмом, главным образом, были направлены на разрушение и уничтожение прямой наводкой сооружений и артиллерии противника [Там же, ф. 841, оп. 1, д. 140, л. 129]. С офицерами и связистами провели двухдневные занятия на макете города [Там же, ф. 1054, оп. 1, д. 89, л. 4].

Однако обучение не прошло идеально. Некоторые штурмовые группы тренировались без танков или всего с одной машиной, а самоходные орудия СУ-76 слишком поздно подошли к некоторым подразделениям, из-за чего почти не участвовали в занятиях [Там же, ф. 850, оп. 1, д. 272, л. 202].

В течение нескольких недель, предшествовавших штурму, проводили максимально тщательную рекогносцировку с использованием авиации и пеших разведывательных групп. На основе показаний пленных, местных жителей и перебежчиков была составлена схема оборонительных укреплений на подступах к городу и в пригородах, а также карта города с возможным указанием мест расположения баррикад, завалов и узлов обороны. В целях лучшего управления командиру штур-

мового отряда предписывалось находиться вблизи от танкового командира. Связь устанавливалась самая простая — связными, а целеуказания передавались ракетами, запускавшимися в сторону цели. Делалось это во избежание проблем с радио и проводной связью, неизбежно возникавших в предыдущих боевых операциях. Кроме того, существовало серьезное опасение по поводу качества радиосвязи в условиях штурма крупного и хорошо укрепленного города с большим количеством зданий, железобетонных и кирпичных сооружений. На плечи двух снабженных ракетницами солдат, которые закреплялись за каждым танком или самоходным орудием, также ложилась функция охраны бронетехники от внезапного нападения «фаустников» и немцев с гранатами и бутылками с зажигательной смесью [Там же, ф. 3220, оп. 1, д. 26, л. 26].

Был выработан поэтапный план применения танковых подразделений в ходе штурма. Выглядел он следующим образом: перед началом штурма танки находятся на выжидательных позициях в готовности к атаке и отражению возможных контратак пехоты и танков противника; в ходе штурма и выхода на западную окраину Кёнигсберга танки движутся впереди боевых порядков пехоты и своим огнем и гусеницами подавляют огневые точки и живую силу противника на переднем крае и в глубине его обороны. При подходе к противотанковому рву танки задерживаются и пропускают впереди себя пехоту, прикрывая ее огнем, при пехотной поддержке переправляются через противотанковый ров по наведенным саперами мостам и по (согласно имеющимся разведанным) проходам, обгоняют пехоту и продолжают сопровождать ее до окраины города; затем танки отражают возможные контратаки пехоты и танков противника. В ходе борьбы внутри города танки действуют за боевыми порядками пехоты и своим огнем разрушают каменные строения, подавляют и уничтожают огневые точки и живую силу противника, отражают возможные контратаки его пехоты и танков [Там же, ф. 1446, оп. 1, д. 52, л. 5—6].

В течение дня 3 апреля 1945 г. перед штурмом были проработаны вопросы взаимодействия в звеньях «штурмовой отряд — танковый взвод» и «штурмовая группа — танк или самоходное орудие». Пехотные командиры прямо на местности поставили задачу каждому танку. Каждый пехотный командир лично узнал командира-танкиста, с которым он должен был взаимодействовать. Командиры танковых взводов и танков познакомились с командирами стрелковых батальонов, рот, взводов и получили задачу добиться того, чтобы каждый член экипажа твердо знал свою задачу, место в боевых порядках, способы связи между пехотой и танками и целеуказания, а также пехотных командиров, с которыми он взаимодействует. Сделано это было в первую очередь с целью наилучшего взаимодействия на узких извилистых улочках старого города. Непосредственно в ночь перед штурмом, после сосредоточения на исходных позициях командиры танковых рот совместно с командирами взводов танков и механиками-водителями производили рекогносцировку района исходных позиций, путей подхода к ним, выхода и направления атаки для каждого танка. Кроме того, в ночь перед наступлением были проделаны проходы в минных полях, а также в ряде противотанковых и противопехотных заграждений.

Первые трудности начались еще до вступления бронетехники в бой. Высокий уровень грунтовых вод, затяжные дожди и разрушенные или поврежденные дренажные сооружения превратили пригороды Кёнигсберга в непроходимые болота. При развертывании в боевой порядок, действуя в окрестностях города, танки вязли в болоте и были ограничены в маневре. Дорог остро не хватало для такого количества солдат и техники, а деревья, растущие по обочинам, мешали по ним перемещаться [ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 208, л. 30]. Неизбежно возникли проблемы с подвозом ГСМ и боеприпасов. Саперам приходилось наводить гати для передвижения войск и тылов, что замедляло подготовку к штурму [Там же, ф. 942, оп. 1, д. 371, л. 233]. Из-за переноса времени наступления 5 апреля 1945 г. командиры танковых батальонов провели с команди-

рами взводов и танков повторную рекогносцировку, добившись таким образом более четкого знания каждым членом экипажа своей задачи, исходных позиций и направления атаки по местным объектам. Бронетехника была замаскирована на исходных позициях. Перед началом боя для бронетехники заготовили по 3 боекомплекта, ГСМ на 2,5 заправки, питание для экипажей на 10 дней [Там же, ф. 3220, оп. 1, д. 25, л. 35].

Атака предместья Кёнигсберга и первой оборонительной линии началась после 3-часового артиллерийского наступления. На максимальной скорости танки и самоходные орудия приблизились к окопам противника, стараясь остановиться на расстоянии, недосягаемом для фаустпатронов. Ворвавшаяся под прикрытием огня бронетехники в окопы пехота зачистила их. Прошедшие в течение 3—4 дней до наступления весенние дожди мешали не только атакующим, они залили траншеи и окопы противника, что сковало маневренность обороняющихся, вынудило немцев занимать неглубокие укрытия и привело к большим потерям живой силы противника от артиллерийского огня [Там же, ф. 942, оп. 1, д. 610, л. 129]. Однако и советским воинам пришлось нелегко. На дне противотанкового рва стояла вода, превращая его в болотистый пруд. Вражеские инженерные сооружения оказались не полностью разведаны, а минные поля не до конца обезврежены, что привело к замедлению наступления на некоторых направлениях. Особенно бронетехнике мешали, как это ни странно звучит, противопехотные мины, отсекающие от танков пехоту и саперов, что затрудняло дальнейшее движение и делало невозможным преодоление немецких укреплений, особенно рвов [Там же, ф. 1016, оп. 1, д. 201, л. 212].

После достижения противотанкового рва самоходные артиллерийские установки, орудия прямой наводки и танки прикрывали саперные группы, которые, используя заранее заготовленные детали мостов и другие материалы, в течение часа организовывали проход в противотанковом рве, в результате чего танки совместно с пехотой смогли продолжить дальнейшее движение, однако были встречены сильным минометным и

пулеметным огнем из фортов. В частности, машины 153-й танковой бригады, приданные штурмовым группам из состава 87-й и 263-й гвардейских и 265-й стрелковых дивизий, уперлись в форт № 5. При его штурме было решено использовать бронетехнику, для чего выделили два танка Т-34, которые имели приказ, приблизившись к форту на расстояние, недоступное для фаустпатрона, открыть сильный пулеметный и артиллерийский огонь по его амбразурам.

Форты прошлого века представляли собой мощное укрытие, однако в донесениях советской разведки ясно говорилось: «Форты Кёнигсберга требованиям современной фортификации не отвечают» [ЦАМО, ф. 850, оп. 1, д. 272, л. 74], их внутреннее пространство не позволяло разместить серьезное противотанковое вооружение, потому бронетехника РККА могла чувствовать себя в относительной безопасности на удалении в 200—300 м. Укрывшиеся в казематах форта немцы были вынуждены прекратить огонь, чем воспользовались пехота и танки, которые обошли укрепление и блокировали узел дорог южнее форта, тем самым отрезав этот объект обороны от остальных немецких войск. Однако гарнизон форта продолжил сопротивление. Поэтому из участников наступления была сформирована блокировочная группа в составе двух танков и саперного отделения с задачей вести огонь по амбразурам. Остальные войска продолжали наступление.

Похожим образом использовались танки 153-й бригады для штурма форта № 5а. Ими был открыт огонь, под прикрытием которого штурмовые группы сблизались с фортом и после непродолжительного, но ожесточенного боя, переходящего в рукопашную схватку, форт № 5а был взят нашими войсками. После чего, прикрывая огнем проходы, через противотанковый ров танки двинулись вперед, и к концу дня советские войска овладели пригородом на этом участке наступления.

Таким образом, преодолевая внешний пояс укрепления, танки сочетали стремительные рывки вперед с продвижением в боевых порядках пехоты и прикрытием пехоты со стацио-

нарных позиций. Этим достигалось наиболее полное использование главных качеств танка — его брони и подвижности. Об интенсивности огня танка говорит тот факт, что в течение боя 6 апреля танки израсходовали по два боекомплекта осколочных снарядов и боекомплекту пулеметных патронов. Бронбойные снаряды практически не использовались по назначению ввиду почти полного отсутствия целей для них [Там же, ф. 3220, оп. 1, д. 26, л. 26—28].

Седьмого апреля пехота при поддержке бронетехники вошла непосредственно в город, где встретилась с жестоким сопротивлением противника, часто сражавшегося за каждый дом. Солдаты противника, вооруженные фаустпатронами в больших количествах, вели огонь с верхних этажей зданий и из траншей [Там же, ф. 974, оп. 1, д. 339, л. 40]. Возникли трудности с управлением войсками. Система наблюдательных пунктов в полосе наступления оказалась недостаточно продуманной, что замедляло поступление информации командирам и ограничивало скорость маневра бронетехники [Там же, ф. 1016, оп. 1, д. 201, л. 212].

Изначально, войдя в город, войска, в которых сочетались самоходные орудия и танки, пытались соблюдать следующий боевой порядок: танковый взвод, наступающий в первом эшелоне, в интервалах и на флангах, на небольшом расстоянии сзади взвод прикрывался батареей самоходных установок. Непосредственно за танками двигался стрелковый батальон, имея в своих боевых порядках артиллерию сопровождения пехоты и саперов [Там же, ф. 841, оп. 1, д. 3, л. 130]. Однако быстро выяснилось, что самоходные орудия вынуждены двигаться за танками на удалении 200—300 м, так как не могли реагировать на появление противника с той же скоростью, что и танк, оборудованный башней. Находясь позади танков, самоходки не могли на узких улицах города вести огонь по целям, расположенным впереди танков, из-за угрозы поражения двигавшихся впереди своих же боевых машин [Там же, ф. 3220, оп. 1, д. 26, л. 28]. По этой причине самоходные орудия старались двигаться по соседним улицам [Там же, ф. 3220,

оп. 1, д. 25, л. 48]. В дальнейшем самоходки следовали за пехотой на удалении 200—300 м — перекатами от дома к дому, от квартала к кварталу — и вели огонь по очагам сопротивления противника. Каждая машина двигалась по назначенной ей улице параллельно с остальными машинами с таким расчетом, чтобы батареи самоходных орудий сопровождали пехоту по всей полосе наступления [ЦАМО, ф. 841, оп. 1, д. 3, л. 189].

В период боев на узких улицах города, состоящих из каменных зданий, приспособленных к обороне, а также в условиях большого количества завалов и баррикад, танки двигались в боевых порядках пехоты, прикрывая ее броней и ведя огонь по указаниям пехотинцев. В случае отсутствия ракет в ночное время пехота указывала цели трассирующими выстрелами. Огонь в основном открывался по подвалам домов, из которых противник оказывал сопротивление. После обстрела домов пехота врвалась в них, завершая уничтожение врага. Для разрушения железобетонных и толстых кирпичных стен, через проломы в которых пехота врвалась в здания или обходила противника, а артиллеристы протаскивали орудия прямой наводки, приходилось применять бронебойные снаряды. Возникали трудности и с преодолением завалов и баррикад. За период боев непосредственно в городе застряли и отстали от наступающих войск 51 танк и самоходное орудие [Шиловский, 2005, с. 75; ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 208, л. 26; ф. 3220, оп. 1, д. 26, л. 28]. Несмотря на подготовку и занятия с картой и макетом города, танкисты и самоходчики, находясь на незнакомых разрушенных улицах, в условиях ограниченного обзора и задымленности иногда путали направление, и боевые машины могли «заблудиться».

Противник, пытаясь противодействовать штурмовым группам и танкам, выкатывал на прямую наводку противотанковые орудия, стараясь уничтожить бронемашину. Также немцами организовывались засады в переулках и зданиях с использованием противотанковых орудий. Наибольшую проблему вызвала необходимость преодолевать противотанковый ров в городе, где находилось большое количество капитальных соору-

жений, из которых велся огонь. В сложившейся ситуации бои проходили следующим образом: пехота, прижимаясь к домам, продвигалась вперед и, обнаружив огневую точку, указывала ракетой цель танкам. Танки продвигались за пехотой на удалении 100—200 м во избежание поражения фаустпатронами и по указаниям пехоты вели огонь. Подойдя непосредственно к противотанковому рву, пехота разбирала находящиеся вблизи баррикады и забрасывала этими подручными материалами ров, организовывая проход для бронетехники. В это время танки прикрывали пехоту, ведя огонь с места. Осуществив прорыв через противотанковый ров в городе, танки принимали на себя десант пехоты, после чего на высокой скорости старались выскочить на простор, например на железнодорожные пути, после чего ссаживали пехотный десант и открывали пушечный и пулеметный огонь с места. Во время прорыва танков с десантом пехота очищала улицы, оттягивая на себя внимание противника. После обнаружения у себя в тылу значительных сил танков противник начинал поспешный отход к следующей линии обороны. Советские танки с десантом, располагавшимся на броне, старались перекрыть отход разрозненных сил противника на эти рубежи. Особый упор делался на то, чтобы контролировать естественные преграды, такие как река в районе мостов. Пытаясь отбить эти участки, противник атаковал советские танки и пехоту с использованием собственных танков и штурмовых орудий. Количество боевых машин, участвовавших в таких атаках, было невелико — максимум 5—7 единиц. Отражая эти атаки, танки занимали перекрестки, позволявшие простреливать улицы вдоль, а пехота занимала оборону в близлежащих домах, прикрывая из окон бронетехнику. При форсировании войсками реки Прегель танки на первом этапе не смогли поддержать пехоту по причине отставания саперных подразделений со средствами преодоления водных препятствий [ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 208, л. 213].

Пользуясь броней и скоростью, советские танки 8—9 апреля, когда единая централизованная оборона противника в

городе уже отсутствовала, обходили узлы сопротивления и противотанковые орудия, часто установленные на перекрестках, нанося им внезапные удар с фланга или в тыл. В течение ночи 9 апреля советские танкисты участвовали в отражении сильных контратак противника, пытавшегося прорваться из города в направлении окраин.

В течение всего штурма Кёнигсберга большое количество танков и самоходных орудий было возвращено в строй после поломок или повреждений от огня противника. Ремонт поврежденных или вышедших из строя по техническим причинам единиц бронетехники проводился ремонтными группами на месте. Особенности боев в городе позволяли организовать ремонтные площадки непосредственно в полосе наступления войск, на небольшом удалении от передовой благодаря возможности прикрываться домами [ЦАМО, ф. 3220, оп. 1, д. 26, л. 27—28].

При всем масштабе боев и их сложности потери советской бронетехники были относительно невелики для операции такого масштаба и сложности. Так, 50-я, 11-я гвардейская, 39-я и 43-я армии в совокупности потеряли: 45 Т-34, из которых сгорели 33; 39 ИСУ-152, из которых 13 сгорели, 3 подорвались на минах; 5 СУ-85 и СУ-100, из которых 2 сгорели, 1 подорвалась на mine; 9 ИСУ-122, из которых сгорели 5, на минах подорвались 2; 33 СУ-76, из которых сгорели 21, на минах была потеряна 1. Подбитые и подорвавшиеся на минах самоходки и танки восстанавливали и возвращали в строй часто в ходе боевых действий. Таким образом, из более чем 550 единиц бронетехники, участвовавших в штурме города, безвозвратно выбыли из рядов Земландской группы 79 боевых машин [Шиловский, 2005, с. 75; ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 208, л. 26; ф. 3220, оп. 1, д. 26, л. 28].

По итогам штурма Кёнигсберга применение бронетехники было признано в основном верным и грамотным, однако имелись некоторые нарекания и рекомендации на будущее. Отмечалось, что дробление танков повзводно нецелесообразно ввиду того, что при первом соприкосновении с противником, по-

нося потери в танках, штурмовые группы остаются без них, и продвижение пехоты замедляется или вообще прекращается. Поэтому необходимо танки распределять поротно при поддержке тяжелой батареи самоходных установок, предназначенной для уничтожения опорных пунктов противника после того, как они будут блокированы. При выполнении этих условий потери двух-трех танков не снижают темп наступления штурмовой группы, а также улучшается управление танками. Крайне важным было признано непрерывное взаимодействие стрелковых, артиллерийских и танковых командиров и устойчивая радиосвязь на всем протяжении боя. Для инженерного обеспечения танков и самоходных установок, действующих на фронте 3—3,5 км, необходимо придавать каждой танковой бригаде до двух опорных рот и самоходному полку — до одной саперной роты, которыми должен руководить начальник инженерной службы бригады или полка. Необходимо увеличение скорости передвижения саперных подразделений для обеспечения продвижения бронетехники в условиях городских боев [ЦАМО, ф. 3398, оп. 1, д. 208, л. 27—28]. Тактика огибания и обхода маневрами бронетехники узлов обороны с дальнейшим их блокированием, уничтожением или принуждением к сдаче в плен, отработанная в Кёнигсберге, была признана верной [Там же, ф. 3220, оп. 1, д. 26, л. 28]. Наиболее удобной оказалась связь с помощью посыльных и личное общение командиров. Оправдало себя и применение ракет пехотой для целеуказания [Там же, ф. 3220, оп. 1, д. 25, л. 48—49]. В целом в условиях городских боев танки были признаны более предпочтительным орудием, чем самоходки с равным калибром пушки [Там же, ф. 841, оп. 1, д. 3, л. 189].

Таким образом, советское командование в ходе штурма Кёнигсберга продемонстрировало, что грамотное использование бронетехники в условиях боев в хорошо укрепленном городе не просто возможно, но и крайне эффективно при условии достаточной подготовки операции и грамотных совместных действий всех родов войск.

Танки «Лембиту» в боях за Кёнигсберг

В конце января 1945 г., когда танки 89-й бригады 1-го танкового корпуса уже вышли к окраинам Кёнигсберга, две другие бригады оставались под Тапиау (Гвардейск), ремонтируя подбитые в боях танки. При этом отремонтированные танки также передавались 89-й бригаде [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 110—111]. Поэтому 159-я бригада весь февраль не имела бронетехники, и лишь 6 марта в журнале ее боевых действий появилась краткая запись: «Выслан представитель на ст. Тапиау для встречи эшелона с танками» [Там же, л. 111]. Через шесть дней, 12 марта, «на ст. Тапиау была получена боевая материальная часть в количестве: танков Т-34-85-37». К вечеру эти танки уже находились в расположении бригады — в лесу восточнее местечка Кармиттен (Отрадное) [Там же, л. 112].

Казалось бы, рядовое событие — в танковую бригаду прибыла техника взамен потерянной в боях. Однако на башнях этих танков имелась странная, непривычно звучащая надпись: «Лембиту».

Ветеран бригады В. Н. Гаврилов⁶ позднее вспоминал об этом так:

Мартовским днем 1945 года воины 159-й танковой бригады узнали, что они будут получать новые танки. Причем будет получать только эта бригада. Значит, предстоит штурмовать Кёнигсберг, решили танкисты. Новость эту радостно обсуждали.

За танками на железнодорожную станцию Тапиау (ныне Гвардейск) выехали только механики-водители. Остальной состав экипажей на грузовых машинах направился в рошу южнее

⁶ Валентин Николаевич Гаврилов (1923—2016) — в 1945 г. капитан, старший адъютант 1-го батальона 159-й танковой бригады. За участие в штурме Кёнигсберга награждён орденом Отечественной войны I степени.

Повундена (Храброво). На другой день мы увидели эти танки. На их башнях белой краской была написано слово «Лембиту». Мы еще не знали значения этого слова [Гаврилов, 1974].

В начале XIII в. Лембит был одним из самых влиятельных нобилей эстов и, пожалуй, самым выдающимся лидером в их борьбе с экспансией Ливонского ордена. Погибнув в сражении с братьями ордена, он позднее стал национальным героем Эстонии, легендарным борцом с немецкой агрессией. Поэтому неудивительно, что его имя появилось на броне танков, построенных на средства, собранные, как было принято в то время, «эстонскими трудящимися». Еще в июне 1944 г. эстонское руководство торжественно сообщило:

Граждане первых освобожденных волостей Эстонской ССР ... в короткий срок собрали на постройку танковой колонны «Лембиту» и эскадрильи самолетов «Газуя» 9.060.000 рублей. Пусть танковая колонна «Лембиту», носящая имя храброго полководца древних эстонцев в их боях против немецких псов-рыцарей, и эскадрилья самолетов «Газуя» ... обрушивают всю силу ярости и ненависти эстонского народа против своих вековых врагов — немецких захватчиков [Красная звезда, 1944].

При этом некоторые танкисты понимали, что слова об «эстонских трудящихся» являются скорее пропагандистским штампом. «Мы получили колонну танков, якобы построенных на деньги эстонского народа, — “Лембиту”», — так иронически оценил позднее это Г. Н. Кривов⁷ [Драбкин, 2006, с. 236].

Тем не менее передача танков была обставлена как можно торжественнее:

Впервые за всю войну нам не спешили вручать танки. По приказу командира бригады полковника К. О. Петровского 19 марта был назначен парад, на котором по всем правилам, в торжественной обстановке производился ввод в строй боевых машин. Перед нами выступали представители Эстонии, вручив-

⁷ Георгий Николаевич Кривов (1924—2015) — в 1945 г. лейтенант, командир танка.

шие нам эти танки. Они рассказали, как собирались средства на танковую колонну и почему танки названы «Лембиту». Мы были очень взволнованы. Кстати, парад наблюдали свободные от полетов летчики советского истребительного полка и полка «Нормандия-Неман», базировавшиеся неподалеку [Гаврилов, 1974].

Здесь В. Н. Гаврилов немного ошибся: хотя аэродром Повунден (Храброво) действительно находился в 2 км от Кармиттен, но полк «Нормандия-Неман» покинул его еще 14 февраля, перебазировавшись в район Виттенберга (Нивенское) [ЦАМО, ф. 21890, оп. 73329с, д. 27., л. 10].

До начала апреля танкисты готовились к штурму Кёнигсберга. «По замыслу командования бригада должна была действовать в составе штурмовых групп в качестве огневых подгрупп в составе двух стрелковых корпусов — 81 и 124 СК. Для обеспечения этих корпусов в каждом батальоне создали по 3 штурмовые роты по 6 танков каждая, которые были распределены по стрелковым дивизиям» [Там же, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 112]. Были проведены тактические учения для отработки тактики боя в городских условиях, в том числе «штурм отдельного квартала с улицы», «движение по улице и ведение огня», «овладение отдельным домом». Для офицерского состава бригады «была прочитана лекция по устройству всех препятствий и укрепсооружений противника в г. Кёнигсберг (форт, ДОТ, надолбы, завалы, баррикады). На макете подробно изучен форт “Понард” (речь идет о форте № 9 “Дона”, который в тот период обозначался как форт “Понарт”. — А. Н.), захваченный войсками 11-й гв. армии» [Там же]. Были также проведены практические занятия по преодолению противотанкового рва — как будет видно ниже, это имело очень важное значение при штурме Кёнигсберга [Там же].

Третьего апреля танки бригады выдвинулись в район Трутенау (Медведевка), причем там они подверглись сильному артобстрелу, продолжавшемуся и на следующий день. «Повидимому, это место просматривалось противником из форта № 3» [Там же]. К середине следующего дня они вышли на ис-

ходные позиции. Поскольку «местность далеко просматривалась противником и была сильно заболочена, танки двигались мелкими группами повзводно ... во избежание скопления» [Там же, л. 113]. В обоих батальонах имелось 39 танков Т-34-85 и две самоходки Су-85 [Там же, ф. 3225, оп. 1, д. 25, л. 84].

Но чтобы прорваться в сам Кёнигсберг, необходимо было преодолеть проходившую по его окраине линию немецкой обороны, включавшую сплошной противотанковый ров. Еще один противотанковый ров проходил на второй линии обороны. Подходы к ним были прикрыты минными полями и простреливались артиллерией фортов № 3 и 4.

Мы привыкли считать, что штурм Кёнигсберга начался утром 6 апреля 1945 г. Но на самом деле локальные, но достаточно интенсивные бои велись уже накануне — выведенные на передовую подразделения уже начали «прошупывать» немецкую оборону. Не стали исключением и события на северной окраине города — уже вечером 4 апреля стрелки 343-й стрелковой дивизии выбили немцев из передовых окопов и даже захватили «малый форт» (промежуточное укрепление) [ЦАМО, ф. 1661, оп. 1, д. 49, л. 41; Мыларшиков, 2018а, с. 70—74]. Тогда же они форсировали внешний противотанковый ров, через который в ночь на 6 апреля был наведен мост для танков [Там же, л. 42].

В результате после начала общего штурма города-крепости танки 2-го батальона подошли к уже готовому мосту. В 11.40 «ведя огонь, танки один за другим преодолевали ров и разворачивались в боевой порядок. Противник вел сильный артогонь и разрушил мост, в результате чего два танка завалились в ров», но через 3 часа с помощью саперов вновь были введены в строй [Там же, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 113].

«Действуя по улицам кварталов, по возможности маневрируя, танки в составе штурмовых групп успешно продвигались вперед, преодолевая сопротивление противника, огнем и гусеницами прокладывая себе дорогу. К 15.20 передовая рота достигла кварталов 503 (Советский пр., район домов 186—198. — *А. Н.*)

и 505 (ул. Ставропольская. — *А. Н.*)» [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 113]. Затем, преодолев противотанковый ров, танки батальона к вечеру завязали бой за квартал 507 (между ул. Третьяковской, д. 3—29 и ул. Старорусской, д. 2—30) [Там же, л. 114].

Первому батальону повезло гораздо меньше. Попытка навести мост через ров не принесла успеха из-за сильного артиллерийского огня форта № 4: «саперы были прижаты к земле». На блокирование форта № 4 пехотой ушел весь день (взят же он был только утром 7 апреля) [Мыларщиков, 2018а, с. 74—85]. Лишь «с наступлением темноты саперы возобновили работу по наведению моста и разминированию дороги за ровом». Наконец, к 2 часам ночи 7 апреля наведение переправ было завершено. В «Журнале боевых действий 159-й танковой бригады» записали:

Танки начали переправляться. Услышав гул моторов, противник открыл ураганный огонь из форта 3 и из глубины. Первый танк, перейдя мост, завалился в воронку из-за плохой видимости. Второй, пытаясь обойти его, засел в болоте. Двумя снарядами противника переправа была разрушена. Саперы, закончив постройку моста, под сильным воздействием артогня противника несли большие потери и разбежались. Создалось затруднительное положение. Силами экипажа застрявший танк был выведен из болота при помощи самовытаскивателя и открыл огонь по ОП (опорному пункту. — *А. Н.*) противника. С рассветом собравшиеся саперы начали подтаскивать материал, необходимый для восстановления моста. <...> Несмотря на сильный артогонь противника ... благодаря ... самоотверженной работе саперов к 14.00 мост был наведен [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 114].

Через час, форсировав ров, танки атаковали Нойхуфен (район улиц Челнокова и Елизаветинской), «двигаясь по взводно по параллельным улицам с пехотой» и «примерно к восьми часам вечера заняли его» [Там же]. К этому времени 2-й батальон овладел «кварталом 507 и мачтами» [Там же, л. 115]. «Мачты» — это радиомачты городской радиостанции Кёнигсберга, ныне Калининградский областной радиотелевизионный передающий центр (Советский пр., 184). Причем в

бою за «квартал 507» штурмовые группы 370-го стрелкового полка первоначально не могли добиться успеха из-за «отсутствия бронесредств в боевых порядках». Лишь после того, как им были приданы пять самоходок и семь танков (это и были танки «Лембиту»), квартал удалось захватить, «несмотря на ожесточенное сопротивление противника» (Действия штурмовых отрядов и групп 81-го стрелкового корпуса в период штурма города и крепости Кёнигсберг) [Там же, ф. 974, оп. 1, д. 123, л. 279].

На следующий день танки 2-го батальона прорвались к кварталам 34, 35, 36, 37 (район между улицами Нарвская и Горького) и заняли их. Журнал боевых действий, фиксируя хронологию событий, не всегда передает их накал. Во время боя был ранен командир батальона, капитан Баранник, а принявший командование капитан Плясунов⁸ погиб на следующий день [Там же, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 115].

Нес потери и 1-й танковый батальон. «На Кёнигсберг наступали 7 апреля по улице Горького, — вспоминал В. Н. Гаврилов. — Первый танк Ивана Кацапова⁹ подорвался на фугасе на стыке сегодняшних улиц Сусанина и Горького. Танк разнесло в клочья, башня отлетела на сто метров, от экипажа не осталось ничего» [Катеруша, 2015].

Танки батальона прорвались в район Эрнстхоф (квартал между улицами Петра Панина, Фёдора Воейкова и Нарвской), а затем, «уничтожив противника в лесу, батальон овладел замком, уничтожив до 120 автомашин» [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1,

⁸ Владимир Петрович Плясунов (1914—1945) — в 1945 г. капитан, заместитель командира 2-го танкового батальона 159-й танковой бригады. Погиб 8 апреля 1945 г. Похоронен в братской могиле в пос. Чкаловск в черте Калининграда. Посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени.

⁹ Иван Алексеевич Кацапов (1919—1945) — в 1945 г. младший лейтенант, командир танка. Погиб 7 апреля 1945 г. Похоронен в братской могиле на ул. Комсомольской Калининграда. Посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени.

д. 9, л. 115]. Этим «лесом» был хорошо известный калининградцам парк Макса Ашманна. Что касается «замка», то обычно мы представляем его как массивное оборонительное сооружение со рвом и башнями. Подобного замка здесь никогда не существовало — это был маленький ресторан «Лесной замок» («Waldschlößchen»), обычный двухэтажный дом. Дело в том, что на подготовленной перед штурмом карте Кёнигсберга его название перевели буквально: «замок».

Затем рота старшего лейтенанта Шлыкова устремилась на стадион. «Сильный огонь и стремительность ошеломляюще подействовали на противника. На стадионе было взято в плен до 1000 пленных, самолет, 2 планера и 20 легковых автомашин» [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 115]. Судя по трофеям, поле стадиона (ныне стадион Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота) использовалось как вспомогательный аэродром. Любопытно, что членами экипажа танка Шлыкова были братья-близнецы Алексей (наводчик орудия) и Федор (заряжающий) Апашкины [Гаврилов, 2000].

В. Н. Гаврилов вспоминал:

Характерно, что мы не воевали никогда так, как при штурме Кёнигсберга. Обычно батальон разворачивается на фронте в 1,5 километра и наступает. А тут мы шли в колонне друг за другом: первые три танка ведут огонь, остальные смотрят по сторонам — по кому стрелять. Плюс все улицы были в баррикадах. Пробивали их, шли вперед... (цит. по: [Катеруша, 2015]).

К этому времени при танках уже почти не осталось пехоты. Позднее в отчете бригады было скупо отмечено:

...Пехота, которая готовилась совместно с танками в качестве штурмовых групп, участвовала в прорыве внешнего обвода крепости и понесла потери. При входе в сам город боевого порядка, который должен быть, уже не имела, и танки участвовали уже не в составе штурмовых групп, а вели за собой пехоту — остатки нескольких штурмовых групп, и руководства от командиров штурмовых групп вовсе не было [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 3, л. 141].

Девятого апреля 1-й танковый батальон овладел Куммерау (район улиц Орудийной и Гурьевской). Однако затем вместо того, чтобы продолжать наступление к центру, последовал несколько неожиданный поворот на аэропорт Девау (ул. Пригородная). В. Н. Гаврилов вспоминал:

Примерно в 11.00 9.4.45 г. батальон, свернувшись в походную колонну, вышел из боя в районе военного госпиталя и по улицам (ныне) Колхозная, Герцена, Окружная, Александра Невского, Краснокаменная, Орудийная начал выдвигание в аэропорт. По достижении стыка дорог ул. Невского, Краснокаменная (у ст. Кутузово-Нов[ое]) батальон остановился, и танкисты вместе с саперами снимали минное поле. Задержка в продвижении была около 1 ч. 30 мин [АКОИХМ, ф. 1, оп. 3, д. 55, л. 102].

На ул. Колхозной мы попрощались с погибшим капитаном Какалия¹⁰ и его сгоревшим танком. Было очень жалко этого товарища, бывшего политработника, пожелавшего воевать командиром танка [Гаврилов, 1974].

Движение «походной колонной» по Кёнигсбергу, в котором еще шли бои, примечательно само по себе. Но почему потребовалось так резко разворачивать батальон? Дело в том, что «при овладении Куммерау были получены сведения, что в районе аэродрома собрался офицерский состав противника в ожидании самолета из Германии. Батальону поставлена задача: стремительно выйти в район аэродрома и овладеть им. При овладении аэродромом было захвачено 30 старших офицеров, которые переданы для конвоирования в 208 СД (стрелковую дивизию. — *А. Н.*)» [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 115]. Любопытно, что одна из соседних улиц, Иммельманштрассе, при переименовании получила название Танковая.

¹⁰ Виссарион Вачанович Какалия (1908—1945) — командир взвода 1-го танкового батальона 159-й танковой бригады. Формально числится пропавшим без вести. За участие в штурме Кёнигсберга награждён (фактически посмертно) орденом Отечественной войны I степени.

В. Н. Гаврилов уточняет в своих воспоминаниях:

В районе аэропорта и пивзавода (пивоварня «Остмарк», с 1946 г. — Калининградский пивоваренный завод. — *А. Н.*) были уничтожены огнем танковых пушек и раздавлены гусеницами несколько зенитных установок типа «эрликон» и подавлены мелкие группы пехоты противника [АКОИХМ, ф. 1, оп. 3, д. 55, л. 102].

Позднее этот эпизод он изложил эмоциональнее:

Получаю приказ — взять три танка и пройти на аэродром Девау. Зарядили пушки, идем. Там возле авиационного ангара стоит зенитная пушка и ведет огонь. Но что она танку сделает? Ничего! Наш первый танк раздавил эту пушку и весь расчет. А слева от меня стоит такая же пушка, но солдаты убежали. Остался один, поднял руку, бросил оружие. Я спрыгнул с танка, и он на плохом русском говорит: «Я коммунист. Приказывал своим сдаться, но они убежали. Вы хорошо воюете». Он снял с себя крест и подарил его мне в знак признательности. Крест этот я сохранил, а потом отдал в школу [Катеруша, 2015].

Впрочем, торопиться смысла не было: «вся земля в воронках, а в небе одни наши самолеты. Никто бы никуда не улетел» [Гаврилов, 2013].

Любопытный эпизод имел место на обратном пути, когда танк В. Н. Гаврилова двигался по Кальтхофёр Кирхенштрассе, современной улице Краснодарской: «Вдруг в окне дома напротив мы уловили движение. Я велел выстрелить из всех орудий, а командир роты говорит: “Да сквозняк это!”». Огонь не был открыт, и дом уцелел. А через несколько лет, уже в советском Калининграде именно в нем семья В. Н. Гаврилова получила квартиру [Гам же].

О том, как приходилось воевать танкистам, дает представление следующий эпизод.

По овладении аэродромом батальон продолжал выполнять задачу в направлении Кальтхоф (район улиц Юрия Гагарина и Стрелецкая). При достижении казарм (казармы 1-го саперного батальона, ул. Малоярославская, 5—15. — *А. Н.*) взвод лейтенанта Айдиньяна попал под сильный артогонь противника. Лейте-

нант Айдиньян¹¹ на своем танке проскочил зону обстрела, но в следующем квартале немцы открыли огонь из пушек и «фауст-патронами». Командир взвода принял бой и совместно с подошедшими танками своего взвода очистил квартал от противника. По достижении квартала 99 (Краснодонский переулок, 4—6. — *А. Н.*) батальон по приказу был остановлен, занял оборону и привел себя в порядок [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 115].

По воспоминаниям В. Н. Гаврилова, его батальон все же продвинулся до Литовского вала.

Во второй половине дня 9.4.45 г. батальон, не продвигаясь далее (мост на Лит[овском] валу был взорван), получил по радио команду «Прекратить боевые действия, ждать указаний» (это нужно было сделать, чтобы огнем пушек не поразить свои войска, наступавшие от р. Прегель в сев[ерном] направлении) [АКОИХМ, ф. 1, оп. 3, д. 55, л. 102—103].

Перед Королевскими воротами мост был взорван, танки не пройдут. Наверху на воротах, меж зубцов, сидели «фаустники» и пулеметчики. Их постреляли из пушек. Я потом прошел в Королевские ворота. Открыл дверь, такой запах в нос ударил! Оказывается, там складывали убитых [Катеруша, 2015].

Что же касается 2-го батальона, то в этот день его танки пробивались по Трагхаймер Пальвештрассе (ул. Земельная) в сторону Верхнего озера [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 116]. «В 9.00 1 ТР (танковая рота. — *А. Н.*) овладела фортом, что западнее пруда “Обер-штанг”» [Там же]. Так в искаженной форме было зафиксирован топоним «Обертайх» — «Верхний пруд». «Фортом» же был старый люнет Бёттерсхофшен, который давно был выкуплен городом, и прилегающая к нему территория в 30-е гг. XX в. была превращена в розарий (сейчас на месте люнета — Центр развития межличностных коммуникаций в парке «Юность»). Правда, в бою за него принимали участие не танки, а приданная штурмовой группе самоходка, причем взят «форт» был еще поздно вечером 8 апреля [Там же,

¹¹ Василий Артемьевич Айдиньян — в 1945 г. лейтенант, командир взвода танков.

ф. 974, оп. 1, д. 123, л. 279—280]. «К 12.00 батальон овладел вторым фортом, что юго-западнее пруда, где лейтенант Фоменко водрузил флаг» [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 116]. Судя по всему, этим «фортом» была не башня «Врангель» (гарнизон которой капитулировал лишь в ночь на 10 апреля) [Мыларщиков, 2018а, с. 181—186], а какой-то опорный пункт. Им могла быть часть бывшей казармы кирасирского полка «Граф Врангель» (ул. Пролетарская, 90—92). «Командир танка старший лейтенант Фоменко¹² и заряжающий сержант Меньшиков¹³ взобрались на вершину форта и водрузили красный флаг с надписью: “Слава советским танкистам!” Командир части ... передал по рации: — Благодарю вас за умелые действия. Старшего лейтенанта Фоменко и сержанта Меньшикова представляю к награде орденами» [Малиновский, 1946]. Они действительно были награждены, но не за участие в штурме Кёнигсберга, а за участие в боях на Земландском полуострове. Оба были удостоены ордена Отечественной войны II степени [Там же, ф. 33, оп. 687572, д. 1405, л. 125].

После этого, обойдя Верхний пруд с юга, танки батальона очистили от противника район современных улиц Курортной, Линейной и Потёмкина, примыкавший к ул. Александра Невского. Затем батальон был выведен из боя и сосредоточился «в квартале 37а» (ул. Горького, 125—187) [Там же, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 116].

На этом бои в Кёнигсберге для танков «Лембиту» окончились. Бригада была выведена в резерв фронта и утром 10 апреля «сосредоточилась в районе леса севернее Квандиттен (Переславское), готовя себя к боевым действиям в западном направлении» [Там же]. Что же касается потерь, то за четверо суток было потеряно сгоревшими 4 и подбитыми 12 танков, из них было восстановлено 8 машин [Там же, ф. 3225, оп. 1, д. 3,

¹² Леонид Андреевич Фоменко — в 1945 г. старший лейтенант, командир взвода танков.

¹³ Александр Иванович Меньшиков — в 1945 г. сержант, заряжающий, затем командир орудия.

л. 137]. Таким образом, всего было потеряно только 6 танков из 39. Для ожесточенных городских боев, в которых танки быстро потеряли прикрывавшую их пехоту, эти потери можно считать минимальными.

А потом были бои на Земландском полуострове. В ожесточенном бою за Гермау (Русское) бригада потеряла больше половины своих машин, а закончила свой боевой путь под Тенкитеном (Береговое). Часть танков была передана 23-й отдельной танковой бригаде, а оставшиеся — бригадам 1-го танкового корпуса [ЦАМО, ф. 3225, оп. 1, д. 9, л. 116—118]. «Вскоре после Дня Победы в бригаду (вероятно, в корпус. — *А. Н.*) прибыли представители Эстонии. Они осмотрели танки (надписи мы сохранили, хотя в соответствии с наставлениями по хранению танков на башнях должен быть только номер машины), рассматривали заделанные пробоины, а вечером мы отчитывались перед ними о наших боевых делах» [Гаврилов, 1974].

Глава 3

ВОСТОЧНО-ПРУССКАЯ ВОЕННАЯ КАМПАНИЯ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ И В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Гумбинненская или Гумбиннен-Гольдапская операция 3-го Белорусского фронта? Терминологический конфликт или субъективное наследие?

В августе 1944 г., завершая операцию «Багратион», пройдя с боями территории Белорусской и Литовской Советских Социалистических Республик, войска Красной армии вышли на подступы к границе Германии на восточнопрусском направлении. Сосредоточенная в Восточной Пруссии крупная немецкая группировка угрожала советским войскам, действовавшим на варшавско-берлинском направлении. Успех же в Юго-Восточной Прибалтике мог заставить немецкое командование снять с центрального или другого направления часть сил и средств для оказания помощи вермахту в восточной провинции. Необходимо было решить восточнопрусскую проблему.

Операция по вторжению (первоначальное, неформальное название) в Восточную Пруссию имела важнейшее политическое значение для воюющих сторон, ибо советские войска смогли вступить на землю агрессора, а немецкие войска и население провинции воочию убедились в близости неотвратимого возмездия за то, что было совершено на территории СССР. Война возвращалась к своим истокам.

Битва за Восточную Пруссию была предопределена.

Пятого октября 1944 г. на восточном берегу р. Неман началась Мемельская наступательная операция, проводимая силами 1-го Прибалтийского фронта и 39-й армии 3-го Белорусского фронта. Девятого октября войска 39-й армии генерала И. И. Людникова первыми перешли границу Германии [История Великой Отечественной войны, 1962, с. 128].

Этот и другие тактические успехи проникновения на территорию противника, при всей их важности, не получили должной известности, что вполне оправданно: считалось, что эта территория принадлежала Литовской ССР (так называемый Мемельский, впоследствии Клайпедский край), а в 1939 г. была оккупирована Германией.

Операция по вторжению Красной армии в Восточную Пруссию прошла с 16 по 27 октября 1944 г. В ходе ее войска 3-го Белорусского фронта, прорвав полевую оборону немцев на территории Литвы в непосредственной близости от границы Восточной Пруссии, преодолели вслед за этим мощную линию долговременных железобетонных сооружений противника, расположенных вдоль границы, вторглись на территорию Германии и, развивая наступление, овладели городами Ширвиндт, Эйдткунен, Шталлупёнен и вышли на подступы к Гумбиннену.

Итоги операции подвел приказ Верховного Главнокомандующего, отметившего, что войска 3-го Белорусского фронта «прорвали долговременную, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую границы Восточной Пруссии, и вторглись в пределы Восточной Пруссии на 30 км в глубину и 140 км по фронту» [Приказы Верховного Главнокомандующего, 1975, с. 258—260].

Октябрьские бои 1944 г. в Восточной Пруссии были документированы уже через полтора месяца после их завершения. К 7 декабря 1944 г. полковником Васильевым и майором Бельским был подготовлен отчет о прошедшей операции на гумбинненском направлении — это было первое упоминание названия направления, впоследствии легшего в основу терми-

на «Гумбинненская наступательная». Графическую часть отчета составили схемы, выполненные в цвете майором Бельским (широко используемые ныне повсеместно, без указания авторства. — *Г.К.*) (Материалы к разбору наступательной операции 3-го Белорусского фронта на гумбинненском направлении 16—27 октября 1944 г.) [ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 506].

Первые десять лет после Победы об этой операции практически ничего не было известно. Так, в 1947 г. в дополнительном томе первого издания Большой советской энциклопедии просто сообщается, что 23 (?) октября 1944 г. войска генерала армии И. Д. Черняховского вторглись в Восточную Пруссию [Большая советская энциклопедия, 1947, с. 723—724]. И всё.

В последующем в открытой советской литературе, как правило в справочно-энциклопедических изданиях, постепенно стала появляться информация о боях в Восточной Пруссии, но в основном пропагандистского характера (см., напр.: [Минц, 1947; Большая советская энциклопедия, 1951]).

Началом же процесса профессионального обращения к исследованиям событий 1944 г. на приграничной территории Восточной Пруссии послужили два совершенно не связанных между собой обстоятельства:

— выход в свет (1954 г., ФРГ), перевод и издание в СССР мемуаров немецкого генерала К. Типпельскирха «История Второй мировой войны», где сообщалось об успехе в сражении под Гумбинненом немецкой армии, контрударом 5 ноября 1944 г. вернувшей себе восточнопруссский город Голдап [Типпельскирх, 1956];

— назначение в Министерстве обороны СССР на должность заместителя министра по вопросам военной науки Маршала Советского Союза А. М. Василевского [Александр Михайлович Василевский].

Со слов А. М. Василевского известно, что еще в конце 1940-х гг. И. В. Сталин негативно отнесся к предложению сво-

его маршала написать воспоминания о прошедшей войне: «...писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, в этих мемуарах не будет должной объективности» (цит. по: [Василевский, 1978, с. 4]).

Так получилось, что назначение Василевского куратором советской военной науки совпало с активизацией научно-издательской деятельности в Министерстве обороны СССР, да и в целом по стране.

В середине 1950-х гг. появились не только переводы мемуаров немецких генералов, но и первые публикации исследований российских ученых по истории Великой Отечественной войны. Советские исследователи, особенно того времени, хорошо знали особенности военных биографий своих выдающихся маршалов — и их успехи, и их неудачи. Была такая неудача у А. М. Василевского, относящаяся к началу битвы за Восточную Пруссию осенью 1944 г. Четверть века спустя после победы А. М. Василевский весьма негативно высказался о Гумбинненской операции, отметив «неудачные попытки прорваться в пределы Восточной Пруссии», после чего войска 3-го Белорусского фронта перешли «к жесткой обороне» [Василевский, 1969, с. 36].

Особенность такого высказывания заключалась в том, что маршал Василевский осенью 1944 г. как представитель Ставки ВГК координировал действия войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Войска тогда не смогли сразу взять Мемель, вторжение в Восточную Пруссию состоялось, однако задачи, поставленные перед войсками генерала Черняховского, в целом выполнить не удалось. Директива Ставки сообщала, что А. М. Василевский освобождается «от руководства операциями 3-го Белорусского фронта» [Директива Ставки ВГК № 220259, 1999, с. 168].

Казалось бы, ничего особенного не произошло, А. М. Василевский остался по-прежнему Представителем Ставки, но уже на другом, не главном направлении. Затем, после гибели Чер-

няховского, возглавил командование 3-м Белорусским фронтом. Но негативный осадок в душе Василевского явно сохранился. Впоследствии в своих мемуарах он практически не упоминает о Гумбиннской операции.

Ученые академических научных структур, военные специалисты, несомненно, были знакомы с такой ситуацией. Однако исследования в области военной истории велись, надо было рассказывать и о событиях на восточнопрусском направлении — и без описания боев осенью 1944 г. было не обойтись. Тем более, что об этом уже начали рассказывать немецкие участники войны. Так получилось, но из странной ситуации выход «подсказал» Типпельскирх, упомянувший в своих мемуарах Гольдап.

В документах 3-го Белорусского фронта этот топоним упоминается как один из пунктов (всего их было три) рубежа (линии на карте), на который должны были выйти войска Черняховского на 8—10-й день операции (см. прил. 2) [Директива Ставки ВГК № 220235, 1968, с. 128]. Город располагался значительно южнее направления главного удара фронта, на стыке флангов 11-й гвардейской и 31-й армий. Прикрытый с запада крупным лесным массивом, Гольдап в оперативном отношении особой роли не играл. К концу октябрьской операции он был взят советскими войсками, а в начале ноября 1944 г., во многом из-за несогласованности действий командований наших обеих армий, немцам удалось отбить город.

Можно понять немецкого генерала, который описывает неудачную кампанию, стремясь хоть как-то скрасить общий негатив. Он и вводит в оборот название небольшого прусского населенного пункта. Насколько объективно необходимо было вводить в научный оборот данный топоним отечественным исследователям — вопрос спорный. Но что произошло, то произошло.

В советских научных изданиях начинают появляться упоминания двух терминов, используемых при описании боев в октябре 1944 г. В частности, в академическом издании «Очер-

ков истории Великой Отечественной войны» 1955 г. сообщалось, что «Восточно-Прусская операция явилась развитием успехов, достигнутых в 1944 г., когда советские войска вышли к границе Восточной Пруссии, а на *гумбинненском и гольдапском* (здесь и далее выделено автором. — Г.К.) направлениях вторглись в ее пределы» (цит. по: [Очерки истории Великой Отечественной войны, 1955, с. 439]). Началась своего рода корректировка известной Директивы Ставки ВГК от 3 октября (прил. 2), приведшая затем к приданию обычному восточно-прусскому населенному пункту оперативного звучания. Эта корректировка имела место даже в закрытых в то время изданиях Генерального штаба. В одном из них отмечалось:

На участок фронта между р. Неман (у Юрбурга) и Августовом вышли войска 3-го Белорусского фронта, которые прорвали на *гумбинненском и гольдапском* направлениях пограничные укрепления противника и продвинулись в глубь Восточной Пруссии от 20 до 45 км [Операции Советских Вооруженных сил, 1959, с. 29].

Получилось так, что научной общественности было объявлено о событиях в ходе вторжения советских войск в Восточную Пруссию в октябре 1944 г., не ущемляя при этом самолюбие одного из главных его участников. Пусть не полное описание этих событий, но хотя бы упоминание, тем более как бы закамуфлированное.

Здесь стоит отметить, что не все исследователи пошли по этому пути. В частности, известные военные историки генералы С.П. Платонов и Н.Г. Павленко и полковник И.В. Пароткин в военно-историческом очерке о Второй мировой войне не стали корректировать содержание Директивы Ставки и сообщили о наступлении «войск 3-го Белорусского фронта на *гумбинненском направлении*» [Вторая мировая война, 1958, с. 624].

О наступлении на *гумбинненском направлении* сообщалось и в четвертом томе «Истории Великой Отечественной войны 1941—1945», изданном в 1962 г. [1962, с. 362].

Дуализм в процессе подходов к оценке фронтовой операции проявил Б. С. Тельпуховский. Он в одной работе мог сообщить, что войска 3-го Белорусского фронта «на гумбинненском и гольдапском направлениях вторглись в ее (Восточной Пруссии. — Г. К.) пределы» (цит. по: [Очерки истории Великой Отечественной войны, 1955, с. 439]), а в другой — провали «долговременную глубоко эшелонированную оборону врага на гумбинненском направлении» (см., напр.: [Тельпуховский, 1959, с. 396]).

И все же в канун двадцатилетия Победы в «Военно-историческом журнале» появились первые документы с расширенными комментариями о событиях осени 1944 г. в Восточной Пруссии. Тогда же в полной мере стало использоваться название операции — *Гумбинненская наступательная*, — о котором прежде вообще как бы «стеснялись» говорить [Алексеев, 1964, с. 119—122; 1969].

Затем, в канун уже четвертьвекового юбилея Победы, особую роль в историографии Гумбинненской операции сыграл военно-научный труд К. Н. Галицкого, командующего 11-й гвардейской армией, опубликованный в 1970 г. [Галицкий, 1970]. В нем были не только изложены особенности боевых действий гвардейцев во фронтовой операции, но и легализован термин «Гумбинненская наступательная операция 1944 г.», который прочно вошел в научный военный лексикон.

По сути, участники войны не поддержали мнение А. М. Василевского о боях в Восточной Пруссии осенью 1944 г. Показателем этого отношения может выступать известный справочник «Освобождение городов», выпущенный под редакцией генерала армии С. П. Иванова [Освобождение городов, 1985, с. 116, 164, 261 и др.]. Использование в нем термина «Гумбинненская наступательная операция» выглядит вполне уместным. Так же, как и в мемуарах генерала М. Г. Григоренко [1989], впоследствии руководившего возведением символа Победы в Восточной Пруссии — мемориального комплекса 1200 гвардейцам в Калининграде.

Однако научные исследования ветеранов войны или с их участием с течением времени появлялись всё реже и реже...

Новое обращение к истории Гумбинненской операции 1944 г. состоялось на рубеже веков, когда появились статьи, монографии, излагающие более современные взгляды на ее подготовку и ведение, а также оценку результатов сражения. Взгляды весьма противоречивые.

Высказанная в свое время маршалом Василевским негативная оценка Гумбинненской операции сохранилась в историографии. Скорее всего, именно исходя из данного обстоятельства — но не как наследство Типпельскирха! — изменилось и ее название: она стала *Гумбиннен-Гольдапской*, причем самостоятельную фронтовую операцию стали считать частью Прибалтийской стратегической наступательной операции (см., напр.: [Россия и СССР в войнах XX века, 2001, с. 316; Падение прусской цитадели, 2004, с. 2]).

Впрочем, двойное название направлений (гумбинненское и гольдапское) по-прежнему сохранилось, используется даже в изданиях самого высокого уровня (см., напр.: [Великая Отечественная война, 2013, с. 220]).

**«Русским нужен незамерзающий порт на Балтике»
(К вопросу об истории передачи Кёнигсберга
Советскому Союзу)**

Отношения между двумя соседями — Россией и Германией (Пруссией) — развивались сложно. Были довольно длительные периоды, когда две страны тесно взаимодействовали на европейской и мировой арене, что шло на пользу им обоим. Но периодически к власти в Германии (Пруссии) приходили очередные претенденты на европейскую гегемонию, и тогда происходил разрыв, что напрямую влияло на судьбу приграничной провинции Германии (Пруссии) — Восточной Пруссии. Так, в XVIII в. прусский король Фридрих II стал инициа-

тором Семилетней войны, куда оказалась втянута и Россия. В результате Восточная Пруссия была включена в состав Российской империи, и лишь приход к власти в России таких правителей, как Петр III и Екатерина II, лишил россиян возможности утвердиться в Южной Прибалтике уже в те далекие времена.

Вторая попытка вернуться в качестве хозяев в Восточную Пруссию Россия предприняла в ходе Первой мировой войны, но Восточно-Прусская операция закончилась поражением русских войск, что сохранило пребывание немцев на этой территории еще на 30 лет.

Третий шанс вернуться в эти прекрасные места открылся перед правопреемником Российской империи Советским Союзом в годы Второй мировой войны, когда нацистская Германия совершила роковую для себя ошибку, напав на СССР. Именно на полях сражений Великой Отечественной войны была решена судьба Восточной Пруссии как германской провинции и Кёнигсберга как ее столицы. Но не только там. Она стала предметом длительной и острой борьбы и на дипломатическом фронте. Буквально с первых дней Великой Отечественной войны начала вырисовываться сложная связка проблем: западные рубежи СССР 1941 г., новые границы Польши, послевоенная участь Германии. Свое место среди них занимало и будущее Восточной Пруссии.

Новые западные границы СССР, появившиеся после разгрома Польши в 1939 г., стали предметом острой критики на Западе. Изменения начали происходить после нападения Германии на СССР. Британское правительство горячо приветствовало появление нового союзника. Еще бы — переключение внимания Гитлера на Восток давало англичанам столь желанную передышку.

Началось формирование антигитлеровской коалиции. Одним из шагов в этом направлении, как считали англичане, должно было стать восстановление дипломатических отноше-

ний СССР с польским эмигрантским правительством в Лондоне. Советский Союз также был заинтересован в расширении числа своих союзников. В Англии при посредничестве министра иностранных дел А. Идена начались переговоры между советскими и польскими представителями. И сразу же зашли в тупик. Польские лидеры все еще не могли забыть золотое для них время 1920-х гг., когда Польша оказалась самым сильным в военном отношении государством в этом регионе, к тому же пользовавшимся поддержкой ведущих мировых держав — Англии и Франции. Поэтому они попытались добиться от СССР существенных уступок, в частности потребовали признания Москвой границ предвоенного времени, возмещения убытков от пребывания советской власти на территории Западной Украины и Белоруссии, сохранения полной независимости польской армии на территории СССР и т. д., тем самым демонстрируя откровенное нежелание считаться с интересами Советского Союза.

Москва постаралась жестко поставить поляков на место. Советское правительство заявило: «Мы стоим за создание независимого польского государства в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР...» [Советско-английские отношения, 1983а, с. 63]. Другими словами, вопрос о западных границах СССР обсуждению не подлежал. При этом было подчеркнуто, что в случае отказа польской стороны от достижения реального соглашения Советский Союз прекрасно обойдется без подобного договора. Англия как посредник оказалась в непростой ситуации. У. Черчилль так писал об этом в своих мемуарах:

Наше вступление в войну с Германией явилось прямым результатом наших гарантий Польше. Мы были обязаны поддерживать интересы нашего первого союзника... Но и не могли заставить нового союзника, очутившегося в большой опасности, отказаться хотя бы на бумаге от приграничных областей, которые он на протяжении ряда поколений считал жизненно важными для своей безопасности [Черчилль, 1991б, с. 183].

Так что англичанам пришлось учесть твердую позицию Советского правительства и рекомендовать польским представителям отложить решение территориального вопроса до лучших времен. В результате текст достигнутого соглашения содержал подчеркнуто туманную формулировку: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу» [Внешняя политика СССР, 1947, с. 40]. Каждая сторона могла трактовать эту формулу по-своему. При этом британское министерство иностранных дел в официальной ноте польскому правительству поспешило успокоить поляков, подтвердив свою прежнюю позицию: «...Правительство Его Величества не признает никаких территориальных изменений, произведенных в Польше после августа 1939 года» [Черчилль, 1991а, с. 183]. В дальнейшем полякам предстоит на своем опыте понять всю искренность и прочность таких заявлений.

Принцип неизменности границ был подтвержден западными державами в Атлантической хартии — документе, определявшем цели борьбы антигитлеровской коалиции: «1) США и Великобритания не стремятся к территориальным и ли другим приобретениям. 2) Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов» [Советско-английские отношения, 1983а, с. 131]. На межсоюзнической конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. Советское правительство заявило о присоединении к Атлантической хартии, отметив, правда, при этом, что «практическое применение указанных выше принципов неизбежно должно будет соотноситься с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны» [Там же, с. 130].

Настойчивое стремление сохранить в составе СССР территории, вошедшие в Союз к началу войны с Германией, ставило тем не менее перед Советским правительством задачу найти какие-либо способы компенсации Польше. Реально сделать это было можно только за счет Германии. В Москве считали,

что западные союзники против такого подхода возражать не будут. Москва исходила из того, что британские руководители в принципе уже согласились с новыми западными границами Советского Союза. Там знали, что еще осенью 1939 г. представители Министерства иностранных дел Великобритании сделали ряд заявлений, в которых подчеркивалось, что будущая Польша должна была быть восстановлена на этнографической основе [Прибалтика и геополитика, 1975, с. 275—276, 294]. Тем более, что в правящих кругах Запада уже с первых дней войны звучали предложения о грядущем расчленении Германии. Так, 22 ноября 1941 г. в своем послании Сталину У. Черчилль писал:

Когда война будет выиграна, в чем я уверен, мы ожидаем, что Советская Россия, Великобритания и США встретятся за столом конференции как три главных участника и как те, чьими действиями будет уничтожен нацизм. Естественно, первая задача будет состоять в том, чтобы помешать Германии и в особенности Пруссии напасть на нас в третий раз [Переписка Председателя Совета Министров СССР, 1989, с. 44].

Идея обезоруживания Германии путем ее расчленения получила тогда полную поддержку в Москве.

Задача конкретизации совместных действий вызвала необходимость обсуждения с Советским правительством вопросов, касавшихся целей войны и послевоенной организации мира. Для переговоров в Москву отправился министр иностранных дел Великобритании А. Иден. Накануне поездки Идена посол СССР Майский встретился с премьер-министром. Он сообщил о позиции Черчилля:

По вопросам послевоенного порядка Черчилль заявил, что основная задача состоит в том, чтобы раз и навсегда ликвидировать германскую опасность. Для этого необходимо полное разоружение Германии по крайней мере на целое поколение, раздробление Германии на части, прежде всего отделение Пруссии от остальных частей Германии [Советско-английские отношения, 1983а, с. 182].

Точка зрения Черчилля подвигла Сталина на прямую постановку вопроса. В ходе переговоров с Иденом он предложил дополнить договор о послевоенном урегулировании секретным протоколом, содержащим общую схему реорганизации европейских границ после войны. Сталин считал возможным восстановить Австрию как самостоятельное государство, отчленить Рейнскую область от Пруссии (в качестве либо отдельного государства, либо протектората), предоставить самостоятельность Баварии. Восточную Пруссию предполагалось отдать Польше, а Судетскую область — Чехословакии [Черчилль, 1991а, с. 286]. В одном из проектов протокола прозвучало предложение часть Восточной Пруссии с Кёнигсбергом передать СССР сроком на 20 лет в качестве гарантии возмещения понесенных Советским Союзом убытков от войны с Германией [СССР и германский вопрос, 1996, с. 138]. (Видимо, отсюда и идет нынешний миф о временном характере пребывания Калининградской области в составе Российской Федерации.) Сталин высказал также пожелание, чтобы была признана западная граница СССР 1941 г. и в основу будущей советско-польской границы была положена линия Керзона [Советско-английские отношения, 1983а, с. 188—191].

Требование Советского Союза было отклонено. Объяснялась такая позиция просто. Черчилль писал Идену в начале января 1942 г.:

Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и где окажутся армии-победительницы к концу войны. Однако представляется вероятным, что Соединенные Штаты и Британская империя далеко не будут истощены и будут представлять собой наиболее мощный по своей экономике и вооружению блок, какой когда-либо видел мир, и что Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для восстановления страны в гораздо большей степени, чем мы будем тогда нуждаться в его помощи [Черчилль, 1991а, с. 311].

Позицию Англии целиком разделяло правительство США. В ходе войны последовательно проводилась основная линия американской дипломатии:

Не обсуждать проблем грядущего с союзниками, не связывать себе руки обязательствами, полагаться на то, что гигантская мощь США автоматически станет основой послевоенного мирового порядка, а всякие предварительные договоренности способны лишь помешать [Уткин, 1990, с. 170—171].

Накануне поездки Идена в Москву государственный секретарь США К. Хэлл уведомил его, что американское правительство категорически возражает против удовлетворения предложений СССР и заключения с ним соответствующего договора, ссылаясь на Атлантическую хартию [История дипломатии, 1975, с. 219].

Другими словами, для Великобритании, как, впрочем, и для США вопрос о будущей польской границе с СССР был предметом возможного торга с целью обеспечить максимальные выгоды для себя в послевоенном мире. В свою очередь это поддерживало претензии польской стороны. Разведывательные данные советских агентов в Англии подтверждали твердое намерение лондонских поляков восстановить Польшу в границах 1921 г. и продолжать после войны откровенно антисоветский курс [Очерки истории российской внешней разведки, 1999, с. 461]. При этом они были готовы включить в состав будущего польского государства Померанию, Познань, Силезию, Восточную Пруссию и Данциг. Польша должна была, согласно их планам, также получить базы в западной части Балтийского моря. В идеале поляки предполагали создание в этом регионе федерации в составе Польши, Литвы, Чехословакии, Венгрии и Румынии. Польских деятелей при этом не смущал тот факт, что к началу войны Литва входила в состав Советского Союза. А с целью недопущения в регион Советского Союза они считали желательным сохранить в этой части Европы преимущественное влияние Великобритании [Лубянка, 2006, с. 355—359]. В. Сикорский обсуждал эту идею и с президентом США Ф. Рузвельтом, который, по его словам, ее полностью поддержал, хотя официальные представители госдепартамента это сообщение в дальнейшем отвергли [Прибал-

тика и геополитика, 1975, с. 275—276, 294]. О будущих границах Польши шел разговор с Сикорским в ходе визита Молотова в Великобританию летом 1942 г., впрочем, с тем же результатом. Не могли советские представители в Англии не заметить периодические всплески антисоветских заявлений польских деятелей, что, кстати, вызывало недовольство даже британских властей, которые высказывали полякам свое опасение, что подобные заявления могут привести к ухудшению отношений между союзниками [Там же, с. 204, 231]. Ссориться с СССР из-за польских эскапад англичане не хотели. Но и Советское правительство в условиях продолжавшихся неудач на фронте пока еще нуждалось в помощи союзников и ссориться с теми же поляками пока не собиралось.

Англичане первыми поняли необходимость каких-либо уступок советскому партнеру. Для них ценность восточного фронта, оттягивавшего на себя основные силы немцев, была более очевидна, чем для американцев, пребывавших в гораздо большей безопасности за океаном. К тому же в Лондоне сохранялись опасения, что явно недостаточная помощь со стороны союзников, невыносимые тяготы войны могут оживить в памяти Сталина брест-литовский вариант. Иден разъяснял позицию своего правительства в письме послу Великобритании в США Галифаксу: «Мы не можем игнорировать тот факт, что наши отношения с Россией определено неудовлетворительны...». Отказ соглашаться на требование Советского правительства относительно границ станет «подтверждением его подозрений, что ни мы, ни Соединенные Штаты не намерены должным образом учитывать интересы СССР, что мы хотим, чтобы Россия продолжала воевать за английские и американские цели, и что мы не против взаимного истощения России и Германии» (цит. по: [История дипломатии, 1975, с. 259]).

Американское правительство, однако, оставалось непреклонным. В конце года должны были состояться выборы в конгресс, в США жили большие группы выходцев из Польши и Прибалтики, и Рузвельт не хотел рисковать голосами изби-

рателей. Он отклонил предложение англичан, но считал необходимым подсластить пилюлю русским. Двенадцатого марта он пригласил к себе посла СССР в США М. М. Литвинова и в беседе с ним высказался против заключения между СССР и Англией секретного договора, ссылаясь на существование Атлантической хартии. Но продемонстрировал принципиальное согласие с позицией по отношению к Германии, заявив, что ее придется разоружить, а Восточную Пруссию у нее отнять [Кынин, 1995, с. 228—229]. Уже это было признанием в Соединенных Штатах возросшего влияния и авторитета СССР.

Ситуация резко изменилась к началу 1943 г. Советский Союз, разгромив немцев под Сталинградом, фактически предопределил судьбу нацистского рейха и стал превращаться в силу, не считаться с которой было невозможно. А значит, период неопределенности и недомолвок отходил в прошлое. Вопрос о будущей судьбе мира и Германии стал превращаться из теоретического в практический. Ясно было абсолютно всем — нельзя было позволить немцам избежать ответственность за свои деяния. Нельзя было допустить, чтобы и на этот раз в Германии сохранялись иллюзии в том, что она вышла из новой войны непобежденной, как это произошло после Первой мировой.

Урок прошлого был усвоен. В январе 1943 г. на конференции в Касабланке Рузвельт и Черчилль провозгласили требование безоговорочной капитуляции Германии и ее союзников. Такой финал войны означал фактическое лишение побежденной страны статуса субъекта, т. е. полноправного участника международных отношений, и превращал ее в объект воздействия стран-победительниц. Другими словами, предоставлял победителям полную возможность поступать с Германией так, как они сочтут необходимым, без какого-либо согласия самих побежденных и без права обжалования таких решений в будущем. Впрочем, как сказал когда-то А. Иден, «в отношении Германии нет ничего незаконного» [Там же, с. 98]. Провоз-

глашение принципа полной и безоговорочной капитуляции, поддержанного и Советским Союзом, стало первым реальным шагом в решении судьбы Восточной Пруссии.

Изменение отношения США и Великобритании к Советскому Союзу беспокоило лидеров польской эмиграции. Двадцать пятого февраля 1943 г. правительство В. Сикорского сделало заявление, в котором вновь подчеркнуло свое отношение к территориальному вопросу:

Польское правительство, представляющее Польшу в тех границах, в которых она, первая из Объединенных Наций, вступила в навязанную ей борьбу, неизменно придерживалось с момента заключения польско-советского договора от 30 июля 1941 года той позиции, что в вопросе о границах между Польшей и Советской Россией сохраняется статус-кво, существовавший до 1 сентября 1939 года, и считает, что подрыв этой позиции, соответствующей Атлантической хартии, вредит единству Объединенных Наций [Внешняя политика СССР, 1947, с. 264—265].

По своей сути это заявление было своеобразным зондажем взглядов западных союзников СССР. При этом поляки попытались подкрепить свои требования уверениями Запада в том, что после войны именно Польша станет самым могущественным государством в Восточной Европе, так как Германия будет сокрушена, а Россия чрезмерно ослаблена [Шервуд, 1958, с. 378]. Руководители США и Великобритании расценили заявление поляков как явный блеф, а реакция Москвы была моментальной. Ответом полякам стало Сообщение ТАСС от 3 марта, которое осудило «империалистические наклонности» польского правительства. В ходе встречи советского посла И. М. Майского с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом Майский подчеркнул, что в послевоенной Европе решающей силой станет Советский Союз и полякам лучше было бы с этим считаться и вести себя более скромно. Он отметил коренную слабость польских политических деятелей, а именно нежелание считаться с реальными возможностями:

Сущность государственной мудрости состоит в том, чтобы ставить себе в политике цели, совместимые с имеющимися в твоём распоряжении силами и средствами. Поляки никогда не поступали в соответствии с этим принципом. Наоборот, они почти всегда гонялись за синими птицами...: на рубль амбиции, на грош амуниции [Майский, 2009, с. 237—239].

В конце беседы советский посол открыто заявил, что Советское правительство будет готово всемерно сотрудничать с польским правительством широкого национального фронта [Там же, с. 239].

В Вашингтоне и Лондоне сигнал из Москвы поняли абсолютно правильно. В марте в Вашингтоне состоялись переговоры Ф. Рузвельта с А. Иденом, в ходе которых особое место занял вопрос о послевоенном мирном урегулировании. Оба лидера согласились, что придется удовлетворить требование СССР о включении в его состав Прибалтики, Бессарабии, а также бывших польских территорий до линии Керзона. Польша же могла получить компенсацию за счет Восточной Пруссии, население которой должно было быть переселено [Шервуд, 1958, с. 376—379]. Собеседники с явным раздражением восприняли чрезмерные, по их мнению, притязания поляков. Президент США сказал, что «в конце концов **великим державам** (выделено мной. — А.З.) придется решать, что именно должна получить Польша» и что он не намерен отправляться на мирную конференцию, чтобы торговаться там с Польшей или с другими малыми государствами [Там же, с. 378—379]. Переговоры весной 1943 г. в значительной степени расставили точки над «i» и представляли собой второй и решающий шаг в определении судьбы Восточной Пруссии.

Принципиально близкая позиция великих держав в отношении Польши дала возможность советскому руководству окончательно показать свое отношение к поведению польского правительства. Поводов для недовольства лондонскими поляками у Москвы было достаточно, но чашу терпения пе-

реполнило заявление о Катыни. Тринадцатого апреля 1943 г. сообщение о найденных немцами телах польских офицеров, расстрелянных, по их словам, Советами, было опубликовано в Германии. Уже 16 апреля прозвучало публичное обращение Польского правительства к Красному кресту с просьбой об отправке комиссии по расследованию данного дела, причем никаких сомнений в причастности Москвы к катынскому делу у него не было: «...честь Польши и человеческая справедливость требуют разорвать завесу молчания и вынести приговор советскому правительству (курсив мой. — А.З.)» (цит. по: [Фейс, 2003, с. 177]).

Демарш польского правительства послужил поводом для открытого разрыва. В центральной газете СССР «Правда» 18 апреля была опубликована гневная передовая статья под названием «Польские сотрудники Гитлера» [Внешняя политика Советского Союза, 1946, с. 452—453], а 21 апреля прозвучало Заявление ТАСС, в котором были подтверждены обвинения в адрес правительства Сикорского как пособника нацистов [Там же, с. 451]. В идентичных по содержанию письмах президенту США Ф. Рузвельту и премьер-министру Великобритании У. Черчиллю от того же числа И. В. Сталин писал:

То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плане, — это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и правительством г. Сикорского имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании... Все эти обстоятельства вынуждают Советское правительство признать, что нынешнее правительство Польши, скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу. На основании всего этого Советское правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством [Печатнов, Магадеев, 2015, с. 429—431].

Советское правительство открыто пошло на создание альтернативной Лондону политической силы, предназначенной взять власть в будущей освобожденной Польше и более расположенной реально взглянуть на проблему границ.

Лето и осень 1943 г. — решающий этап в определении послевоенной судьбы Германии. В принципе все три великие державы были согласны в одном: Германия должна быть ослаблена до такой степени, чтобы еще долгие годы не смогла представлять собой угрозу миру. В августе 1943 г., перед встречей Рузвельта и Черчилля в Квебеке (1-я Квебекская встреча), созданный президентом США консультативный комитет по вопросам послевоенной внешней политики подготовил меморандум, озаглавленный «Расчленение Германии» [Кынин, 1995, с. 102]. Аналогичные предложения выдвигал британский Форин-офис [Советско-английские отношения, 1983а, с. 370]. Согласие обоих лидеров в Квебеке было достигнуто [Лан, 1978, с. 100]. Тогда же руководители США и Англии признали ключевую значимость СССР для достижения победы:

Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и **надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиваться ее дружбы** [Шервуд, 1958, с. 431] (Выделено мной. — А. З.).

Предложения по расчленению Германии выдвигались и в СССР. В июне 1943 г. по поручению Молотова изучением проблем послевоенного устройства Германии занялся посол в резерве НКВД Я. З. Суриц. Он подготовил ряд записок по данному вопросу. Среди разных вариантов был и такой: «Расчленение германского рейха путем отделения от него и раздробления на несколько политических единиц Пруссии» [Кынин, 1995, с. 103, 105—106]. Не менее радикальными стали и предложения комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД, созданной специальным постановлением Совнаркома СССР 4 сентября 1943 г. Впоследствии свои предложения в комиссию представили академики

Е. С. Варга и Е. В. Тарле, причем во всех случаях подчеркивалась необходимость отделения от Германии Пруссии. Как писал Тарле, анализ исторических данных убедительно показывает: «...безопасность России повелительно требует: 1. Обезвреживания Пруссии, без чего немислимо прекращение попыток новой агрессии со стороны Германии...» [Кынин, 1995, с. 106]. Был затронут и вопрос о послевоенных польских границах. В принципе советские эксперты были согласны с включением в состав Польши Восточной Пруссии (без Кёнигсберга и Мемеля), Силезии и Померании, хотя существовали опасения, что получившая эти земли Польша все равно останется недовольной утратой восточных территорий и будет представлять собой враждебную СССР силу. Так что высказывалось предложение решать этот вопрос с учетом действительного отношения поляков к СССР и его союзникам [СССР и германский вопрос, 1996, с. 266, 286—295].

Вопрос о польских границах и судьбе Восточной Пруссии был решен на Тегеранской конференции глав трех великих держав 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Инициативу в свои руки был вынужден взять британский премьер-министр. Союзники все еще не открыли второй фронт в Европе, Москву надо было любым способом улестить, и Черчилль сделал решительный шаг. В ходе неофициальной встречи со Сталиным 28 ноября он предложил сдвинуть все границы на запад: советскую — до линии Керзона, а польскую — до Одера. Сталин идею Черчилля о передвижении границ, естественно, одобрил. Она полностью соответствовала позиции СССР.

Официальное оформление решения о границах произошло на заседании конференции 1 декабря. Черчилль снова внес свое предложение о переносе границ на запад и предложил формулу: «Очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции» [Советский Союз на международных конференциях, 1978, с. 150]. Предвидя негативную

реакцию лондонских поляков, Черчилль собирался открытым текстом сказать им, что предложенная формула является максимумом, которого можно было добиться от СССР, напомнить им, что, если бы не Красная армия, они были бы полностью уничтожены [Черчилль, 1991б, с. 226].

Тогда, в Тегеране, Сталин всецело использовал сложившуюся ситуацию. Он заявил:

Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кёнигсберг и Мемель и соответствующая часть Восточной Пруссии... Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем [Советский Союз на международных конференциях, 1978, с. 150].

Возражений ни со стороны Черчилля, ни со стороны Рузвельта не последовало. Для обоих лидеров корнем зла для Германии и мира являлась Пруссия, и максимально возможное ослабление и уменьшение ее в размерах представлялось необходимым шагом в умиротворении побежденного врага. К тому же сыграло свою роль и огромное облегчение, вызванное обещанием Сталина вступить в войну с Японией после окончания боевых действий в Европе.

Сразу после Тегерана Черчилль встретился с представителями польского правительства и проинформировал их, что новая граница пойдет по линии Керзона и что Польша получит компенсацию на севере и западе. На севере — Восточную Пруссию (при этом о передаче Кёнигсберга Советскому Союзу он не упомянул). На западе — до Одера. Поляки, как сообщал Черчилль Сталину, начали было торговаться. Но он заявил, что английское правительство не поддержит никаких территориальных претензий Польши сверх указанного [Переписка Председателя Совета Министров СССР, 1989, с. 225—226].

И все же 15 января 1944 г. польское правительство апеллировало к США и Великобритании с просьбой о посредничестве. При этом о линии Керзона не было сказано ни слова.

Сразу же последовало резкое заявление ТАСС, где открыто говорилось — раз поляки не упомянули линию Керзона, значит, они ее отклонили. Советское правительство не может вступать в какие-либо официальные переговоры с польским правительством, с которым прерваны дипломатические отношения. Прерваны, подчеркивалось, по вине поляков [Внешняя политика СССР, 1947, с. 345].

Через две недели в письме к Черчиллю Сталин в самой жесткой форме потребовал, чтобы поляки официально заявили о новой границе по линии Керзона. Причем подчеркнул, что СССР согласился на эту уступку полякам с одним условием:

Об этой поправке я говорил Вам и Президенту в Тегеране. Мы претендуем на то, чтобы северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая порт Кёнигсберг, как незамерзающий порт, отошла Советскому Союзу. Это единственный кусок германской территории, на который мы претендуем. Без удовлетворения этой минимальной претензии Советского Союза уступка Советского Союза, выразившаяся в признании линии Керзона, теряет всякий смысл [Переписка Председателя Совета Министров СССР, 1989, с. 229].

США и Великобритания пошли навстречу советским требованиям. Шестого февраля У. Черчилль в первый раз сообщил премьер-министру Польши Миколайчику о том, Польша получит Восточную Пруссию без Кёнигсберга. Черчилль красочно описал свою мотивировку согласия передачи части территории Восточной Пруссии Советскому Союзу:

Но я сказал, что, по мнению Правительства Его Величества, это является справедливой претензией со стороны России. Рассматривая, как я это делаю, эту войну против германской агрессии как одно целое и как тридцатилетнюю войну, начавшуюся в 1914 году, я напомнил г-ну Миколайчику о том факте, что земля этой части Восточной Пруссии обогрета русской кровью, щедро пролитой за общее дело. Здесь русские войска, наступая в августе 1914 года и выиграв сражение под Гумбинненом и другие битвы, своим наступлением и в ущерб собственной мобилизации заставили немцев снять два армейских корпуса, наступавших на

Париж, что сыграло существенную роль в победе на Марне. Неудача под Танненбергом ни в какой степени не аннулировала этих больших успехов. Поэтому мне казалось, что русские имеют историческую и хорошо обоснованную претензию на эту немецкую территорию [Там же, с. 237].

Да, тогда британские союзники еще хорошо помнили историю. А 22 февраля Черчилль выступил в палате общин, где впервые публично заявил о признании новых западных границ СССР [Советско-английские отношения, 1983б, с. 40].

Кстати, весной 1944 г. после получения принципиального согласия союзников СССР на передачу ему Кёнигсберга и прилегающего к нему района, включая Мемельский край, в советских верхах некоторое время витала идея включения всей этой территории в состав Советской Литвы. Видимо, в Москве было довольно много лиц, по какой-то причине симпатизировавших новой советской республике. Впрочем, здравый смысл все же восторжествовал. По настоянию советских военных, которые видели в Кёнигсберге не просто портовый город, но форпост, позволяющий контролировать южную Балтику, уже летом 1944 г. было решено не передавать его Литве, а оставить регион за Российской Федерацией [Сальков, 2003, с. 36].

Летом 1944 г. изменилась коренным образом ситуация в Польше. В июле на ее территорию вступили советские войска. В Люблине был образован Польский комитет национального освобождения (ПКНО), который объявил польское эмигрантское правительство и его представителей в Польше самозванной властью, толкающей страну к новой катастрофе. «Единственным легальным источником» власти объявлялась Крайова Рада Народова (КРН), объединившая левые силы Польши. С образованием КРН в Польше появился второй центр политической власти, альтернативный лондонскому правительству, по своим взглядам более близкий к Советскому Союзу.

Советское правительство с созданием ПКНО считало ненужным продолжать попытки достучаться до сознания лондонских поляков и добиться их согласия на новые границы. Оно сразу же приступило к оформлению отношений с новой

польской властью. Уже 26 июля в Москве было подписано советско-польское соглашение о границах. В его основу была положена линия Керзона с исправлениями в пользу Польши. К ней отходили Белосток и часть Беловежской пуци. В состав Польши предполагалось включить южную часть Восточной Пруссии и город Данциг (Гданьск) с прилегающей к нему областью. СССР принял на себя обязательство «при определении государственной границы между Польшей и Германией поддерживать требование об установлении границы по рекам Одеру и Нейсе с включением города Штеттина (Щецина) в состав Польши» [История дипломатии, 1975, с. 479].

Достаточно подробно германский и польский вопросы обсуждались на Крымской конференции «большой тройки» в Ялте 4—11 февраля 1945 г. Особых дискуссий по восточной границе Польши не было. Итоговый документ конференции трактовал этот вопрос следующим образом:

Главы Трех Правительств считают, что Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы Трех Правительств признают, что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что вслед за тем окончательное определение Западной границы Польши будет отложено до мирной конференции [Советский Союз на международных конференциях, 1984б, с. 251].

К началу 1945 г. судьба нацистского режима была в принципе определена. Но сопротивлялись немцы отчаянно. На фронт подгребалось абсолютно все. Изощрялась нацистская пропаганда, вселяя в людей страх за содеянное рейхом на оккупированных землях, особенно в СССР. Все чаще над страной стали звучать сирены противоздушной обороны. Под ударами союзной авиации один за другим германские города стали превращаться в груды щебня. Не был обойден внима-

нием и Кёнигсберг. В 1944 г. британская авиация дотла разбомбила центр прусской столицы. А осенью 1944 г. к границам Восточной Пруссии вышли советские войска.

Задача, стоявшая перед ними, была крайне сложной. Восточная Пруссия, колыбель германского милитаризма, была превращена в сплошной военный лагерь. На ее территории была создана мощная система укреплений, включавшая семь оборонительных рубежей и шесть укрепленных районов. К боям готовился каждый дом, каждая высота [Великая Отечественная война, 1985, с. 182]. Но остановить Красную армию было невозможно. Было просто необходимо подтвердить претензии СССР на часть Восточной Пруссии победой над немецкой группировкой, желательно максимально эффективной. Задача была блистательно решена. Тринадцатого января началась Восточно-Прусская операция, 26 января советские войска вышли к Балтийскому морю в районе Эльбинга (ныне город Эльблонг, Польша), 29 января был взят Инстербург (ныне Черняховск Калининградской области), 9 апреля капитулировал Кёнигсберг, 25 апреля была окончательно уничтожена Земландская группировка немцев. Советские войска полностью овладели Пруссией. На этот раз чуда времен императрицы Елизаветы Петровны, на которое в последние дни своей жизни уповал Гитлер, не произошло. На землю Германии пришла расплата, теперь окончательная. Гитлер покончил жизнь самоубийством, и 9 мая 1945 г. представители германского командования подписали акт о полной и безоговорочной капитуляции.

Дорогую цену заплатил наш народ за эту победу. На полях сражений в Восточной Пруссии погибли более 126 тыс. советских солдат, сотни тысяч получили ранения [Гриф секретности снят, 1993, с. 215—216]. Это был поистине массовый героизм. Люди шли на смерть, твердо зная одно: враг должен быть уничтожен, — умирали, свято веря в то, что эта война будет последней, а Германия получит такой урок, что больше никогда с ее территории не нависнет угроза новой войны.

Окончание войны поставило перед победителями новую и крайне сложную задачу — сделать все, чтобы никогда больше с территории Германии не возникала угроза войны. Именно она стояла в центре внимания третьей и последней встречи глав великих держав Объединенных Наций, которая состоялась в Берлине (Потсдаме) 17 июля — 2 августа 1945 г. В центре внимания конференции стоял вопрос о Германии. Основными документами при определении ее судьбы стали крымские соглашения о Германии, Акт о безоговорочной капитуляции Германии, Декларация о поражении Германии, Соглашение о зонах оккупации и об управлении «Большим Берлином», Соглашение о контрольном механизме Германии и т. д. В ходе работы конференции были определены политические и экономические принципы координированной политики трех великих держав. Как говорилось в заключительном сообщении, «союзные армии осуществляют оккупацию всей Германии, и германский народ начал искупать ужасные преступления, совершенные под руководством тех, которым во время их успехов он открыто выражал свое одобрение и слепо повиновался» [Советский Союз на международных конференциях, 1984а, с. 450].

Была разработана программа, предусматривающая искоренение нацизма, милитаризма в стране, ликвидацию военной промышленности или контроль над ней, наказание военных преступников. Германия должна была стать демократической, миролюбивой страной. «Если, — гласило заявление, — собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к достижению этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных мирных народов мира» [Там же].

Большое место на конференции отводилось проблеме новых границ Польши. Как и ранее, в Ялте восточные границы Польши были утверждены без дискуссий. Линия Керзона к этому времени стала общепринятой. Даже бывший премьер-

министр лондонского эмигрантского правительства Миколайчик был вынужден ее признать [Переписка Председателя Совета Министров СССР, 1989, с. 380]. Сложнее обстояло дело с западной границей. По мнению союзников СССР, просоветская Польша получала слишком много. И все же польская делегация, пользовавшаяся всемерной поддержкой СССР, не считаться с которой было невозможно, добилась своего — новая граница по линии Одер — Западная Нейсе была утверждена.

Проект резолюции по Кёнигсбергу обсуждался на заключительном заседании 1 августа. Текст, принятый на заседании министров иностранных дел и предложенный на рассмотрение глав делегаций, гласил:

Конференция рассмотрела предложение Советского правительства о том, чтобы впредь до окончательного решения территориальных вопросов при мирном урегулировании прилегающая к Балтийскому морю часть западной границы СССР проходила от пункта на восточном берегу Данцигской бухты к востоку — севернее Браунберга — Гольдапа к стыку границ Литвы, Польской республики и Восточной Пруссии.

Конференция согласилась в принципе с предложением Советского правительства о передаче Советскому Союзу города Кёнигсберга и прилегающего к нему района, как описано выше. Однако точная граница подлежит исследованию экспертов.

Президент США и премьер-министр Великобритании заявили, что они поддержат это предложение конференции при предстоящем мирном урегулировании [Советский Союз на международных конференциях, 1984а, с. 421].

Так Кёнигсберг и северная часть Восточной Пруссии вошли в состав Советского Союза. Впоследствии на карте Российской Федерации появилась Калининградская область. Мемель и Мемельская область, являвшиеся частью Восточной Пруссии и перешедшие Советскому Союзу, согласно решению советского руководства, были переданы Литовской ССР.

Потсдамская конференция стала событием огромного международного значения. Она венчала собой многолетние

усилия стран-участниц антигитлеровской коалиции по разгрому нацизма. Она представляла исключительно плодотворную попытку не просто зафиксировать результаты победы, но заложить на долгие годы основные принципы мирного сосуществования народов на планете. Победила антифашистская, демократическая концепция послевоенного устройства мира. Решения Ялты и Потсдама во многом определили факт небывало длительного сохранения мира в Европе. Решения Ялтинской и Потсдамской конференций, что бы ни говорили современные критики, — это не акт мести победителей побежденным, это акт возмездия, воплощение идей справедливости и права.

Годы, прошедшие после окончания войны в Европе, убедительно показывают: попытки ревизии итогов Второй мировой войны, решений Ялтинской и Берлинской конференций чреватy огромной опасностью. Такие попытки способны вновь вызвать к жизни демонов реванша, что грозит нарушением установившегося в Европе баланса, а это может привести к катастрофе в мире, насыщенном ядерным и другими видами оружия массового поражения.

Мемориализация мест памяти Второй мировой войны в Вармии и Мазурах*

В странах, которые участвовали во Второй мировой войне и вышли из нее победителями, память о ней естественным образом стала одним из фундаментов исторической политики в послевоенные годы. Утверждение нарратива Победы над врагом в первую очередь было реализовано через монументаль-

*Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и правительства Калининградской области в рамках научного проекта №19-49-390003 «Историко-культурное наследие как туристско-рекреационный ресурс Калининградской области».

ную пропаганду, которая имела свою специфику в странах Восточной Европы, вошедших в сферу влияния Советского Союза. Начиная с 1945 г. в них наряду с памятниками собственным национальным героям, борцам антифашистского Сопротивления, жертвам гитлеровского террора воздвигались мемориалы советским солдатам в память о подвиге Красной армии при освобождении Европы от нацистских оккупантов [Баранов, 2019; Мюнш, 2014; Федулин, Багдасарян, 2013].

По точному замечанию Ф. Мюнша, памятники являются «средством визуализации прошлого», служат его легитимации и способствуют распространению определенных политических идей [Мюнш, 2014, с. 61—62]. Идеино-политическая направленность и «воспитательное» воздействие памятников советским солдатам в Восточной Европе концентрировались на идее совместного социалистического строительства, основанного на братстве по оружию в борьбе с общим врагом [Буков, 2006; Лапин, 2014]. В посткоммунистическую эпоху в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы изменился взгляд на события войны и послевоенного времени, концепция «освобождения Европы от коричневой чумы Советским Союзом» была заменена на историю страданий и потерь собственного народа, началась так называемая «война памятников», в ходе которой были снесены или «перепрофилированы» многие из воинских мемориалов бойцам Красной армии [Бушуева, Колодникова, 2016; Коновалов, 2015; Golon, 1996].

В Польше массовое строительство памятников советским воинам началось уже в 1945 г., что было связано с огромными жертвами Красной армии (свыше 600 тыс. погибших в конце войны). Общее число воинских мемориалов РККА, по подсчетам польской исследовательницы Д. Чарнецкой, в 1980-е гг. составляло около 450 [Чарнецка, 2012, с. 150]. Иногда представляется, что именно они доминировали в мемориальном пространстве, что не соответствует действительности. По све-

днем другого польского историка З. Мазура, одновременно в стране находилось 6 137 памятников и памятных знаков, увековечивших подвиги солдат Войска Польского и других вооруженных армейских и партизанских формирований, а также 1 124 памятника, посвященных страданиям польской нации в годы фашистской оккупации [Mazur, 2007, s. 16].

В настоящем исследовании речь пойдет о мемориализации во второй половине 1940-х — 1950-х гг. связанных со Второй мировой войной мест памяти, расположенных в южной части бывшей Восточной Пруссии, ныне — Варминьско-Мазурском воеводстве Польской Республики. Специфика этого региона состоит в том, что он принадлежит к так называемым «Возвращенным землям» [Tomkiewicz, 1998], которые до войны входили в состав Германского рейха. В отличие от центральных воеводств Польши здесь в годы войны не было польского движения Сопротивления, не существовало ни партизанских отрядов Армии Крайовой или Армии Людовой, ни подпольных делегатур польского правительства в изгнании или ячеек Польской рабочей партии. События Второй мировой войны в Восточной Пруссии — это исключительно действия, которые разыгрывались на германо-советском фронте, вот почему память о войне здесь могла быть реализована только в форме увековечения подвига советских солдат.

Но первые шаги в направлении изменения характера символического пространства на освобожденной территории были сделаны в другой сфере. Прежде всего необходимо было расчистить культурный ландшафт от «немецтины», в том числе избавиться от мест и знаков памяти нацистского прошлого. Об этом как первостепенной задаче говорилось в «Памятной записке Союза мазуров», которая была передана 22 ноября 1944 г. в Люблине делегацией членов этой патриотической польской организации председателю Крайовой Рады Народовой Б. Беруту. Авторы документа были настроены решительно:

Все памятники и памятные знаки времен господства немцев на территории Мазурской земли должны быть немедленно и без всяких исключений удалены. Нельзя оставлять эти объекты, даже несмотря на их художественную, архитектурную или научную ценность. Они должны навсегда исчезнуть... Следует также снести все тевтонские замки, возведенные на костях польских трудящихся, и многое другое. Мазурская земля и ее жители мазуры должны немедленно воскресить свой чисто мазурский, т. е. польский, облик [Filipkowski, 1980, s. 77—78].

В рамках акции «стирания следов неметчины» в первый год после окончания войны была уничтожена большая часть так называемых «плебисцитовых мемориалов»¹⁵ и монументов в знак победы германской нации в предшествующих войнах, понесенных жителями провинции жертвах (особенно в Первой мировой войне [Жиров, 2014, с. 42—45]), а также памятники немецким королям, кайзерам, правителям разных времен и другим выдающимся общественным и культурным деятелям. В списке снесенных оказался и памятник Николаю Копернику во Фромборке, который новые городские власти сочли элементом пропаганды немецкой культуры [Jakutowicz, 2013, s. 290].

Самым знаменитым памятником провинции был Танненбергский мемориал, построенный в 1924—1927 гг. сначала как памятник павшим в битве близ Грюнвальдского поля в августе 1914 г., установленный около военного кладбища, а затем в 1934—1935 гг. перестроенный в качестве мавзолея фельдмаршала Гинденбурга. В Третьем рейхе мемориал стал местом проведения разного рода патриотических манифестаций и важным туристическим объектом. Части вермахта взорвали его при отступлении в начале 1945 г., а великолепные гранитовые плиты были использованы в Народной Польше для строительства новых памятников [Kuźniewski, 1994]. В усло-

¹⁵ Они были посвящены победе Германии на плебисците 1920 г. в вопросе о принадлежности южной части Восточной Пруссии к Польше или Германии.

виях дефицита сил и средств польские власти пошли на «репрофилирование» некоторых немецких памятников. Так, установленный в 1910 г. в Ольштыне памятник германскому деятелю кооперативного движения и ученому-экономисту Г. Герману Шульце-Деличу был «очищен» от барельефа и снабжен новой надписью, которая гласила: «Героям, которые погибли на поле битвы за свободу Вармии и Мазур. Благодарные соотечественники. 1946 г.» [Pomnik].

Первыми монументами, появившимися в Вармии и Мазурах в память о боях 1945 г., были установленные Красной армией скромные обелиски на местах братских могил советских солдат, которые сооружались из дерева, кирпича, часто с использованием материалов из разобранных немецких памятников. Впоследствии при участии местных властей их перестроили или заменили на более капитальные сооружения.

Среди первых фундаментальных сооружений следует назвать мемориальный комплекс в Эльблонге на месте большого воинского кладбища (похоронен 2 731 солдат), который можно считать одним из первых крупных монументов советским солдатам в Польше. На трех гранях обелиска надписи: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость Советского Союза и Польши. Воинам Красной армии, павшим в боях при овладении городом Эльбинг 1945 года. Воздвигнут Военным Советом 2-й Ударной армии» [Cmentarz żołnierzy Armii Radzieckiej].

Первым капитальным сооружением на территории Ольштынского воеводства стал Памятник Благодарности Советской армии в Лидзбарке-Варминьском. Инициативу в его установке проявило местное отделение Общества польско-советской дружбы. Местом расположения был выбран сквер в центре города, где до 1945 г. находился памятник жителям города, погибшим в Первую мировую войну. Спроектированный местным архитектором Виктором Туцевичем бетонный обелиск состоял из двух частей: квадратной в сечении колонны и остроконечного завершения с венком. При этом был использован

постамент в виде куба от снесенного монумента в память о Франко-прусской войне 1870 г. На пьедестале на польском и русском языках была выгравирована надпись: «1949. Советской Армии за освобождение исконных польских земель. От жителей Лидзбаркского повята». На торжественном открытии памятника 21 июля 1949 г. присутствовали представители местных властей, командования Войска Польского и Советской армии, а также более 2 тыс. горожан [Historia Lidzbarka Warmińskiego, 2011, s. 59].

Во время реставрации в 1972 г. к обелиску была добавлена скульптурная группа из двух марширующих солдат, а венки на вершине заменили серпом и молотом. Два последних символа сбили с монумента в 1989 г., а полностью памятник демонтировали в 2018 г. по решению Лидзбаркского городского совета [Jakutowicz, 2016, s. 357—360; Rozebrano pomnik wdzięczności Armii Czerwonej].

Особое место в списке мест памяти, связанных со Второй мировой войной, занимает Памятник Благодарности Советской армии, возведенный на площади Красной армии в Ольштыне. С начала 1990-х гг. он официально называется «Памятником освобождения Варминьско-Мазурской земли», переименована также и сама площадь, названная теперь в честь скульптора и создателя памятника Ксаверия Дуниковского [Tomkiewicz, 1998, s. 395—396].

Фигура К. Дуниковского по-своему примечательна. Он считается одним из самых оригинальных и талантливых польских скульпторов XX в. Известность он приобрел еще в межвоенный период, будучи автором ряда монументальных произведений, в том числе Памятника Благодарности Америке в Варшаве (1920) и Мемориала Силезским восстаниям (1938). В годы Второй мировой войны был арестован оккупантами и пять лет провел в Освенциме. После войны трудился профессором по скульптуре, преподавал в художественных академиях в Кракове и Вроцлаве [Szubert, 2002].

Инициатива установки памятника формально исходила от местного отделения Общества польско-советской дружбы, при котором 21 мая 1949 г. был создан Комитет по строительству памятника. Согласно замыслу Дуниковского монумент представлял собой две колонны незавершенной триумфальной арки. К одной примыкала фигура бойца Красной армии, на другой были вырезаны силуэты солдат, военной техники и сцены сражений. С целью сокращения стоимости работы было решено использовать материал с разобранного «Мавзолея Гинденбурга» близ Ольштынка. Под руководством скульптора 8-тонные гранитные блоки перевезли в Ольштын, но непосредственно работы по строительству памятника начались только летом 1953 г., а торжественное открытие состоялось 21 февраля 1954 г. [Tomkiewicz, 1998, s. 403—404, 409].

Несмотря на жаркие дискуссии о судьбе памятника в 1990-е гг., он сохранился до настоящего времени. Определяющую роль в этом сыграл неформальный городской референдум, проведенный ведущими СМИ Ольштына 21 февраля 1998 г. Его участникам предлагалось ответить на вопрос: сохранить ли монумент, снести его или перенести в другое место? Большинство высказалось за то, чтобы оставить памятник на прежнем месте [Ibid., s. 415].

Всего, согласно базе данных, составленной калининградским исследователем А. Т. Джабиевым, на территории Варминьско-Мазурского воеводства в 2015 г. располагалось 17 массовых воинских захоронений, в том числе самое большое кладбище в Европе в приграничном городе Бранёво, на котором похоронено около 31 тыс. советских солдат. Кроме того, здесь до недавнего времени находилось 33 мемориальных объекта, большинство из которых было сооружено в конце 1940-х — 1950-е гг. [Джабиев, 2015, с. 158—159]. Во времена Польской Народной Республики памятники и кладбища советских воинов были местом главных торжеств и возложения венков три раза в год: в день создания Красной армии, в годовщину освобождения отдельных городов и поселков на

Возвращенных землях и в день празднования годовщин Великой Октябрьской революции в России [Mazur, 2007, s. 17]. А. Т. Джабиев проследил судьбу этих памятников в период после 1989 г., когда они стали жертвами двух кампаний по ликвидации коммунистических символов в Польше — в начале 1990-х и в 2010-е гг. [Джабиев, 2015, с. 160—162].

Создание польской администрации в Восточной Пруссии в 1945 году (историография вопроса)*

Вторая мировая война стала поворотным пунктом в истории польского народа. По ее результатам существенно изменилась территория страны, которая утратила свои восточные провинции, но получила в качестве компенсации приращения на западе и севере (так называемые «Возвращенные земли»), составившие примерно треть ее общей площади. Согласно решениям Потсдамской (Берлинской) конференции 1945 г., в состав Польши вошла также южная часть германской провинции Восточная Пруссия, которую в польской традиции принято называть Вармией и Мазурами. Вот почему польские историки всегда уделяли большое внимание Восточно-Прусской операции 1945 г. и последующим событиям на этой территории в первые послевоенные месяцы.

В настоящем материале анализируется польская историография по вопросу о создании и становлении национальных польских органов власти в бывшей Восточной Пруссии, в том числе данные разными авторами оценки роли в этих процессах советского фактора.

До конца 1980-х гг. польская историография в изложении хода военных действий в Восточной Пруссии на заключитель-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-39-90034 «Реполонизация Воссоединенных земель в Польской Народной Республике в 1945—1956 годах».

ном этапе Второй мировой войны и в выводах следовала за советскими военными историками [Łaniec, 1974]. Примером тому могут послужить работы профессора Института военной истории в Варшаве, полковника К. Собчака (1923—2004), которые выдержали в ПНР по 10—20 изданий [Sobczak, 1978; Sobczak, 1967; Sobczak, 1961]. Единственное отступление от советской версии у этого автора состояло в том, что он предложил называть Восточно-Прусскую операцию Красной армии «Мазовецко-Мазурской операцией 1944—1945 гг.» [Sobczak, 1971]. Среди других исследователей этого периода можно отметить Э. Косяжа и Е. Янтара [Jantar, 1967; Kosiarz, 1967]. Ситуация изменилась после 1989 г., когда возобладали критический и по большей части односторонний, необъективный подход к оценке действий Красной армии в Восточной Пруссии, о чем можно судить даже по названиям появившихся в последние десятилетия публикаций, в которых говорится о «репрессиях», «насилии» и «грабежах» со стороны красноармейцев [Gieszczyński, 2000; Golon, 1997]. Вывод, который следует из этих работ, состоит в том, что «сегодня трудно защищать тезис об “освобождении” в 1945 году Вармии и Мазур Красной армией... от нацизма и тоталитаризма» [Gieszczyński, 2013, s. 72].

Переходя к характеристике послевоенного времени, следует прежде всего сказать об оценке польскими историками положения на большом пространстве между Неманом и Вислой, которая сводилась к констатации, что бои за Восточную Пруссию нанесли огромный ущерб региону. В подтверждение этого тезиса Э. Войновский приводит официальные данные: «в Вармии и Мазурах были разрушены 40—50 % городов, 25—30 % сельских населенных пунктов» [Wojnowski, 1968, s. 106]. А. Вакар анализирует данные по ситуации в г. Ольштыне, где разрушению подверглись 1 040 зданий, или 36 % тогдашней застройки города [Wakar, 1972, s. 36]. При этом историки ПНР не усматривали в операциях Красной армии, понесшей огромные потери, каких-либо специальных намерений

или действий, направленных на причинение вреда поселениям или экономике при освобождении Вармии и Мазур [Sobczak, 1961, s. 20]. Напротив, польские историки после 1989 г. стали отмечать, что относительно мало построек было разрушено в результате прямых военных действий, в то время как значительная часть была почти полностью сожжена советскими солдатами уже после прекращения боевых действий «без какого-либо обоснования военными соображениями» [Piechocki, 2000, s. 217]. При этом не приводится никакой убедительной статистики или иных конкретных свидетельств на этот счет. Без подкрепления фактическими аргументами и историческими источниками утверждается, например, что тысячи немцев и поляков были депортированы в глубь СССР на принудительные работы в лагеря, что ухудшало общую ситуацию по восстановлению инфраструктуры Вармии и Мазур [Sakson, 1998, s. 26—27]. По всей видимости, речь идет о взятых в плен солдатах и офицерах вермахта и других военизированных структур Германии. Среди них могли оказаться и польскоговорящие мазуры и вармяки из числа подданных Третьего рейха.

Следует отметить, что польские историки в качестве негативных факторов рассматривают и действия самих польских новоселов. Так, Я. Хоста утверждает, что многие прибывшие в Вармию и Мазуры переселенцы из центральных воеводств Польши не собирались оседать на новой территории, а только занимались нападениями и грабежами, создали нелегальный рынок продуктов питания и других товаров [Chłosta, 2007, s. 449]. В целом, как отмечает П. Летко, новым властям приходилось действовать в очень сложных условиях роста криминала, наличия у людей большого количества оружия, подпольной деятельности остатков армии вермахта, конфликтных отношений между местным населением и переселенцами [Letko, 2009, s. 305—306, 312].

Первоначально власть на освобожденных территориях Восточной Пруссии осуществляли военные комендатуры Крас-

ной армии¹⁷. Их деятельность была санкционирована соглашением от 26 июля 1944 г. между Польским комитетом национального освобождения и правительством Советского Союза [Советский фактор в Восточной Европе, 1999, с. 153]. В историографии ПНР подчеркивалось, что широкие полномочия советских военных комендантов были вызваны необходимостью, так как до мая 1945 г. эти земли представляли собой тылы фронта при наступлении на Берлин, а польская сторона пошла на этот шаг осознанно и добровольно [Majer, 2012, s. 104; Wojnowski, 1968, s. 40].

На современном этапе в польской историографии внимание сосредоточено почти исключительно на выявлении ошибок и просчетов советской военной администрации. Так, В. Бренда на основе ряда архивных документов указывает на непростые и во многом деструктивные взаимоотношения между армейскими комендатурами и местным населением [Brenda, 2009, s. 494]. По соглашению от 26 июля комендатуры сразу же после прекращения боевых действий и взятия определенной территории под свой контроль должны были передавать управление польской гражданской администрации. И хотя это была территория Германии и польской администрации на первых порах взяться было попросту неоткуда, некоторые авторы ставят советскому командованию в вину сознательную задержку с передачей власти польской стороне, чтобы успеть вывезти в СССР наиболее ценное оборудование, оставив полякам только разрушенное и непригодное для использования имущество [Pawlicki, 2009, s. 86; Brenda, 2002, s. 132].

В. Гещиньский в своей работе указывает, что советские коменданты считали этот район завоеванной вражеской территорией, а присутствие советских войск называет «оккупацией»

¹⁷ Точку зрения современной российской историографии на деятельность советских комендатур в Восточной Пруссии см. в работах Г. В. Кретицина [2011; 2006].

[Gieszczyński, 2013, s. 61]. М. Голон указывает на «разграбление» населенных пунктов советскими солдатами посредством конфискации скота, вывоза трофейного оборудования с промышленных предприятий и железной дороги и пр. [Golon, 1997, s. 128]. Кроме того, современные польские историки рассматривают военные комендатуры как инструмент репрессий в Вармии и Мазурах. При этом игнорируется тот факт, что эти репрессии были направлены против нацистского аппарата террора в полном соответствии с главным принципом денацификации оккупированных германских территорий, принятым союзниками по антигитлеровской коалиции на конференции в Потсдаме [Советский Союз на международных конференциях, 1984а, с. 430—432]. Я. Хоста утверждает, что советских военных не волновала судьба мирного населения и также пишет об «огромных массах» населения, депортированного на Восток [Chłosta, 2007, s. 449]. Борьба комендатур с вооруженным подпольем иногда без всяких на то оснований выдается за противодействие свободе, независимости и объединению Польши [Golon, 1997, s. 128].

Параллельно с советскими комендатурами с конца февраля 1945 г. стали создаваться польские временные органы власти. Первыми национальными институтами стали назначаемые Временным польским правительством его уполномоченные представители при командовании советских армий и фронтов [Wojnowski, 1968, s. 106]. Первым официальным решением центральных органов власти по Возвращенным территориям было постановление Совета министров от 14 марта 1945 г. об административном устройстве бывших германских провинций. Это постановление также определяло статус правительственных представителей. По мнению Т. Майера, они обладали очень широким спектром властных гражданских полномочий [Majer, 2012, s. 114].

В отошедшей к Польше южной части Восточной Пруссии (которая получила сначала официальное название «Мазурского округа») должность уполномоченного правительства сначала

ла занял по совместительству белостокский воевода Ежи Штахельский [Korc, 1997, s. 13]. Однако реальная деятельность полномочного представителя правительства в Мазурском округе, по мнению Е. Корц, началась в конце марта 1945 г. после назначения на эту должность Якуба Правина, переведенного с должности уполномоченного при командовании 3-го Белорусского фронта, а ранее воевавшего в составе дивизии им. Т. Костюшко Войска Польского [Ibid.]. Это мнение подтверждает Ф. Соколовский, указывая на факт отправки из Варшавы в Ольштын 53 административных работников для организации структур власти в Мазурском округе после назначения Я. Правина [Sokołowski, 1974, s. 294].

Торжественная передача власти от военных гражданским в главном городе Мазурского округа состоялась 23 мая 1945 г., когда полковник Александр Шумский, военный комендант Ольштына, на заседании в зале городского театра официально передал власть уполномоченному правительству Я. Правину [Pięchocki, 2000, s. 65—66]. И после этого символического акта, как подчеркивает историк В. Гещиньский, части Красной армии продолжали оставаться в ключевых точках Вармии и Мазур, советское командование оказывало влияние на работу местных органов власти [Gieszczyński, 2013, s. 65]. Во многом это был объективный процесс. Анализируя процесс передачи власти, К. Крафт пришла к выводу, что на Возвращенных землях сделать это было гораздо сложнее, чем в центральных воеводствах Польши, так как здесь было мало польских поселенцев и еще меньше чиновников, присланных из Варшавы. В некоторых районах до осени 1945 г. невозможно было подобрать нужное количество «бурмистров» и «старост» [Kraft, 1999, s. 535].

Во времена ПНР историки уделяли особое внимание роли Польской рабочей партии (ППР) в организации новых органов власти на территории бывшей Восточной Пруссии, однако в полном объеме деятельность партийных структур здесь развернулась гораздо позже [Rokoszewski, 1962]. В первый год

решающее значение имели структуры Войска Польского и органов общественной безопасности. О создании органов власти в малых городах и гминах рассказали исследователи Р. Сырвид, Э. Стефанская и др. [Stefańska, 1999; Syrwid, 1998]. Ряд работ, посвященных деятельности местных органов власти, рад народных (национальных советов) в малых городах, был опубликован в региональных журналах [Nowotka M., Nowotka D., 2007; Tomkiewicz, 1997; Tomkiewicz, 2005]. Однако приоритетное внимание уделялось центральным органам власти округа, затем воеводства. Они были созданы Я. Правиным одним из его первых декретов от 1 июля 1945 г., когда было объявлено об образовании Управления округа в составе 22 отделов, а 7 декабря того же года им посредством кооптации была учреждена Мазурская воеводская рада народа по аналогии с советами в СССР в качестве представительного органа власти.

Ф. Соколовский замечает, что первоначально планировалось создать при Я. Правине Совет округа, в который вошли бы его заместители, другие чиновники и представители местного населения, назначаемые самим уполномоченным. Совет должен был стать временным коллективным органом, исполняющим роль местного парламента вплоть до момента, когда можно было бы провести выборы. Однако вскоре от этой идеи отказались и началось строительство жестко централизованного аппарата исполнительной власти [Sokołowski, 1974, s. 295].

Ф. Соколовский подробно анализирует особенности структуры всех подразделений власти на уровне воеводства, выделив направления, ориентированные на организацию контроля за населением. Социально-политический отдел курировал общественно-политическую жизнь в округе, занимался вопросами безопасности и деятельности религиозных организаций. Основной задачей отдела культуры и искусств была организация просветительской работы и культурной жизни. В ведении информационно-пропагандистского бюро были вопросы пропаганды и политического просвещения [Ibid., s. 296—300].

Одним из созданных в первую очередь и наиболее многочисленных по штату был аппарат воеводского управления и повятовых отделов министерства общественной безопасности. Помимо борьбы с подпольем и криминалом, руководимая коммунистами «беспека» всеми силами старалась минимизировать влияние оппозиционных по отношению к ним партий и организаций. Так, Б. Лукашевич указывает, что ППР с помощью органов общественной безопасности фактически устранила влияние в Ольштынском воеводстве Польского стронництва людового (партии находящегося в оппозиции С. Миколайчика) и к 1947 г. установила тотальный контроль над политической жизнью региона [Łukaszewicz, 1991, s. 101—102].

На первом заседании в конце декабря 1945 г. окружная рада народов торжественно объявила о предоставлении польского гражданства вармякам и мазурам, т. е. бывшим польскоязычным гражданам Германии. Что же касается более низких уровней местного самоуправления (рад народных гмин, повятов и городов), то они были образованы гораздо позже, только в 1950 г. также путем назначения депутатов вышестоящими органами. Первые полноценные выборы в местные советы прошли только в декабре 1954 г. [Warmia i Mazury, 1985, s. 682—683, 700].

Оценивая в целом польскую историографию первых государственно-политических преобразований на территории Вармии и Мазур после окончания войны, следует выделить два этапа в ее развитии. Во времена ПНР она в основном следовала за установками, продвигаемыми советской исторической наукой, процесс создания новых органов власти изображался как успешный и почти бесконфликтный. Напротив, после крушения в Польше коммунизма историки ввели в оборот большое количество неизвестных ранее архивных материалов, отказались от прежних идеологических схем. Вместе с тем в оценках и обобщениях по отношению как к действиям Красной армии, так и к политике собственных коммунистических властей возобладали суперкритический подход, который грешил односторонностью и отходом от объективности при анализе сложнейших реалий послевоенного времени.

Новейшие труды американских и английских историков о Великой Отечественной войне¹⁸

Западные историки проявляют постоянный и значительный интерес к истории Великой Отечественной войны. Подавляющим большинством из них она воспринимается как Восточный фронт мирового конфликта или германо-советская война, поэтому преимущественно освещается в общих трудах по истории Второй мировой войны как ее составляющая. Вместе с тем на Западе существует и специальная научная литература о Великой Отечественной войне. За два десятилетия XXI в. зарубежная историография накопила значительный научный багаж по ее истории. Труды западных авторов о борьбе Советского Союза против фашистской Германии, опубликованные до 2015 г., в том числе и в нашей стране, неоднократно подвергались историографической экспертизе в реферативных обзорах, статьях и диссертациях российских специалистов ([Великая Отечественная война в современной историографии; Золлов, 2013; Падерин, 2013; Самсоненко, 2002]).

В 2016—2019 гг. на Западе вышел в свет ряд новых монографических исследований о Великой Отечественной войне, которые не переводились на русский язык и не стали объектом историографической оценки российских ученых. В данном тексте предпринята попытка осуществить аннотированно-библиографический обзор работ американских и английских авторов с выявлением в них новейших тенденций в освещении борьбы Советского Союза против фашистской Германии.

Среди изданий по истории Великой Отечественной войны, появившихся на Западе в последнее четырехлетие, выделяются книги одного из самых известных и авторитетных американских исследователей, полковника вооруженных сил США в отставке Дэвида Гланца. До 2017 г. он являлся главным

¹⁸ Автор не обнаружил ни одного научного исследования по истории Великой Отечественной войны, опубликованного на Западе в 2020 г.

редактором «Журнала славянских военных исследований». Д. Гланц — автор десятков книг по истории Великой Отечественной войны, девять из которых переведены на русский язык (см., напр.: [Гланц, 2008; 2009]).

В 2016 г. Д. Гланц вместе с дочерью выпустил очередную большую по объему книгу (758 страниц) о наступательных операциях советских войск в Белоруссии, предпринятых в октябре 1943 — апреле 1944 г. Они названы в книге «забытыми», оказавшимися в тени более поздней успешной операции «Багратион». Главной причиной забвения, по мнению авторов, стало то, что их «результаты оказались разочаровывающими и обескураживающими для Красной армии» [Glantz, 2016, р. XXIII]. Вместе с тем Д. и М. Гланц придают этим операциям важное значение, так как они подготовили условия для последующего победоносного освобождения Белоруссии от фашистских захватчиков.

В 2018 и 2019 гг. вышли еще две тематически связанные между собой книги Д. Гланца, посвященные ожесточенным боям на Дону в ноябре 1942 — феврале 1943 г. [Glantz, 2018; 2019]. В них на основе недавно опубликованных архивных оперативных документов Красной армии обстоятельно, до мельчайших исторических подробностей рассмотрено стратегическое наступление Южного, Юго-Западного и Закавказского фронтов по уничтожению немецкой группы армий «А» и изгнанию гитлеровских войск из Ростова-на-Дону. Американский военный историк, анализируя причины успехов советских войск, вместе с тем не умалчивает об ошибках и просчетах генералов А. И. Еременко и Р. Я. Малиновского, приведших к неоправданным потерям в рядах Красной армии.

Работы Д. Гланца представляют собой удачное сочетание развернутой хроники действий советских войск и обстоятельного научного исследования. Они снабжены большим количеством иллюстративного, статистического и картографического материала. Им присущи строгое следование историческим фактам, солидная оснащенность архивными документами, профес-

сиональное знание военного дела, внимательное отношение к достижениям советской и современной российской историографии Великой Отечественной войны.

Кроме того, импонирует концептуальная линия, которую автор последовательно развивает в своих новейших сочинениях — восхищение героизмом советского солдата и признание решающего значения Красной армии в разгроме фашистской Германии. В интервью Газете. РУ 9 мая 2014 г. Д. Гланц заявил:

Я знаю о той великой цене, которую солдаты Красной армии заплатили в этой войне. Моей целью было восстановить исторические свидетельства, чтобы им было воздано должное уважение за то, что они совершили [Братерский, 2014].

К этому можно добавить, что постоянный научный интерес Д. Гланца к истории Великой Отечественной войны и стремление к объективному ее освещению были отмечены в 2015 г. награждением американского ученого медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества».

В 2016 г. вышла из печати очередная книга английского историка, преемника Д. Гланца на посту главного редактора «Журнала славянских военных исследований» Александера Хилла «Красная армия и Вторая мировая война» [Hill, 2016]. Автор разделяет позицию Д. Гланца относительно роли Красной армии в победе над германским фашизмом, подчеркивая, что «в контексте военных усилий союзников Советский Союз и его армия ... играли ведущую роль в разгроме врага — с небольшой помощью своих друзей» [Ibid., p. 4]. Важно в связи с этим отметить, что А. Хилл — один из немногих западных историков, кто называет борьбу СССР против фашистской Германии Великой Отечественной войной.

Автор выстраивает свою работу в ином, нежели Д. Гланц, ракурсе. Во-первых, он рассматривает историю Красной армии в общеисторическом контексте и в широких хронологических рамках — с конца 1920-х гг. и до Великой Победы. Во-вторых, объектом его изучения выступают не столько боевые

действия в ходе Великой Отечественной войны, сколько система управления советскими войсками, подготовка резерва и все то, что А. Хилл называет «организационной культурой». Он показывает фронтовую жизнь на разных уровнях: командный состав, простые солдаты, женщины на фронте. По его мнению, в плане «организационной культуры» СССР превзошел Германию, что стало важным условием победы.

Помимо всего прочего, А. Хилл высказывает в своей книге весьма дискуссионный тезис о том, что в 1944—1945 гг. советское командование некоторые стратегические боевые операции осуществляло, руководствуясь во многом не военными, а политическими соображениями, не считаясь при этом с потерями. В качестве примера он ссылается на Восточно-Прусскую операцию и взятие Кенигсберга [Ibid., p. 6].

В русле исключительно военной истории, но с более критических позиций по отношению к советскому военному командованию, к партийному руководству и НКВД, а также в более беллетристической манере написаны новые книги о событиях Великой Отечественной войны американского автора Роберта Форжика. Одна из них — «Днепр 1943 года: Рушится Восточный вал Гитлера» — стала продолжением его предыдущей работы о битве на Курской дуге [Forczyk, 2016b]. В ней он прослеживает успешное движение Красной армии к Днепру, его форсирование и освобождение Киева. Особое внимание автор уделяет советской воздушно-десантной операции в битве за Днепр, считая ее крупнейшей за все годы войны.

В другой книге — «Кубань 1943 года: Последняя битва вермахта на Кавказе» — Р. Форжик описывает бои и наступательные операции Красной армии на Кубани в февралектябре 1943 г., приведшие к полному изгнанию фашистских войск с Северного Кавказа [Forczyk, 2018]. Особенность ее содержания состоит в сопоставительной характеристике автором командного состава, военных планов, численности и технической оснащенности немецких войск и Красной армии. Кроме освещения непосредственно военных событий Р. Фор-

жик приводит многочисленные факты преступных действий захватчиков по отношению к мирному населению Северного Кавказа: массовое уничтожение евреев, инвалидов, пациентов психбольниц.

Несомненный интерес вызывает двухтомное сочинение английского историка Чарльза Дика «Решающие и второстепенные военные операции», опубликованное в 2016 г. [Dick, 2016]. Автор применил сравнительный подход к освещению хода войны на Западном и Восточном фронтах в рамках одного и того же временного периода. Его позиция со всей очевидностью отражена в названиях первого и второго томов: «От победы к тупику. Западный фронт летом 1944 г.» и «От разгрома к победе. Восточный фронт летом 1944 г.». Ч. Дик показывает превращение Красной армии из разбитой и дезорганизованной в начале войны в победоносную вооруженную силу. Успех крупномасштабных операций советских войск летом 1944 г. английский историк связывает со способностью Ставки к развитию военной теории в условиях современной войны и к разработке обоснованной военной доктрины. Вместе с тем Ч. Дик все же не преминул упомянуть о готовности советского руководства добиваться победы над врагом без оглядки на многочисленные и неоправданные жертвы красноармейцев. Следует отметить, что этот тезис имеет широкое распространение в новейшей западной историографии Великой Отечественной войны.

Среди научных публикаций американских и английских историков 2016—2019 гг. есть несколько исследований проблем материально-технического обеспечения вооруженных сил противоборствующих сторон в Великой Отечественной войне, эффективности разных видов боевой техники и, особенно, танков. Так, Р. Форжик в книге «Танковая война на Восточном фронте 1943—1945 гг. Красная непреодолимая сила» [Forczyk, 2016a] в характерном для него сравнительном ключе прослеживает, как с каждым годом войны менялось в пользу Красной армии соотношение боевого потенциала немецких и

советских танковых войск. В результате, по мнению автора, «к 1945 году Красная армия в конечном счете создала бронетанковую армию, которая была способна выполнить любую поставленную задачу и превзошла возможности немецких танковых дивизий» [Ibid., p. 278].

Рассуждая о факторах, способствовавших достижению Советским Союзом превосходства над Германией в танковой войне, Р. Форжик затрагивает вопрос об американском ленд-лизе. При этом он считает, что наибольшее значение для Красной армии имело не столько количество полученных ею танков, сколько поставки алюминия и другого сырья, станков и оборудования, без чего было невозможно расширять танковое производство. Общий вывод автора сводится к тому, что «крайне маловероятно, что Красная армия обладала бы мобильностью и численностью, необходимыми для проведения стремительных наступательных операций 1944—45 годов без помощи союзников по ленд-лизу» [Ibid., p. 279].

Другой американский историк Ариа Лэпайн, характеризуя состояние бронетанковых войск вермахта во время Великой Отечественной войны, скептически оценивает боевые возможности немецких танков «Тигр» и «Пантера» [Lapine, 2018]. Более того, он считает большой ошибкой германского руководства решение об ускоренном производстве не доведенных до завершения новых моделей в ущерб испытанным и поспешную поставку новых танков в войска. В заключении А. Лэпайн приходит к более общему выводу о том, что с 1943 г. в Германии начался кризис вооружений.

Нельзя не заметить, что во всех названных выше работах преимущественное и акцентированное внимание уделяется сухопутным военным операциям на разных фронтах Великой Отечественной войны. Не удалось найти ни одной специальной научной публикации, например о роли в войне советской авиации. Действиям военно-морского флота посвящена лишь одна книга А. Хилла «Советские эсминцы Второй мировой войны» [Hill, 2018]. Это небольшая по объему работа имеет

справочный и обзорный, а не исследовательский характер. В ней с большим количеством иллюстраций дается информация о проектировании, строительстве и использовании эсминцев разных модификаций, построенных в Советском Союзе в предвоенные годы и сыгравших определенную роль в поддержке морских коммуникаций с союзниками на Крайнем Севере.

Также явно на периферии исследовательского интереса английских и американских историков находится проблематика партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. За последние четыре года появилась только одна книга все того же А. Хилла справочного и популярного содержания «Советские партизаны против солдат службы безопасности Германии» [Hill, 2019]. Вопреки названию главное содержание книги составляет повествование не о действиях партизанских отрядов в тылу врага, а о крупнейших антипартизанских операциях сил безопасности вермахта под эгидой СС, в частности об операции «Весенняя чистка» на северо-западе России весной 1943 г.

Как своеобразное дополнение к англо-американской научной литературе о Великой Отечественной войне можно рассматривать работы Йана Бакстера, опубликованные в серии «Образы войны». Наибольший интерес в них вызывают фотографии из военных архивов, которые сопровождаются комментариями автора. Это своеобразная фотохроника немецких войск на разных этапах войны с Советским Союзом. В 2016 г. появился очередной том, посвященный их отступлению в 1943—1945 гг. [Baxter, 2016]. Опубликованные ранее два предыдущих тома включали архивные фотоматериалы, относящиеся к нападению гитлеровской Германии на СССР, а также к участию войск СС в войне [Baxter, 2014; 2015].

Обзор научных и научно-популярных трудов по истории Великой Отечественной войны, опубликованных в Великобритании и США в 2016—2019 гг., позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, большинство из них написано в

ключе военной истории, а не истории войны. Предмет изучения американских и английских авторов ограничивается боевыми, преимущественно сухопутными, операциями на фронтах Великой Отечественной войны. Проявлявшийся в зарубежных исследованиях предшествовавших 15 лет интерес к социальным, гендерным и другим аспектам войны не получил развития в новейшей исторической литературе.

Во-вторых, ни один из приведенных американских и английских авторов в концептуальном плане не ставит под сомнение решающий вклад Красной армии в разгром гитлеровских войск, хотя и с оговорками относительно цены победы и помощи союзников. Конечно, не со всеми их выводами и оценками в освещении Великой Отечественной войны можно согласиться. Однако импонирует то, что они не находятся в плену одиозных мифов о рабской покорности советского солдата или о его зверствах и стремятся к объективному изучению истории самоотверженной и героической борьбы советского народа против фашистской Германии.

Глава 4

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СРАЖЕНИЙ ЗА ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ В 1944–1945 ГОДАХ

Восточно-Прусская операция в контексте изучения истории Великой Отечественной войны в старшей школе: задачи, возможности, перспективы

В условиях перехода к линейной системе изучения отечественной и всеобщей истории в старшей школе (10—11 классы) в современной методической литературе и дискуссиях, которые практикующие учителя и методисты ведут в интернет-пространстве, активно обсуждается комплекс вопросов, связанных с необходимыми изменениями в преподавании новейшей истории, в том числе — истории Второй мировой войны. Центральное положение в изучении главной мировой трагедии XX в. в школьной программе закономерно отводится Великой Отечественной войне, воздействие которой на социально-демографическое, политико-идеологическое и культурное развитие СССР невозможно переоценить.

В настоящем разделе предпринята попытка определить место, которое занимают боевые действия на территории Восточной Пруссии в 1944—1945 гг. в общенациональном учебном историческом нарративе (Историко-культурный стандарт, учебники), а также потенциальные возможности и направления работы с этим историческим сюжетом в *рамках общего курса истории* в старших классах. В связи с отсутствием в школах Калининградской области полноценного курса регио-

нальной истории (после свертывания преподавания «Истории западной России») именно общий курс призван выполнять взаимосвязанные задачи: формировать российскую гражданскую идентичность подростков на историческом материале и вписывать события регионального прошлого в общенациональный (мировой) контекст.

Историко-культурный стандарт, который представляет собой «научное ядро школьного исторического образования», содержит перечень сюжетов, проблем, событий и персоналий, образующих основу школьного курса истории. На базе стандарта были подготовлены новые учебники истории, опубликованные в 2016—2017 гг. Несмотря на ряд положительных оценок, стандарт нередко критикуется за избыточность, «тяжеловесность», несоответствие возможностям учебного процесса (при текущем объеме учебных часов, особенно на базовом уровне).

Знакомство с разделом стандарта, посвященным Великой Отечественной войне, не позволяет согласиться с мнением скептиков. В стандарт действительно вошли основные события, процессы, явления военных лет; перечень сюжетов, персоналий и дат не кажется избыточным. Напротив, содержащийся информационный комплекс, формируя общее представление о «фактической стороне» войны, очерчивает контуры национальной памяти о ней.

Восточно-Прусская операция не упоминается в Историко-культурном стандарте. И дело здесь, разумеется, не в какой-то особой избирательности его составителей. Из наступательных операций Красной армии 1944—1945 гг. выделены лишь Белорусская («Багратион») и Берлинская. Восточно-Прусская операция, как и другие военные эпизоды завершающего этапа войны, скрывается в пункте «Операции по освобождению территории СССР, Восточной и Центральной Европы». В список обязательных персоналий включены советские военачальники — участники Восточно-Прусской операции: К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский, И. Х. Баграмян.

Анализ современных учебников истории России для 10-го класса, подготовленных в соответствии с Историко-культурным стандартом, демонстрирует два различных подхода к описанию боевых действий на территории Восточной Пруссии. В учебнике издательства «Просвещение» упоминается о том, что Красной армией «к началу апреля были заняты территории Венгрии, Польши и Восточной Пруссии» [История России. 10 класс, 2019, с. 61]. Авторы учебника издательства «Русское слово» сообщают о начале в январе 1945 г. наступления 2-го и 3-го Белорусских фронтов (указаны командующие фронтами) в Восточной Пруссии, о результатах наступления не сообщается [История. История России, 2018, с. 257].

Только в учебнике издательства «Дрофа» содержится краткий, но достаточно информативный очерк об этих событиях. Позволю себе процитировать его полностью:

Почти одновременно, с интервалом в один день, 13 января началась Восточно-Прусская операция. Вся Восточная Пруссия была превращена в единый укрепленный район, включавший семь оборонительных рубежей. Сухопутным войскам оказывали помощь боевые корабли Балтийского флота. Девятого апреля после ожесточенных боев был штурмом взят Кёнигсберг. Основной силой в этой операции были войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов, которыми командовали соответственно К. К. Рокоссовский и А. М. Василевский [История. История России, 2017, с. 196].

В этом же учебнике приведена фотография макета системы обороны Кёнигсберга из экспозиции Калининградского историко-художественного музея. Поясняется, что по макету командиры изучали план предстоящего штурма города. Представляется, что путь, по которому пошли авторы учебника (О. В. Волобуев, С. П. Карпачев, П. Н. Романов), является разумным компромиссом между жесткими рамками школьной программы, требованиями стандарта и содержанием научной картины завершающих сражений Великой Отечественной войны.

Достаточно ли этого краткого очерка для формирования общего представления о Восточно-Прусской операции? Для подростка, который осваивает предмет на базовом уровне и не является жителем Калининградской области, — да. Для профильного уровня, как и для формирования исторических знаний по истории региона, — разумеется, нет. Требуется создание учебного пособия или полноценного учебно-методического электронного ресурса, которые могли бы стать подспорьем при проведении соответствующих занятий или организации дополнительной учебной работы. В идеале необходим полноценный учебный курс по региональной истории или образовательный модуль, который дополнял бы общий курс истории. Разработка концепции такого курса (модуля) требует согласованной работы историков-исследователей и педагогов, использования опыта, полученного при реализации курса «История западной России», и наработок коллег из других регионов страны.

Возможности, которые открывает работа с Восточно-Прусской операцией в рамках изучения истории Великой Отечественной войны и потенциальные направления этой работы весьма разнообразны. Обозначим лишь некоторые из них:

— выявление взаимосвязи наступательных действий Красной армии в Восточной Пруссии и на других участках фронта (формирование навыков выявления причинно-следственных связей на материале темы);

— обзор подготовки и проведения операции, анализ тактических и оперативных приемов советского командования (развитие представлений о «механике» боевых действий, конкретизация образа действий Красной армии на заключительном этапе войны);

— рассмотрение конкретных боевых эпизодов, изучение наградных листов, биографий героев Восточно-Прусской операции (конкретизация «героики» войны, формирование осознанного уважительного отношения к заслугам фронтового поколения);

— работа с документами Восточно-Прусской операции с использованием ресурсов «Подвиг народа», «Память народа» (развитие элементарных навыков источниковедческого анализа, культуры работы с текстом исторического документа);

— анализ существующих в историографии и публичном информационном пространстве концепций, представлений о Восточно-Прусской операции (развитие критического мышления, представлений об историчности научного текста, навыков выявления сознательных фальсификаций);

— выявление исторического наследия Восточно-Прусской операции (в топонимике, региональной культуре, историческом самосознании калининградцев, семейной истории).

История Восточно-Прусской операции может быть как самостоятельной целью изучения (в рамках регионального подхода), так и средством формирования более полных представлений о заключительном этапе Великой Отечественной войны. Разумеется, при двух учебных часах (уроках) истории в неделю (базовый уровень) внедрить соответствующую проблематику в учебный процесс иначе как в виде справочной информации будет затруднительно. В профильной группе, в историческом кружке реализовать эту задачу значительно легче. В любом случае в условиях отсутствия курса региональной истории выбор стратегии остается за учителем, перед которым стоит ряд других задач (подготовка к ОГЭ, ЕГЭ, олимпиадам и т. д.).

**Роль музея в сохранении памяти
о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов
(на примере деятельности Калининградского областного
историко-художественного музея)**

Калининградская область — «Победой рожденная», поэтому память о Великой Отечественной войне у жителей региона имеет свой символический ряд и свои особенности. Ее пропагандистами стали военнослужащие и переселенцы —

непосредственные участники или свидетели этих трагических и героических событий. На сегодняшний день в области проживает уже четвертое поколение коренных калининградцев, которые на генном уровне ощущают себя наследниками поколения победителей.

Несомненно, большую роль в формировании исторической памяти и патриотическом воспитании населения играют музеи. В Калининградской области 2 федеральных, 5 областных и 10 муниципальных музеев, а также свыше 130 ведомственных, школьных, частных и иных собраний [Попов, 2019, с. 202]. Во многих есть экспозиции, посвященные войне, каждый чтит память о павших и живых.

Историко-художественный музей — ровесник области. Приказ областного Управления по гражданским делам о создании Музея Отечественной войны вышел 7 августа 1946 г. [ГАКО, ф. Р-298, оп. 1, д. 5, л. 56—57]. Вполне объяснимо, что на присоединенной территории планировалось создать музей войны. Символично, что начало выставочному делу в регионе было положено 6 мая 1945 г., когда открылась экспозиция, посвященная боевому пути 1-го Прибалтийского фронта. Инициатором ее создания еще в январе 1945 г. стал генерал армии И. Х. Баграмян. Просветительская (тогда — пропагандистская) деятельность на фронте была доведена до совершенства. Близилось окончание войны, и в сознание бойцов мысль об их прямой причастности к Великой Победе вкладывалась посредством увековечения боевой летописи объединений и соединений. Для этого использовали музейные формы работы.

Поражали масштабы выставки. На большой площади в городе Лабиау (ныне г. Полесск Калининградской области) разместили двадцать четыре павильона. Экскурсии проводили офицеры. Работал ресторан, а по вечерам — танцплощадка. За полтора месяца работы экспозицию посетили более 16 тысяч военнослужащих, 15 мая ее осмотрел маршал Советского Союза А. М. Василевский. Летом экспонаты перевезли в Ригу, а в 1946 г. 350 ящиков по распоряжению командующего При-

балтийским военным округом генерала армии И. Х. Баграмяна передали в Центральный музей Красной армии (ныне Центральный музей Вооруженных Сил РФ) (см. подробнее: [Манюк, Панков, 2019]).

С лета 1945 г. в Кёнигсберге работали армейские выставки. Пятого декабря в здании, которое сегодня занимает городская больница скорой медицинской помощи на улице Александра Невского, открылась выставка войск Особого военного округа. Предполагалось, что ее экспонаты станут первыми в собрании молодого музея [Музей Отечественной войны, 1946]. Об этом в декабре 1946 г. областное Управление по гражданским делам ходатайствовало перед А. М. Василевским. Из Генерального штаба Советской армии пришло разрешение передать все предметы, не имевшие секретного значения, в том числе парк трофейной техники и вооружение. Однако не располагавший в то время помещениями для хранения и пространствами для экспонирования музей не смог их принять. До 1948 г. экспонаты оставались на улице Александра Невского, пока в зданиях не разместилась больница. Предметы пополнили склады воинских частей, а большую часть техники и вооружения вывезли из области [Якимов, Манюк, Бережная, 2017, с. 26]. Таким образом, в силу разных обстоятельств первым музеем Калининградской области стал не Музей Отечественной войны, а областная краеведческий музей, в 1977 г. переименованный в историко-художественный.

И все же один экспонат военных выставок продолжил свою музейную жизнь в Калининграде — макет укреплений города и крепости Кёнигсберг, изготовленный под руководством военного строителя А. В. Максимова перед штурмом. В мае — октябре 1945 г. он экспонировался на военно-отчетных выставках в Лабиау и Кёнигсберге, затем попал в Артиллерийский исторический музей (ныне Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи) в Ленинграде (Воспоминания А. В. Максимова, 1972 г.) [ФКО-ИХМ, КГОМ1—10280.1]. Благодаря поисковой работе науч-

ных сотрудников в конце 1960-х гг. макет удалось вернуть в Калининград и сегодня это один из знаковых экспонатов историко-художественного музея.

Первый директор М. М. Антипов, участник Великой Отечественной войны с 1941 г., в одном из интервью определил миссию нового учреждения культуры: «Работа наша важная: чтобы не повторилась такая страшная война» [Якимов, Манюк, Бережная, 2017, с. 11]. Сегодня крупнейшее музейное собрание региона насчитывает около 150 тыс. предметов. Примерно половину всего музейного фонда составляют тематические коллекции предметов участников Великой Отечественной войны. В них входят амуниция, оружие, награды, знамена, предметы быта, документы, фотографии. Не каждый региональный музей может гордиться личными коллекциями Героев Советского Союза. В историко-художественном музее их более трех десятков. Среди них вещи прославленных полководцев А. М. Василевского, И. Х. Баграмяна, А. П. Белобородова, М. М. Барсукова, М. Г. Григоренко, Н. Ф. Папивиной, А. И. Соммера и др. (см. подробнее: [Манюк, 2015]). Музейные предметы принадлежат к числу информативных вещественных источников по истории войны.

Экспонаты «рассказывают» о своем бытовании посетителям, тем самым наполняя зримыми образами хронику событий минувшей войны. Один из таких «говорящих экспонатов» — ложка, которая принадлежала советским бойцам, переходила после гибели от одного солдата к другому (о чем свидетельствуют процарапанные пять фамилий с датами). Она проделала вместе с владельцами боевой путь до Восточной Пруссии. Ложка была найдена в 2014 г. во время работ по расчистке площадки для памятного знака воинам, героически погибшим 5—7 февраля 1945 г. в районе Тиренберга (северо-восточнее пос. Красновка Зеленоградского городского округа).

Первая стационарная выставка по теме войны открылась в 1957 г. в здании музея на ул. Богдана Хмельницкого, 19 / 21. С тех пор принцип построения и структура экспозиции пре-

терпели существенную смысловую трансформацию (см. подробнее: [Юрченко, 2016]). На современной выставке «Да здравствует солдат! Да здравствует!», посвященной 75-летию Победы, не столько представлен хрестоматийный взгляд, доступный в учебной и справочной литературе, сколько визуализированы последние достижения исторической науки, которые диктуют необходимость объективного показа событий. Именно это роднит музейную выставку с историческим исследованием. Появились новые тематические комплексы, которые «без цензуры» рассказывают о частях и соединениях вермахта, оборонявших Восточную Пруссию, о предвоенном Кёнигсберге и о судьбах немецкого населения. Больше внимания уделяется истории повседневности, солдатскому быту. Представлена информация не только о Героях Советского Союза, но и о жизни простых солдат и офицеров Красной армии. Накопленный предметный ряд и исследовательский материал позволяют разрабатывать выставки, рассказывающие об истории орденов и медалей, фронтовых письмах, разведгруппах, подвигах священнослужителей, «сынах полка», о вкладе в Победу людей разных национальностей. Безусловно, все это не умаляет главной идеи экспозиций — сохранении памяти о героическом подвиге советского народа, вставшего на защиту своей Родины.

Тема Великой Отечественной войны ежегодно находит отражение в выставочной деятельности музея — это стационарные и временные экспозиции, региональные и международные проекты. Ежегодно только в головном музее проводится более 50 временных выставок различной тематики. В 2018 г. вместе с передвижными выставками было реализовано 365 проектов. Посещаемость стационарных экспозиций составила более 153 тыс. человек в год, передвижных — более 120 тыс. человек [Щеглова, 2019, с. 483].

В головном здании музея в августе 2017 г. открылась трехмерная панорама «Кёнигсберг-45. Последний штурм». Авторская группа «Невский баталист» (Санкт-Петербург) вме-

сте с музейными сотрудниками посредством инновационных форм выставочной деятельности и построения экспозиционного пространства достигла эффекта погружения в события, происходившие в Кёнигсберге в начале апреля 1945 г. Подобный прием особенно важен при работе со школьниками, которым свойственно так называемое клиповое мышление. Прием театрализации пространства (см. подробнее: [Поляков, 2019]) усиливает коммуникативные возможности музея и позволяет не просто узнать новую информацию, но еще прочувствовать, а значит, понять, насколько страшна война и как важно сохранять такое хрупкое равновесие в мире.

В состав музея помимо основного здания входят две отдельно стоящие экспозиции военно-исторического профиля (объекты культуры федерального значения) — музей «Бункер» и мемориальный комплекс «Форт № 5». Их уникальность заключена в подлинности — это объекты военного времени. Подлинные предметы и боевые реликвии репрезентативно воссоздают атмосферу военного времени. Мультимедийные программы вносят интерактивность в музейное пространство, делают его привлекательным и доступным для понимания современного человека. «Форт № 5» и «Бункер» регулярно становятся «героями» исторических документальных передач на центральных телеканалах. Ежегодно здесь проходят исторические реконструкции.

Музей сегодня выступает связующим звеном между школой, вузом и общественными организациями. Просветительская работа нацелена на патриотическое воспитание, социализацию школьников, их профессиональную ориентацию, научную специализацию студентов. Музей — не только место сосредоточения исторической памяти, но и площадка для творческого самовыражения и коммуникации. Разным возрастным аудиториям доступны как традиционные формы — экскурсии и лекции, так и нетрадиционные — музейные уроки, интерактивные занятия и мастер-классы с применением контактно-творческого метода (создание творческого продукта в про-

странстве музея). Разработаны циклы музейно-педагогических занятий «Путь к Победе», «Посылка на фронт», «Каким должен быть воин», «Военные профессии» и др. Эффективную обратную связь демонстрируют игры-квесты (например, в «Поисках секретного шифра» в музее «Форт № 5») [Титаренко, 2019, с. 255—256]. Такие музейные технологии востребованы и у корпоративных посетителей. Клуб выходного дня организует патриотические походы-экскурсии по местам боевой славы. Активный познавательный досуг привлекает родителей с детьми. Высокую посещаемость и качество услуг обеспечивают комплексные проекты, подготовленные совместно несколькими разнотипными учреждениями культуры. Успешное взаимодействие осуществляется по направлениям «музей — театр», «музей — концерт», «музей — кинозал». На протяжении нескольких лет сотрудники музея принимают участие в ежегодной патриотической акции «Поезд памяти» (см. подробнее: [Вердян, 2018]).

В последние годы на базе музея реализованы виртуальные проекты «Живая история» (www.veteranalbum.ru), региональная электронная «Книга памяти» (www.memorial1945.ru). Их цель — рассказать о боевом пути ветеранов, оказать помощь в поиске мест захоронений воинов. Ежегодно в музей поступают запросы со всего мира.

Открытым и доступным учреждение культуры делают виртуальные выставки. Еще одна современная форма работы — привлечение посетителей к созданию экспозиционного комплекса. Фронтные фотографии из семейных архивов становятся частью «Стены памяти». В 2020 г. народный артист России В. Л. Машков передал наградной лист и фотографию своего деда П. С. Машкова, удостоенного ордена Красной Звезды за проявленную отвагу во время штурма Кёнигсберга.

В Год памяти и славы прошла патриотическая акция в рамках проекта «Единый выставочный день», который реализуется с 2014 г. и охватывает всю территорию региона. Двадцать третьего февраля в 22 муниципальных образованиях в

учреждениях культуры и образования, воинских частях открылась выставка «Восточно-Прусская операция». Участники безвозмездно получили 500 выставочных комплектов. В 2019 г. была организована выставка «Боевым награждается орденом», которая рассказывает об участниках Восточно-Прусской операции, удостоенных ордена Александра Невского.

Современный музей активно сотрудничает с отечественным и зарубежным профессиональным сообществом, участвуя в формировании совместных музейных практик. Среди знаковых проектов прошлых лет, которые получили наибольшее общественное признание, — выставки, научно-просветительские мероприятия и издания к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. За большой вклад в подготовку и проведение юбилея музей удостоен официального подарка Президента Российской Федерации.

С 2017 г. историко-художественный музей участвует в федеральном проекте «Территория Победы», который направлен на создание единого пространства по военной истории XX в. Его инициатором является Музей Победы (Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Калининградский музей принял участие в создании новой экспозиции Музея Победы, предоставив материалы о послевоенном освоении советскими переселенцами Калининградской области. В рамках проекта проходят виртуальные выставки, кинопоказы, патриотические акции («Свеча памяти», «Ромашка Победы»). Если в 2018 г. реализовано пять совместных мероприятий, то в 2019 г. — более двадцати.

С 2012 по 2019 г. музеем подготовлено более 140 международных выставочных проектов, в том числе посвященных Великой Отечественной войне. Выставки экспонируются в Беларуси, Польше, Литве, Латвии, Германии, Чехии, Австрии, Словакии, Сербии, Франции, Израиле, что способствует развитию и укреплению гуманитарных и культурных связей между народами. В передвижных выставках используются технологии дополненной реальности, которые позволяют «оживить»

представленные фото и документальные материалы. Так, в феврале 2020 г. в Российском центре науки и культуры в Тель-Авиве (Израиль) представили выставку «В славном сорок пятом ты пришел солдатом...», повествующую о жизненном пути ветеранов еврейской национальности.

В 2019 г. организован цикл выставок, посвященных 75-летию освобождения Беларуси. Девятнадцатого июня в рамках совместного мероприятия российского и белорусского дипломатических представительств в Праге (Чехия) была представлена выставка «Операция “Багратион”». Две экспозиции открылись в Минске: 27 июня — в Музее Янки Купалы «Здравствуй, земля Белорусская», 28 июня — в Национальном историческом музее «Рисунки фронтовых художников». Министерство культуры Республики Беларусь выразило музею благодарность за сотрудничество.

Вклад музея в дело популяризации российского исторического наследия за рубежом отмечен Дипломом федерального агентства «Россотрудничество», сотрудники удостоены почетного знака «За дружбу и сотрудничество».

Современный музей характеризует активная научно-исследовательская работа, организуются международные конференции, методические семинары для коллег из муниципалитетов, учителей истории и обществознания. Нередко в научный оборот вводятся новые документы. Например, 5 апреля 2019 г. в музее «Форт № 5» представили выставку «Протоколы войны», подготовленную совместно с Институтом российской истории РАН. Широкой общественности стали доступны уникальные неопубликованные материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР, созданной по инициативе профессора И. И. Минца, — фотографии и воспоминания участников Восточно-Прусской операции 1945 г., записанные «по горячим следам», сразу после боев.

В последнее десятилетие активизировалась издательская деятельность, ежегодно публикуется военно-патриотическая

литература. В 2018 г. вышел первый в регионе специализированный научно-популярный сборник «Время Музея». Издание включено в Российский индекс научного цитирования и будет ежегодным. В сборнике сразу появился тематический раздел «Великая Отечественная война в фокусе музейной работы», что свидетельствует о востребованности данной темы у исследователей. В 2019 г. вышло в свет второе издание монографии директора музея, кандидата исторических наук С. А. Якимова «Битва за Восточную Пруссию. 1944—1945 гг.» [2019].

Разноплановая работа делает Калининградский областной историко-художественный музей крупным центром патриотического воспитания в регионе, местом коммуникации учреждений культуры, школ, вузов, общественных организаций. Комплектование музейных коллекций по теме «Великая Отечественная война и Восточно-Прусская операция 1945 г.» продолжается и сегодня. Большой вклад в эту работу вносят неравнодушные люди, которые передают в музей личные вещи ветеранов и другие реликвии, желая рассказать потомкам об уроках и сохранить память об одном из самых значительных событий мировой истории XX столетия. Благодаря музейной работе эта память уже стала частью культурного кода россиян.

«От Москвы до Кёнигсберга» (материалы к биографии военного дирижера Веры Родэ)

Биографика как совокупность научных и научно-популярных произведений биографического жанра всегда занимала прочное место в историографии Великой Отечественной войны, подтверждая известную истину о том, что «история индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще» [Карсавин, 1993, с. 86]. В исследовательской литературе различают *традиционный биографический анализ* (объектом которого выступают преимущественно крупные исторические деятели, при этом социальный контекст является сред-

ством прояснения их личной истории) и *персональную историю* «индивидуума любого калибра» (личная история ценна в первую очередь тем, что проясняет социальный контекст) [Володихин, 2002; Попова, 2012]. «Биографическая история» Великой Отечественной войны сегодня требует такого исследовательского подхода, при котором

реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира рассматриваются одновременно — и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили [Репина, 2019, с. 14].

В контексте имеющей место в современной историографии «антропологизации» военной истории безусловный интерес представляют биографии участников Великой Отечественной, в которых находит свое отражение многомерность войны как исторического феномена. «Если для военной истории приоритетной сферой интересов всегда являлись непосредственные военные действия, разработка и ход боевых операций, профессиональная подготовка войск, полководческое искусство...», то военно-историческая антропология занимается исследованием всего многообразия человеческого опыта, содержание которого обусловлено социокультурным контекстом войн и вооруженных конфликтов [Кожевин, 2010, с. 9].

Одна из таких личных историй принадлежит Вере Францевне Родэ. Уроженка Российской империи, француженка по национальности, студентка консерватории, ополченка 1941 г., офицер гвардии, хормейстер Московского театра оперетты... Ее яркая судьба до сих пор оставалась вне поля зрения профессиональных историков.

Единственным известным на сегодняшний день последовательным изложением основных событий ее жизни можно считать публикацию в газете «Советское искусство» 9 мая 1946 г. В первую годовщину Победы автор очерка М. Белявский рассказал о студентке Московской консерватории, моло-

дой интеллигентной женщине, круг интересов которой составляли музыка, литература, театр, с началом войны решившейся на мужественный шаг — вступившей в ноябре 1941 г. в народное ополчение. С гвардейской дивизией она прошла путь от Москвы до Кёнигсберга, стала капельмейстером военного оркестра, была награждена пятью правительственными наградами, а по окончании войны вернулась в консерваторию, чтобы завершить образование [Белявский, 1946].

Публикация в газете послужила своего рода указателем, спустя почти 75 лет направив исследовательский интерес на поиск дополнительных источников.

4-я Московская дивизия народного ополчения, в которую вместе с группой студентов-добровольцев из ГИТИСа и консерватории вступила В. Родэ, была сформирована в июле 1941 г. в Куйбышевском районе Москвы. Дивизия получила на фронте общевойсковую нумерацию (110-я стрелковая 2-го формирования), в апреле 1943 г. была преобразована в 84-ю гвардейскую стрелковую. По словам Г.К. Жукова, «прославила свои боевые знамена у старинного русского города Боровска» [Жуков, 1986, с. 210]. Освобождала Верею и Вязьму, Карачев и Оршу, Борисов и Алитус. Шестнадцатого октября 1944 г. дивизия перешла границу Восточной Пруссии, участвовала в Гумбинненско-Гольдапской и Инстербургско-Кёнигсберской операциях, штурме Кёнигсберга, взятии Пиллау, завершила боевые действия на косе Фрише-Нерунг.

Согласно документам, хранящимся в фондах ЦАМО РФ, содержание которых общедоступно, В. Родэ служила в управлении соединения вначале в должности капельмейстера, а затем командира музыкантского взвода штаба дивизии [ЦАМО, ф. 33, оп. 682526, ед. хр. 741, л. 2; ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, ед. хр. 314, л. 2].

Перед молодым дирижером стояла двоякая задача. Как капельмейстер она должна была организовать деятельность дивизионного оркестра, искать и применять уместные во фронтовых условиях формы музыкальной работы. Как командир

взвода — руководить своим подразделением, которое (как это часто практиковалось в действующей армии) использовалось не по прямому назначению (в качестве санитаров, саперов, трофейных команд).

Вдохновляющий, а также организующий и дисциплинирующий потенциал музыки хорошо известен. В России первые штатные военные оркестры появились в еще в 1711 г. по указу Петра I. Исторически определились четыре основные функции военной музыки, которые нашли свое применение и в Красной армии: прикладная (обслуживание маршей, походов, сигнальная служба), общественно-официозная (обслуживание митингов, демонстраций, праздников), художественно-просветительская и развлекательная.

Как показал опыт войны, обычные духовые оркестры были слишком громоздки, чтобы выступать непосредственно на переднем крае. Широкое распространение получила практика выступлений в землянках, блиндажах, траншеях небольших ансамблей (5—7 человек), «соединяющих темброво-красочную инструментальную музыку с вокальной» [Апостолов, 1946, с. 60], или мелких художественных групп (3—4 человека). Музыкальное просвещение уступило место агитационной работе. В условиях, «требующих предельного напряжения, — а порою и перенапряжения всех нравственных сил человека... усилилась роль музыки, способной в бою или перед боем воздействовать на чувства, волю и эмоции личного состава, формирующей боевое настроение... и музыки успокаивающей, дающей отдых после боя» [Там же, с. 58].

Можно предположить, что высокий личный уровень культуры капельмейстера позволял совмещать агитацию с просвещением.

На лесной поляне, под аккомпанемент близкой орудийной канонады, освещенная бледным светом луны и бликами пламени небольших костров, выступала перед бойцами фронтовая бригада артистов. Концерт шел в сопровождении оркестра. Музыкальный взвод дивизии народного ополчения Куйбышевского района

Москвы исполнял в антрактах отрывки из «Гугенотов» Мейербера, прелюд Рахманинова... в периоды длительных боевых операций, когда было не до концертов, разбивался на группы по два-три человека, которые захватив инструменты, шли к бойцам в траншеи, на передовые позиции [Белявский, 1946].

Историки культуры отмечают, что творческий досуг в ополченческих соединениях нередко отличался более высоким уровнем организации, чем в кадровых, ввиду того, что в ополчении воевало больше представителей художественной интеллигенции. Среди добровольцев 1941 г. 4-й Московской ДНО был, например, Ю. П. Ральф, начальник Главного управления театров Комитета по делам искусств при СНК РСФСР. В действующей армии он руководил работой дивизионного клуба. Опытный актер и организатор театрального дела являлся режиссером и основным руководителем ансамбля красноармейской самодеятельности. В феврале 1943 г. В. Родэ и Ю. Ральф были награждены медалями «За боевые заслуги». В наградных листах отмечалось, что начальник клуба и капельмейстер успешно работали «по обслуживанию подразделений передовой линии, создавая культурный отдых бойцам» [ЦАМО, ф. 33, оп. 682526, ед. хр. 741, л. 9, 10].

Можно только представить, как нуждались в отдыхе люди, нередко воевавшие в таких условиях, которые описал в своем дневнике ополченец дивизии, парторг 247-го гвардейского стрелкового полка П. П. Пшеничный под Витебском в феврале 1944 г.:

Находясь несколько дней под ожесточенным огнем, не получали горячей пищи. Затем беспрестанный холодный дождь, а ночью заморозки до такой степени издергали и измучили людей, что многие впали в апатию... Начались массовые заболевания... на передней линии боец обогреться не может — он лежит в маленьком земляном или снежном ровике несколько суток подряд, грязный, обросший, с воспаленными глазами, в замерзшей шинели, которая днем намокает от дождя, а ночью замерзает, в замерзших валенках-колодках. Каждый, кто бы увидел такого защитника Родины, сказал: «Да, это великий мученик, перенося-

щий нечеловеческие страдания». Только здесь, в этих условиях можно увидеть воочию весь ужас мучений и страданий человека, огромное напряжение сил и нервов его, только здесь можно со всей силой проклясть навязанную нам войну [Пшеничный].

Бывали на фронте и другие дни. 1 мая 1944 г. Парад войск 84-й гвардейской стрелковой дивизии.

На живописной поляне, окруженной могучими соснами, выстроились полки дивизии и ее специальные подразделения... в 11 часов дня появляется машина с командиром дивизии генерал-майором Петерсом... через 40 минут... к площади подъезжает командующий 11-й гвардейской армией генерал-лейтенант Галицкий... Гремят два оркестра... Целый день выступали артисты, демонстрировались кинофильмы [Там же].

Военные музыканты под руководством своего командира гв. ст. лейтенанта Родэ занимались не только музыкой. Часто приходилось им нести медико-санитарную службу в тылу, охранять штабы, эвакуировать в тыл раненых, собирать трофейное имущество [Белявский, 1946].

В музыкальном взводе 84-й гвардейской стрелковой Карачевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии не просто служили, а воевали Б. Т. Арутюнян, В. П. Балакирев, А. А. Белоус, П. И. Большаков, С. А. Венедиктов, В. Д. Володин, И. Л. Данильченко, Л. С. Заборский, Г. Е. Курибко, Б. М. Лебедев, В. П. Михайлов, Л. И. Остапчук, И. А. Полубояринов, С. А. Поляков, С. С. Пудов, А. С. Рождественский, П. А. Родивилов, Ю. А. Шерман, Н. А. Шишакин, А. В. Шкаев.

Показательна фронтовая биография бессменного старшины музвзвода Н. Ф. Алевского. Свою первую награду, медаль «За отвагу», он получил в январе 1944 г. за обеспечение бесперебойной работы трофейной команды дивизии [ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, ед. хр. 4131, л. 12]. Летом 1944 г., когда части дивизии форсировали Неман, музыканты помогали переправлять через реку оружие и боеприпасы. Под руководством старшины Н. Алевского заготовили в плановом порядке «несколько десятков тонн скота, обеспечив снабжение дивизии питанием... в ответственный момент» [Там же, л. 6]. В Во-

сточной Пруссии «работал под огнем противника по рытью траншей и других видов оборонительных сооружений» [ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, ед. хр. 2324, л. 10]. К медали старшины добавились два ордена Красной Звезды.

Боевые и профессиональные заслуги его командира были отмечены весной 1944 г. Седьмого марта подписан приказ о награждении гвардии младшего лейтенанта административной службы В. Ф. Родэ орденом Красной Звезды.

Прodelала большую работу по организации и совершенствованию деятельности оркестра дивизии, большую работу по организации армейской самодеятельности. Во время боев работала в качестве санитарки в МСБ и самоотверженно, без отдыха, оказывала помощь раненым. Под ее руководством музвзвод дивизии во время последних боев хорошо справился с задачей по сбору трофеев на поле боя, собрав одновременно и много отечественного вооружения [Там же, ф. 33, оп. 690155, ед. хр. 314, л. 4].

Четырнадцатого марта в Московской государственной филармонии состоялся концерт Образцового оркестра НКО Союза ССР, в котором В. Родэ приняла участие в качестве дирижера. На афише ее имя соседствовало с именами Якова Флиера, одного из лучших советских пианистов, и известной певицы, солистки Большого театра Натальи Шпиллер.

Летом 1944 г. 84-я гвардейская стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени за успешное форсирование Немана. Отличились многие музыканты музвзвода, о чем свидетельствуют, в частности, наградные листы, подписанные командиром подразделения гвардии лейтенантом В. Родэ. Дальнейший, восточно-пруссский, этап фронтовой биографии женщины-военного дирижера по имеющимся в открытом доступе документам из фондов ЦАМО РФ восстановить сложно. Известно, что в декабре 1944 г. должность командира музвзвода дивизии занимал сослуживец В. Родэ гвардии капитан Ю. П. Ральф. «В ротках, батальонах и полках... систематически организовывал разучивание... строевых, современных и народных песен... в боевых операциях... органи-

звал сбор трофеев и культурно-массовую работу среди раненых бойцов и командиров» [Там же, ф. 33, оп. 686196, ед. хр. 2444].

Во время подготовки к взятию крепостей Кёнигсберг и Пиллау музыканты под огнем работали по рытью траншей и других видов оборонительных сооружений, а также на погрузке и разгрузке боеприпасов, обеспечивая снабжение стрелковых подразделений. Среди тех, кто внес свой вклад в разгром восточно-прусской группировки противника, Б. Т. Арутюнян, П. И. Большаков, С. С. Бочаров, Г. Е. Курибко, Б. М. Лебедев, Л. И. Остапчук, С. А. Поляков, С. С. Пудов, П. А. Родивилов, Ю. А. Шерман, А. В. Шкаев.

С ними в той или иной степени была связана военная судьба В. Родэ. «Фронт воспитал во мне качества командира — волю, целеустремленность. Умение общаться с людьми, которыми ты руководишь, волю к настойчивому и последовательному достижению намеченной цели воспитала во мне Красная Армия», — признавалась она [Белявский, 1946].

Свою профессиональную деятельность в мирное время молодой музыкант продолжила с твердым убеждением, что «дирижер — командир оркестра, от его умения добиваться от исполнителей желаемой трактовки и стиля зависит результат исполнения» [Там же]. Уже вскоре после окончания Великой Отечественной войны В. Родэ посчастливилось встретиться на концертной сцене с мастерами высочайшего класса: знаменитым басом Максимом Михайловым, сопрано Еленой Кругликовой, дирижировать оркестром Московской областной филармонии.

В фондах Российского государственного архива литературы и искусства хранятся документы, связанные со службой В. Родэ предположительно с 1947 по 1965 г. в Театре оперетты. Она заведовала музыкальной частью, была хормейстером, работала с классиками советской музыкальной комедии Григорием Яроном и Владимиром Канделаки [РГАЛИ, ф. 2933, оп. 4, ед. хр. 268; ф. 2939, оп. 5, ед. хр. 414]. Документы ждут своего исследователя.

В. Родэ называют первой женщиной-военным дирижером в русской армии, что само по себе делает ее биографию исключительной и представляющей интерес как для военных историков, так и историков культуры. На материале биографии можно осветить множество актуальных вопросов современной междисциплинарной гуманитаристики: специфика развития армейской музыкальной культуры, организация досуга и просвещения личного состава на передовых позициях, художественные связи фронта и тыла, добровольчество как психологический феномен, влияние боевого опыта на формирование творческой индивидуальности, особенности женской «картины войны». На данном этапе не только исследовательская, но и нравственная задача состоит в том, чтобы продолжить поиск и принципиально расширить круг источников, на основе которых можно было бы воссоздать личную историю одной из миллионов тех, кому мы обязаны Великой Победой.

Калининградский регион как открытая кинематографическая площадка для фильмов о Великой Отечественной войне

Калининградская область и сам Калининград на сегодня являются одними из самых (если не самыми) привлекательных кинематографических площадок в России в расчете на душу населения. Говорить о превращении региона в «Мекку кинематографа», в отечественный Голливуд, наверное, преждевременно, но такая тенденция набирает силу из-за ряда весомых обстоятельств, которые все более актуализируются на современном этапе.

По части кинематографической привлекательности Кёнигсбергской (с 4 июля 1946 г. Калининградской) области повезло сразу. Сочетание руинированных районов города с масштабными островами Королевского замка и Кафедрального собора, пострадавших после налета англо-американской авиации

28 августа 1944 г. и штурм Кёнигсберга Красной армией 6—9 апреля 1945 г., с почти не тронутыми войной жилыми кварталами представляло собой идеальное место для съемок фильмов как о войне, так и о мирной жизни капиталистических стран. Готика, неоготика, модерн, баухауз, роскошные виллы района Амалиенау, рабочие кварталы Штайнфурта (Вагоностроительного завода), палисадники, палисадники, палисадники и зеленый пояс Шнайдера (позже в советское время Калининград даже назовут «Город-сад») не могли не привлечь наметанный глаз сценариста, режиссера, оператора. Все это великолепие дополнялось потрясающими природными ландшафтами самой области, особенно ее Куршской и Балтийской косами, замками, помещичьими имениями, хуторами, дорогами с брусчаткой в тени бесконечной череды придорожных деревьев.

А. Попадин так пишет об этом:

Съемки военных фильмов требовали натуральных развалин в немецком городском ландшафте, и этим требованиям отвечал исключительно Калининград. Саперы подрывали какую-нибудь руину, режиссеры крутили свои моторчики, Калининград на время становился Кёнигсбергом или неопределенным городом с немецким акцентом. Последний натуральный осколок войны в теле страны [Попадин, 2008, с. 78].

Об этой стороне кинематографической привлекательности Калининграда писали местные журналисты [Вишняков, 1997; Воробьев, 2017; Катеруша, 2017; Катеруша, 2019; Лучникова, 2016; Обревко, 2017; Ржевский, 2005; Ржевский, 2008; Ржевский, 2004; Ржевский, 2007; Корецкий, 2007; Скрипаль, 2011; Соболев, 1995; Яновский, 2006а; Яновский, 2006б; Яновский, 2006в]. В 2018 г. фотохудожник В. И. Воронов издал фотоальбом, в котором один из разделов «Калининград в художественных фильмах» посвящен данной проблематике. Альбом отличает прекрасная подборка кадров из фильмов и со съемочных площадок [Воронов, 2018]. В. И. Воронов пишет:

Сами съемки фильмов были памятными событиями в жизни города. В основном они проводились на центральных улицах. Военные фильмы требовали большого количества техники и людей, причем не только актеров. Поэтому для участия в массовках привлекались жители города. За эту работу даже платили деньги, хоть и небольшие, но сама возможность попасть на съемочную площадку приносила огромную радость.

Одним из первых полнометражных фильмов о войне, снятых на этой земле, был **«Встреча на Эльбе»** (1949). Как вспоминает о своем детстве будущий актер и театральный журналист М. И. Гаврилов, «увековечиванием постепенно исчезающего разбитого центра бывшей Восточной Пруссии неожиданно занялись советские кинематографисты» [2016, с. 116]. Свое «участие» в съемке эпизода фильма «Встреча на Эльбе» он с юмором и самоиронией описывает в автобиографической книге:

Кёнигсберг, переименованный в Калининград, был взбужден: сюда в 1949 году приехал со съемочной группой Григорий Александров, поставивший «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга». Фанаты подкарауливали у гостиницы Владлена Давыдова, Бориса Андреева и самую яркую звезду советского экрана Любовь Орлову. На призыв записываться для съемок в массовке собрались толпы страждущих прославиться в кино.

Автору книги на тот момент было 13 лет, ему запомнился эпизод, когда мама отвела его к «помрежам, набиравшим массовку» [Там же]. Но на подростка никто не обратил внимания, а вот его маме, красивой женщине, предлагали сняться в одной из ролей. Однако она отказалась. Как вспоминает автор:

Мне же выпало счастье участвовать в эпизоде, где идет уборка развалин, в какие превратился город после штурма, бомбежек, артолетов. Я подавал мусор двум «немцам», а они выбрасывали его с балкона.

Когда фильм «Встреча на Эльбе» вышел на калининградские экраны, мой шестой класс, в полном составе, отправился смот-

реть, «как там играет наш Гаврилов». Едва появилась в кадре развалина с двумя немцами на балконе, я шипящим шепотом оповестил одноклассников:

— Вот здесь!

А после сеанса объяснил, что находился во время съемки в глубине комнаты и оттуда подавал ведро с битой штукатуркой. Всех не покидала надежда разглядеть меня «в глубине комнаты», и мои товарищи добросовестно отсидели все сеансы кинофильма. Но не разглядели. Так бесславно началась моя кинематографическая карьера [Там же, с. 116—117].

Город действительно был «взбудоражен». По установившейся практике тех лет актриса Любовь Орлова, которая приехала в Калининградскую область для съемок в фильме, в перерывах между съемками выступала с концертами. Так, в газете «Калининградская правда» за 16 июля 1948 г. была опубликована заметка «Концерты народной артистки РСФСР Л. П. Орловой». Эти концерты анонсировались начиная с 17 июля (Балтийск), а дальше шли по графику в Советском, Гвардейском, Черняховском, Гусевском и Приморском районах, на курортах (Светлогорск и Зеленоградск). Двадцать третьего июля ожидался концерт Орловой в Калининградском драматическом театре. В заметке сообщалось, что «героиня кинофильмов “Веселые ребята”, “Цирк”, “Волга-Волга”, “Весна” и других исполнит песни из этих фильмов, а также отдельные произведения классиков» [Концерты народной артистки РСФСР Л. П. Орловой, 1948]. Интересно, что первоначально в Калининградской области было запланировано 25 концертов [Там же]. Но 29 августа из публикации в «Калининградской правде» мы узнаем, что «за время гастролей Л. П. Орлова побывала в 12 городах и рабочих поселках области, дав 40 концертов». И что в ближайшее время ее выступления состоятся в Славске, Озёрске и Краснознаменске [40 концертов народной артистки Л. П. Орловой, 1948, с. 3]. Двенадцатого сентября все желающие жители Калининграда приглашались в клуб по

улице Бетховена на ее концерт «в пользу детей-сирот, родители которых погибли во время Великой Отечественной войны» [40 концертов ... , с. 4].

На кадрах знаменитого фильма мы видим город руин, яркими пятнами показаны Королевский замок, несколько кирх, башня «Дона», интересные в архитектурном и стилевом отношении различные мосты и ворота города. Позже, во время своего визита в Калининградскую область в 1967 г., Л. П. Орлова вспоминала то время:

Два с лишним десятилетия миновало с тех пор ... и я не узнала города. Тогда ... он лежал в развалинах, угрюмый и малолюдный. Сегодня я увидела на месте руин широкие проспекты, светлые дома и радостные улыбки горожан. Я желаю всем калининградцам большого человеческого счастья... (цит. по: [Яшин, 1967]).

Участники съемок даже смогли привезти «сувениры» на память из разрушенного войной города. А. Щеглов, биограф другой великой актрисы Ф. Раневской, рассказывает о ее впечатлениях о городе:

В 1948 году у Орловой, Раневской и мамы была работа в фильме «Встреча на Эльбе» в разрушенном Кёнигсберге. Об этом городе тогда говорили, что восстанавливать его не имеет смысла, погибли первоклассные, по-немецки сделанные городские подземные коммуникации, а главное — сонмище церквей, замков и памятников. Мама привезла из Кёнигсберга, нелепо названного потом Калининградом в честь умершего в Москве в 1948 году Калинина, оплавленные в чудовищном военном огне бутылки, рюмки и найденные в развалинах остатки бюргерских сервизов из толстого белого мейсенского фарфора — салатницу, тарелку, чашку с немецким орлом и надписью на дне зеленоватым шрифтом: «Shonheit der Arbeit» — «Красота работы»... [Щеглов, 1998, с. 26].

Не менее знаменитым фильмом, снятым на калининградской земле, был «**Дорогой мой человек**». Съемки проводились в 1957 г., а на экраны фильм вышел в следующем, 1958 г.

Третьего сентября 1957 г. в газете «Калининградская правда» был опубликован подробный репортаж о процессе съемок фильма. Корреспондент газеты сообщал следующее:

На территории совхоза «Ново-Московский», на окраине Калининграда, воссоздана обстановка фронтового медсанбата последних дней Отечественной войны, где разворачивается действие нового цветного фильма... В нашей области коллектив студии снимает пятую часть будущего фильма — около 500 метров, потом съемки продолжатся в Запорожье, в Ялте и Ленинграде [Вершинин, 1957].

В кадрах фильма можно узнать фонтан у Драматического театра и Кафедральный собор. Помимо Калининграда операторы запечатлели и районный центр Знаменск (бывший Велая).

Алексей Баталов, который исполнял главную роль в фильме, так вспоминает это время в своей автобиографической книге «Сундук артиста»:

Лежу, как все, в ставшей родной больнице... И вот однажды мне передают бандероль... Это был первый вариант сценария Юрия Павловича Германа «Дорогой мой человек». Я стал читать, а там — как отражение в воде: доктор, война, фронтовой хирург, такая же послевоенная провинциальная больничка. Конечно, на следующей перевязке я сказал Просенкову (Иван Илларионович Просенков, врач-консультант фильма. — *А. В., А. Я.*) о сценарии. Он попросил почитать и на другой день пришел в совершенном восторге... Он сказал, что ничего подобного не читал про войну, про врачей и именно про военно-полевых хирургов... И с того вечера он уже не выпускал меня из рук, объявив, что, конечно, раны мои зарастут и надо немедленно готовиться к работе по фильму. Но он должен меня кое-чему научить, потому что, не зная некоторых тонкостей и приемов этого дела, брать такую роль нельзя. А дальше несчастные, оказывавшиеся по «скорой помощи» на столе пациенты по сей день не знают, что тогда среди врачей, стоявших над ними, был и артист. На операции полагается маска... Теперь в качестве врача-ассистента я стоял у стола рядом с Просенковым, что-то держал, подавал. Его страшно забавляло, когда меня мучило при виде крови и всего того, что можно увидеть на тяжелой операции. Дошло, наконец,

до его приказа присутствовать мне на полном вскрытии. Он сказал: «Смешно думать о роли хирурга, не пройдя этого всеобъемлющего урока хирургических правил» [Баталов, 2016, с. 93—94].

В 1959 г. на экраны страны вышел фильм «**О моем друге**». Двадцать восьмого сентября 1958 г. в «Калининградской правде» была опубликована заметка под названием «Съемки в Калининграде нового фильма»¹⁹, в которой сообщалось, что «в Калининграде находится группа киноработников студии “Армения фильм”» [Ведров, 1958]. В интервью актриса Татьяна Пилецкая так описывает сюжет фильма: «Это повесть о большом и чистом чувстве, которое зародилось между студентом-армянином и русской девушкой, о любви, которую прерывает война» [Там же]. Актер Хорен Абрамян добавил: «Всех нас радует тот интерес, с каким калининградцы относятся к нашей работе» [Там же].

Т. Пилецкая вспоминает один из трагических эпизодов, произошедших во время съемок фильма с актером Юлианом Паничем:

На съемках фильма «О моем друге» произошел другой случай, в котором пострадал сам Юля. Снимали эпизод в Калининграде, связанный с войной, в сцене были заняты Хорен Абрамян и Юлиан Панич. Пиротехник подготовил взрыв, по флажку должен был его произвести. Флажок был в руках оператора, и он случайно им махнул, а Юля в это время проверял съемочную площадку, где должен был сниматься. Раздался взрыв, мы замерли, увидели, как взметнулась земля, и в дыму — фигуру Юли. Все бросились на место взрыва, сразу вызвали машину, положили Юлину голову на мои колени и поехали в больницу. Он был контужен, ватник обгорел, но, слава богу жив. Все обошлось благополучно, но как все перепугались! [Пилецкая, 2018, с. 112—113].

¹⁹ В заметке было ошибочно указано, что снимается кинофильм под названием «Поэма о любви». Но фильм с таким названием уже вышел на экраны в 1954 г. В 1958 г. с таким актерским составом и сюжетом в Калининграде снимали фильм «О моем друге».

В фильме действительно есть сцены взрывов, и после одного из взрывов дом превращается в руины. Трудно сказать, какой из этих взрывов связан с этой историей.

Частично в Калининграде снимался один из самых знаменитых военных фильмов, завоевавший впоследствии множество призов на кинофестивалях, — «Судьба человека» по одноименному рассказу нобелевского лауреата по литературе М. Шолохова. Фильм вышел на экраны в 1959 г. «Судьбу человека» поставил сценарист, кинорежиссер и актер Сергей Бондарчук, исполнивший главную роль в фильме. Двадцать четвертого октября 1958 г. газета «Калининградская правда» информировала читателей о «Судьбе человека», ссылаясь на интервью с режиссером: «В Калининграде ... предстоит снять такие эпизоды, как День победы, похороны Анатолия, лагерь смерти и второй побег Соколова» [Съемки в Калининграде фильма «Судьба человека», 1958]. Далее мы узнаем, что «в эпизодических ролях будут заняты и артисты Калининградского облдрамтеатра — народная артистка Таджикской ССР А. В. Миропольская, Н. И. Семенов, С. М. Либман. В массовых сценах примут также участие воины Калининградского гарнизона и местное население» [Там же].

Картина создавалась не только в Калининграде. Оператор Владимир Монахов так объяснил маршрут кинематографической труппы:

Снимая картину, мы следовали по тем же местам, по которым прошел Андрей Соколов. Уроки писателя были восприняты нами с благодарностью. Мы стремились, чтобы география съемок совпадала с географией рассказов. Воронеж мы снимали под Воронежем, Кёнигсберг — в Калининграде. В то время там еще сохранились руины зданий, разрушенных в войну. Мы сняли под Калининградом много эпизодов. В том числе один из самых трагических в жизни Андрея Соколова. В день, которого так долго ждал солдат, в день Победы он узнает о гибели своей последней надежды, своего старшего сына... Через точность воспроизведения пейзажа, места действия, атмосферы рассказа мы приходили к правде жизни [Монахов, 1975, с. 65].

Если говорить о городском ландшафте, то в кадры фильма попали центральные улицы Калининграда и руины Королевского замка. В этом же, 1959 году на экраны вышла вторая серия кинофильма «Киевлянка» киностудии имени А. Довженко, в котором «все масштабные батальные сцены были сняты в Калининграде... У Замка Красную Армию встречают с плакатами “Слава Червоній Армії”. Ведь события фильма происходят в Киеве» [Воронов, 2018, с. 247].

Немало поклонников есть у военной кинокартины **«Мир входящему»** 1961 г. В этом фильме зритель узнает о судьбах солдат и офицеров, прошедших сквозь ужасы войны, но сохранивших вопреки тяжелым испытаниям человеколюбие и милосердие. Журналист О. Максимов сообщает следующее:

В Калининград приехал творческий коллектив студии «Мосфильм» для производства натуральных съемок нового художественного фильма «Мир входящему»; «Московские артисты пробудут в нашей области до конца июня, после чего выедут в Москву для участия в павильонных съемках» [Максимов, 1960, с. 4]. В кадрах этого фильма нет боевых действий, — пишет В. И. Воронов, — мы видим послевоенный город: Замок, улицы Фрунзе, Б. Хмельницкого, Дровяной мост, здание Кёнигсбергской биржи [Воронов, 2018, с. 248].

Пожалуй, никого не оставил равнодушным еще один фильм, снятый в Калининграде, — **«Отец солдата»**. В «Калининградской правде» сообщалось:

В середине августа киностудия «Грузия-фильм» начнет в Калининграде съемку финальных сцен художественного фильма «Отец солдата», который ставит режиссер Резо Чхеидзе по сценарию С. Жвенти... Сейчас заканчиваются съемочные работы в районе Риги... А в Калининграде будут вестись «завершающие натурные съемки» [«Отец солдата», 1964].

Главный художник фильма Зураб Медзмаришвили предвительно выехал в Калининград для выбора природы:

В этом фильме мы хотим показать, как во время Великой Отечественной войны многонациональный советский народ в

едином порыве поднялся на защиту своей Родины и победил врага. Действие фильма происходит в 1942—1945 годах. В маленькой кахетинской деревушке старик Георгий получил письмо из госпиталя от своего сына-танкиста и решил поехать к нему, повидаться. С большими трудностями он добрался до госпиталя. Но сын к этому времени уже вылез из больницы и снова ушел на фронт. Любовь к сыну повела Георгия по следам солдата, и он оказался в полосе боев, увидел, как героически сражаются наши люди, и стал сам солдатом. Георгий прошел по дорогам войны до Восточной Пруссии, где в одном из городов встретился, наконец, с сыном. Съемки фильма происходили в Советске и Калининграде, — отмечает В. И. Воронов. — Они были масштабными и надолго остались в памяти жителей города [Воронов, 2018, с. 249].

Фильм «Отец солдата» вышел в прокат в 1964 г.

Наконец, другой город области Черняховск (бывший Инстербург), третий по количеству населения после Калининграда и Советска, также привлек внимание советских кинематографистов. В 1966 г. киностудия «Узбекфильм» (режиссер Равиль Батыров) вела съемки фильма «В 26-го не стрелять!» на железнодорожном вокзале города, который изображал берлинский вокзал [Ерофеев, 2016, с. 92—93]. По иронии судьбы в 1975 г. железнодорожный вокзал Черняховска также попал в кадр знаменитого фильма Алексея Германа «Двадцать дней без войны» (1975), но здесь черняховский вокзал выступил в роли другого своего собрата — вокзала в Ташкенте, столице Узбекистана [Там же, с. 95—96].

Один из самых любимых советскими зрителями фильмов о войне также был снят здесь. Это фильм режиссера Владимира Мотыля «Женя, Женечка и “катюша”» (1967), хотя кинокритика приняла фильм прохладно. Как вспоминает в своем интервью жена режиссера актриса Раиса Куркина, «почему-то решили, что война у нас показана недостаточно героически: “Защитники Отечества и дерутся между собой — как такое может быть?!”» [Грабенко, 2011]. Как шла работа над фильмом, сценарием Булатом Окуджавой и Владимиром Мотыльм

описано в книге Г. П. Корниловой и Я. И. Гройсмана «Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате». Владимир Мотыль кратко замечает: «Фильм снимался в Калининграде, бывшем Кёнигсберге, где тогда еще сохранились руины войны» [Корнилова, Гройсман, 2003, с. 37].

В фильме снимался Михаил Кокшенов. Он особенно запомнился зрителям в роли Захара Косых. Актер вспоминает:

Снимали картину в Калининграде, и в перерывах мы — Олег Даль, Паша Морозенко и я — ходили по городу в военной форме. Вообще-то, она у нас была образца 1941 года, но никто особо не приглядывался, и местное население часто принимало нас за солдат срочной службы. И вот пошли мы как-то на рынок, а он там был замечательный — и угри там продавались, и мидии, и креветки огромные, в общем, все, что сейчас принято называть морепродуктами. Ходим между рядами, присматриваемся, а продавцы со всех сторон кричат: «Солдатики, угощайтесь!».

— И вы...

— Так наугощались, особенно у молдавских винных бочек, что нам уже не до съемок было. А Мотыль увидел, в каком мы состоянии, разозлился и кричит: «Чтобы по ракете были на площадке!»... Для съемочной группы, как на фронте, подавали сигнал ракетой. Но нас так разморило, — все-таки лето, жара! — что мы отправились на берег речки Преголи — полежать. Вдруг кто-то из ребят говорит: «Желтая ракета в воде отражается!». Мы сочли это шуткой, посмеялись и остались лежать. И тут над перилами моста появилась голова второго режиссера, который, увидев нас, закричал: «Вот они, мерзавцы!». Пригнали всех на площадку, и тут уж Мотыль на нас отыгрался: дал команду: «Мотор!» и раз 100 гонял нас по жаре туда и обратно. И только потом выяснилось, что по договору с оператором камеру он не включил. Но мы-то этого не знали! [Грабенко, 2011].

«Щит и меч» 1968 г. — без всяких сомнений культовый в СССР фильм. Режиссер фильма Владимир Басов вспоминал об этом в своих мемуарах:

Фильм не о немцах, не о разведчиках, не об их приключениях — я делал фильм о Родине. Странно: на экране все время чу-

жая земля, а я говорю о своей. Но когда уйдут из кинозала зрители и вынесут щемящее чувство Родины, то мне как художнику и режиссеру, — это высшая награда [Басов, 2012].

Актеру Олегу Янковскому приходилось совмещать съемки в этом фильме со съемками в другом «еще том!» фильме «Служили два товарища». Биограф О. Янковского Федор Раззаков вспоминает, что в Калининграде, в частности,

снимали сцены возле отеля и внутри него, а также железнодорожный узел. Для продолжения съемок фильма кинематографическая труппа отправилась за рубеж: «Тогда состоялась первая зарубежная гастроль Янковского, поскольку ряд сцен пришлось снимать в Восточном Берлине (ГДР) и Кракове (Польша). В первом Янковский побывал в период с 25 июня по 12 июля, во втором — с 30 августа по 22 сентября» [Раззаков, 2012, с. 38]. Таким образом, в 1968 году на экраны страны вышли сразу два фильма с его участием. Наибольший ажиотаж сопутствовал «Щиту и мечу», который стал подлинным фаворитом сезона — четыре его серии заняли 1—5-е места в прокате, собрав на просмотрах 68 млн зрителей. Именно после этой премьеры Олег Янковский проснулся знаменитым [Там же, с. 39].

Запомнился жителям Калининградской области приезд любимых актеров Юрия Никулина и Людмилы Гурченко для съемок фильма «**Двадцать дней без войны**» 1976 г. Описанию работы над ролью и непосредственно самим съемкам Ю. Никулин посвятил отдельную главу в своей автобиографической книге «Почти серьезно...». Глава называется «Один день и двадцать дней», в ней автор вспоминает такой комичный эпизод:

Весной 1975 года съемочная группа фильма «Двадцать дней без войны» долго искала вокзал, внешне похожий на ташкентский военного времени. Более всего подошла одна из станций Калининградской области. Во время съемок вокзал преобразился: сменилась вывеска, по перрону ходят узбеки в халатах, к забору привязан верблюд... Группа снимала, а вокзал продолжал работать. Подошел поезд дальнего следования. В нем возвращался из краткосрочного отпуска молоденький солдатик. Нака-

нуне, после проводов, его впахнули в вагон, где он всю дорогу спал. Вышел из вагона, глянул на вокзал, увидел вывеску «Ташкент», бросил чемодан на землю и заплакал навзрыд: «Все, будут судить за неявку в срок!» Разъясняли ему минут десять, что приехал он куда нужно. Счастью не было предела, тем более что Людмила Гурченко подарила ему свою фотографию с автографом (Из тетрадки в клеточку. Май 1975 года) [Никулин, 1994, с. 368].

В фильме также можно узнать пляж Балтийского моря. К сожалению, для съемок «Двадцати дней без войны» А. Герман, великий кинорежиссер, взорвал часть практически полностью сохранившегося после войны замка «Рагнит» (сегодня — г. Неман) [Катеруша, 2019]. Неманчане и калининградцы с болью вспоминают этот эпизод.

Мы можем увидеть и узнать знакомые места Калининграда и области и в таких военных фильмах, как «На дорогах войны» (Мосфильм, 1958), «Первый день мира» (киностудия имени М. Горького, 1959), «Мир входящему» (Мосфильм, 1961), «Украинская рапсодия» (киностудия имени А. Довженко, 1961), «Третий тайм» (Мосфильм, 1962), «Помни, Каспар!» (Ленфильм, 1964), «Чистые Пруды» (Мосфильм, 1965), «Альпийская баллада» (Беларусьфильм, 1965), «Иду искать» (Беларусьфильм, 1966), «"Циклон" начнется ночью» (Рижская киностудия, 1966), «Весна на Одере» (Мосфильм, 1967), «Два года над пропастью» (киностудия имени А. Довженко, 1967), «Генерал Рахимов» (Узбекфильм, 1967), «Подвиг Фархада» (Узбекфильм, 1967), «Дневные звезды» (Мосфильм, 1968), «Разведчики» (Беларусьфильм, 1968), «На пути в Берлин» (Ленфильм, 1969), «Часы остановились в полночь» (Беларусьфильм, 1974), «Венок сонетов» (Беларусьфильм, 1976). Этот список далеко не полный. Данная тема требует своего дальнейшего исследования.

По мере того как город восстанавливался из руин, фильмов о войне стало сниматься все меньше. Благодаря тем кадрам мы и сейчас можем увидеть, как тогда выглядел наш край. В год Российского кино (2016) в музее «Фридландские ворота» был

создан проект «КЗ. Кино. Культура. Калининград», который выиграл конкурс творческих инициатив Министерства культуры Калининградской области (проект был посвящен не только фильмам о войне). Куратором проекта стала А. П. Макаревич, в то время сотрудник музея «Фридландские ворота». Благодаря сотрудничеству с киностудиями «Ленфильм» и «Мосфильм», Российским государственным архивом кинофотодокументов (г. Красногорск), Госфильмофондом России для выставки удалось получить редчайшие кадры со съемок фильмов. Музей также обратился к горожанам за интересной информацией, связанной с историей создания кинофильмов в Калининграде. В дальнейшем выставка стала передвижной и побывала во многих музеях Калининградской области.

Разработка базы данных советских воинов, награжденных медалью «За взятие Кенигсберга»

Медаль «За взятие Кенигсберга» учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 г. Медалью награждались военнослужащие Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, непосредственные участники «героического штурма и взятия... Кёнигсберга... а также организаторы и руководители» операции по овладению этим городом. В реальности медаль вручалась всем воинам, разгромившим группировку немецко-фашистских войск во время Восточно-Прусской операции 1945 г. Медалью «За взятие Кенигсберга» награждено около 760 тыс. человек [Кузнецов, 1999, с. 385; Об учреждении медалей, 1956, с. 287—288; Символы, святыни и награды, 2004, с. 274].

Министерство обороны Российской Федерации организовало оцифровку документов Великой Отечественной войны, хранящихся в ЦАМО РФ, и создало на базе сайтов «Подвиг народа» и «Память народа» информационный ресурс открытого доступа. В нем наряду с материалами об основных операциях, боевом пути воинских частей размещены сведения о

наградах, которых удостоены все советские военнослужащие в 1941—1945 гг., в том числе за подвиги во время Восточно-Прусской операции. Этот интернет-ресурс позволяет исследователям работать с копиями наградных документов из любой точки мира.

На основе сайта «Подвиг народа» (<http://podvignaroda.ru/?#tab=pavHome>), на котором выложены документы о 82555 солдатах, матросах и офицерах, удостоенных медали «За взятие Кенигсберга», ведется наполнение соответствующей онлайн-базы данных (БД). Информация на сайте представлена в виде текстового именованного списка, в котором можно осуществлять отдельные запросы, например по месту призыва или году рождения воина, но анализировать сводные данные на сайте невозможно. Наша база позволит в дальнейшем не только объединить сведения по медали в одной таблице, но и сделать выборку и проанализировать по отдельным характеристикам воинов (средний возраст, преобладающее звание, национальность, партийность и др.). Интересным представляется создание на основе сводной таблицы электронной карты с указанием мест рождения людей, удостоенных медали. Такая карта станет отдельным ресурсом для хранения и анализа данных по выбранной тематике.

Также предполагается дополнить БД информацией о советских воинах, награжденных медалью и проживавших в Калининградской области после окончания войны. Эти сведения хранятся в Государственном архиве Калининградской области [Кретицин, 2016, с. 44].

В БД вносятся следующие сведения о кавалерах медали (нумерация соответствует порядку полей в БД):

1—3. *Фамилия, имя, отчество*: данные переносятся из наградного листа, приказа о награждении или других имеющихся на сайте «Подвиг народа» архивных документов. Масштабность награждения порой приводила к ошибкам в фамилиях или именах. Например, ефрейтор И. К. Пестов, на которого имеется наградной лист на орден Красной Звезды за подвиг в Восточно-Прусской операции, в наградном списке на

медаль указан как красноармеец И. К. Шестов [ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 4886, л. 101; Там же, ф. 1552, оп. 2, д. 159, л. 98]. В этом случае в БД в поле «Фамилия» делается запись «Пестов / Шестов». Такой же подход применяется и при разночтениях в воинских званиях.

4. *Воинское звание*: вносится в базу из источника полностью без сокращений; обязательно отмечается гвардейское воинское звание, например «гвардии старший лейтенант».

5—8. Место службы в январе — апреле 1945 г.:

— *Фронт, флот*: запись начинаем с номера фронта, у номера окончание не наращиваем; название фронта пишем с заглавной (прописной) буквы, слова «фронт» или «флот» не вписываем (пример записи: «3 Белорусский», «Балтийский»)

— *Армия, дивизия, полк или иное отдельное подразделение*: данные включаются в БД по схеме записи о фронте. Сведения вводим с номера объединения, соединения или части; у номера окончание не наращиваем, почетные наименования и награды не указываем. Слова «гвардейская» или «гвардейский», видовые обозначения пишем со строчной буквы, «армия», «дивизия», «полк» не вносим в соответствующие поля. Записи выглядят следующим образом: для армий — 11 гвардейская, 1 воздушная, для дивизий — 182 стрелковая, для полков — 140 стрелковый. Если в источниках содержится указание на полк, то входящие в него батальоны, роты, взвода не вносятся в БД. Если же нет указания на полк, а воинская часть является отдельным подразделением армии или дивизии, то включаем в БД сведения об этой части, например 307 походная хлебопекарня. В эти же поля включаем записи об эскадрах надводных кораблей, отряде легких сил, бригадах торпедных катеров, подводных лодок, авиационных бригадах, особой бригаде морской пехоты, дивизионах, авиационных полках, отдельной авиационной эскадрильи Балтийского флота.

В материалах о награждении медалью «За взятие Кенигсберга» не всегда приводились сведения о воинских частях, в которых кавалеры медали служили в период Восточно-Прус-

ской операции. Если у солдата или офицера за эту операцию были другие награды, то по наградным документам к ним устанавливается воинская часть.

9. *Должность награжденного в январе — апреле 1945 г.*: наименование должности переносим из наградного документа, сокращения «расшифровываем» (например, пишем «заместитель командира батальона» или «красноармеец»). При необходимости должность уточняется по материалам к наградам за подвиги в боях на территории Восточной Пруссии с января по апрель 1945 г.

10. *Воинская часть, в которой вручена медаль*: записываем только полк или отдельную часть (подразделение), если нет указания на полк. Сведения вносятся в БД по схеме, выработанной для полей 5—8. Данное поле включено в базу в связи с тем, что нередко место службы во время Восточно-Прусской операции и в момент награждения медалью «За взятие Кенигсберга» не совпадали.

11. *Год рождения*: заносим в БД полное цифровое обозначение года рождения («1899» и т. п.), слово «год» не пишем. Поиск нужной информации осуществляется по другим наградным документам, по гиперссылке «Данные в учетной картотеке» на сайте «Подвиг народа», а также по материалам информационного сайта «Память народа» (<https://pamyat-naroda.ru/>).

12—16. Место рождения:

— *союзная республика*: название республики включаем в БД без слов «ССР» или «республика» (например, «Узбекская»).

— *автономная республика*: если есть указание на такую республику, то ее наименование пишем без слов «АССР» или «республика» («Чувашская»).

— *край*: если есть указание на край, то его название вносится в БД без слова «край» («Красноярский»).

— *область*: вписываем только название без слова «область» («Вологодская»).

— *республиканский, краевой или областной центр*: помещаем в БД в том случае, если военнослужащий родился в таком городе; другие города, районные центры не указываем

При наполнении данных полей имеется проблема, связанная с тем, что место рождения в документах советской эпохи чаще всего воспроизводилось по советскому административному делению с использованием послереволюционных названий населенных пунктов или административно-территориальных единиц. В документах можно прочесть, что военнослужащий родился в 1900 г. не в Петербурге, а в Ленинграде. Разработчиками БД принято решение переносить в нее формулировки в точном соответствии с имеющимися архивными документами, так как принадлежность награжденных к тем или иным регионам в принципе ясна. Выяснение же дореволюционных наименований значительно отдалит время анализа систематизированных материалов.

17. *Национальность*: устанавливаем по другим имеющимся на сайтах «Подвиг народа» или «Память народа» архивным наградным документам.

18. *Партийность*: если в архивных материалах имеются записи «член компартии», «ВКП(б)», «коммунист», то в базу данных вносим аббревиатуру «КП». Кандидат в члены ВКП(б) фиксируется как «Канд» (без точки), член ВЛКСМ — «ВЛКСМ», беспартийный — «БП». Поиск информации ведется по разным наградным документам на сайте «Подвиг народа» прежде всего в представлении к награде, предшествовавшей медали «За взятие Кенигсберга». Конечно, не исключено, что офицер или красноармеец вступил в коммунистическую партию между отмеченными награждениями. Этот факт установить по имеющимся документам нет возможности.

19. *Участник Великой Отечественной войны с 194__ года*: записываем только цифровое обозначение года. При этом различаем год, в котором награжденный стал участником войны, и время начала службы в РККА, которые часто не совпадали.

Год участия в войне по различным причинам в наградных листах мог указываться разный, поэтому предпочтительным является выяснение этих данных по самым первым наградным материалам, если такие награды были у воинов, вносимых в БД.

20—22. *Дата награждения* (составления списка на награждение; вручения медали):

— день: пример записи — 1, 2 или 31

— месяц: 1, 2 или 12

— год: 1945

23. *Вид документа*: Указ, Приказ, Справка, Список, Представление — устанавливаем по заголовку документа или его делопроизводственным реквизитам.

24. *Указание на незаконность награждения*: если награждение законное (нет записи о незаконном награждении, изъятии в связи с этим награды) пишем цифру «1», незаконное награждение отмечаем цифрой «2». Случаи ошибочного награждения медалью фиксировались. К примеру, с 22 апреля по 13 мая 1946 г. в 5-й гвардейской кавалерийской Бессарабско-Танненбергской дивизии провели проверку правильности вручения медали «За взятие Кенигсберга» и установили, что 14 красноармейцев и офицеров, не участвовавших в штурме Кёнигсберга, были удостоены данной награды. Медали изъяла специальная комиссия [ЦАМО, ф. 3625, оп. 2, д. 4, л. 33—33 об.].

25. *Архивный источник*: пишем полный архивный шифр, содержащий сведения о названии архива (его сокращенном наименовании), фонде, описи, деле, листах. Если источников два и более, то шифр каждого последующего архивного источника помещаем после предыдущего источника, отделяя записи друг от друга точкой с запятой (например, ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686916. Ед. хр. 207. Л. 100 об.; Оп. 972496. Ед. хр. 100. Л. 5). Предполагается, что поиск сведений также будет осуществляться по специальной литературе, мемуарам и другим публикациям. В этом случае в соответствующем поле

БД должны приводиться полные выходные данные печатного издания, например: Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. М., 1972. С. 50.

Согласно правилам, в БД не должно быть пустых полей. Следовательно, если нет сведений для внесения в текстовое поле, то в него заносится слово «Нет». При отсутствии информации для заполнения цифрового поля в нем пишем комбинацию цифр «9999».

К работе по наполнению БД привлечены магистранты, обучающиеся в Балтийском федеральном университете им. И. Канта на направлении «История». Они могут работать с домашних компьютеров с материалами сайтов «Подвиг народа» и «Память народа» в удобное для студентов время. Для нашей работы было решено использовать сервис Google-таблицы. Главное достоинство продукта — возможность совместной работы студентов над таблицей дистанционно. Помимо этого, очевидным плюсом сервиса стало автоматическое сохранение изменений и возможность «отката» версий таблицы до необходимой по времени.

Доступ к редактированию таблицы дается студентам по ссылке. Оглавление таблицы (колонки) было заблокировано для того, чтобы нельзя было внести изменения. Также создано правило, по которому все незаполненные строки и колонки автоматически подсвечиваются красным цветом для того, чтобы студент мог обратить внимание на свою ошибку.

Понятно, что нашу таблицу нельзя назвать полноценной БД. Из недостатков системы стоит отметить, например, невозможность задать автоматический выбор текстовых значений для каждой колонки. С другой стороны, Google-таблицы имеют другие преимущества, необходимые для работы. Так, программа позволяет параллельно с внесением сведений отображать аналитические данные в виде графиков и сводных значений по отдельным колонкам. В дальнейшем возможно создание полноценной БД и выгрузки в нее нашей Google-таблицы.

Использование гражданского населения в обороне Кёнигсберга²⁰

Около 100 тыс. немецких граждан находились в Кёнигсберге, когда 6 апреля 1945 г. Красная армия начала штурм осажденной столицы Восточной Пруссии. Большинство этих людей в той или иной степени внесли свой вклад в оборону города на протяжении всей осады (об этих цифрах и их интерпретации см. подробнее: [Виллемс, 2015; 2016]). В данном исследовании рассматриваются причины, по которым они были привлечены в таком большом количестве, а также то, как их использовали. В работах, посвященных участию Германии во Второй мировой войне, гражданскому населению отводится вспомогательная роль в тотальной войне вдали от линии фронта [Evans, 2009, p. 423—427; Heiber, Glantz, 2002]. Здесь, напротив, исследуется реальное повседневное участие мирных граждан в защите Кёнигсберга, что позволяет определить механизмы ведения тотальной войны на местном уровне.

В Кёнигсберге соединились две интерпретации тотальной войны — партии и вермахта. К середине 1944 г. руководители как НСДАП, так и армии согласились с утверждением генерала Людендорфа, высказанным в 1935 г., о том, что «природа тотальной войны требует, чтобы ее можно было вести только тогда, когда образ жизни целого народа [*Volk*] действительно находится под угрозой и тот полон решимости посвятить себя этой войне», хотя еще не было единого мнения о том, как это должно было быть организовано [Ludendorff, 1935, S. 6].

В начале войны гражданское население активно не привлекалось, но после 1943 г. призывы рассмотреть возможность его использования в больших масштабах стали звучать отчетливее. Это особенно осуществлялось на собственной террито-

²⁰ Этот материал доступен также на английском языке. Для получения доступа к англоязычной версии можно обратиться к автору по адресу: bpvwillems@gmail.com

рии, и с середины 1944 г., когда разговоры о защите территории Германии больше не считались пораженческими, активно обсуждалась роль гражданских лиц [Willems, 2021].

Масштабное использование гражданского населения Восточной Пруссии началось летом 1944 г. со строительства Восточного вала (*Ostwall*). Первоначально между партией и вермахтом существовали разногласия, поскольку обе стороны утверждали, что обладают необходимым опытом. Тем не менее, в соответствии с достигнутым в короткие сроки негласным соглашением, партия взяла на себя пропагандистскую инициативу и была определена ответственной за привлечение рабочей силы, в то время как армия организовывала ее размещение и строительство самой оборонительной системы [BArch, Ost-Dok. 8/561, 2—3: Heinrich Lindner, Regierungsrat, Unterabteilungsleiter beim Reichsverteidigungskommissar].

Похожая тенденция прослеживается в создании фольксштурма, последнего ополчения нацистской Германии. Сначала планировалось, что подразделения фольксштурма будут отдельными от армии формированиями, но в течение ноября — декабря 1944 г. основную их подготовку проводила уже армия, а военачальники включили их в свои планы обороны, хотя фольксштурмом все еще руководили партийные чиновники [Yelton, 2002, p. 120—122].

В настоящем материале не будут рассматриваться моральная сторона и справедливость этих решений: нацистская Германия в 1945 г. была борющимся за свое выживание тоталитарным государством, и то, как она понимала «соразмерное» использование силы, существенно изменилось [Stahel, 2017]. Если мы рассмотрим ход мыслей в 1945 г., то увидим, что лица, принимавшие решения, определяли эту борьбу как выбор между войной до победного конца (*Endsieg*) и уничтожением (см., напр.: [BArch, NS 6/ 348, 25: Anlage zum Rundschreiben 255/44 vom 21.9.1944]). Для них цель оправдывала средства: если бы Германия победила, они бы посчитали, что «издержки» были «оправданными» — в конце концов, подход к ис-

пользованию гражданского населения не столь сильно отличался от подхода, который ранее в ходе войны применялся в Советском Союзе [Fotion, 2007, p. 10—20].

Важно, однако, что принуждение гражданского населения к обороне этой территории стало применяться еще до того, как началась осада Кёнигсберга. Военнослужащим, особенно ветеранам, опыт, полученный ранее в «школе насилия», то есть на Восточном фронте, помог нормализовать это поведение [Römer, 2012, S. 410]. В 1941—1944 гг. большинство этих людей научилось применять при использовании мирного населения принцип «военной необходимости», оправдывавший их жестокое поведение [Rutherford, 2014, p. 374—382]. Партийные чиновники рассматривали использование мирных жителей скорее с идеологических позиций, считая, что путем консолидации населения для содействия обороне Германия сможет показать своим врагам самоотверженность и превосходство сражающегося народа [Noble, 2010].

Статья в газете «Фестунг Кёнигсберг» от 2 февраля, написанная фанатичным обергефрайтером Гербертом Шнелльхаммером, объединяла эти два чувства, подчеркивая, что «звероподобные» Советы «выстояли в невообразимо тяжелых боях летом, в период распутицы весной и осенью, в сражениях морозной зимой... Вспоминая битвы с этим дьяволом, мы хотим задуматься о своей собственной силе и выдержать все испытания, какими бы трудными они ни оказались» [Schnellhammer, 1945]. Однако многим горожанам оборона Кёнигсберга казалась бесцельной. Помимо того что к началу февраля 1945 г. только четверть гражданского населения в Кёнигсберге составляли жители самого города (около 50 тыс., тогда как свыше 150 тыс. были беженцами из восточной части провинции), к началу осады некогда величественная столица Восточной Пруссии уже представляла собой груду развалин [ASK, 22034—4: Kemsies: Stimmungsbilder aus Königsberg, 4; ASK, 22034—4 Magunia, Abschrift, 6]. Кёнигсберг подвергся бомбардировке Королевских военно-воздушных сил в ночь с 26 на

27 и с 29 на 30 августа 1944 г., и, хотя после этого жизнь в городе возобновилась, это место приобрело мрачный вид [Noble, 2006]. Шнелльхаммер также признавал это: «Конечно, это разрушенный город, у ворот, валов и фортов которого мы сражаемся. Но это немецкая родина [*Heimat*], которую мы защищаем своими телами и своей решимостью» [Schnellhammer, 1945].

Для того чтобы убедить население оставаться в городе, необходимости в этой статье не было, поскольку ко времени ее написания Кёнигсберг был окружен уже в течение трех дней — тем, кто находился внутри, некуда было идти. В эти дни мирные жители города утрачивали значительную часть свободы действий, — и, более того, они это чувствовали, — по мере того как на их глазах Кёнигсберг физически превращался из города в крепость (*Festung*). «Стратегия крепости» возникла 8 марта 1944 г., когда Гитлер издал «Военную директиву № 53», касавшуюся «комендантов укрепленных районов и боевых комендантов». Комендантом крепости, согласно директиве, должен был быть «специально отобранный закаленный воин, предпочтительно в звании генерала»; человек, желавший «активно использовать гражданское население» [Hubatsch, 2000, S. 243—250]. Кёнигсберг стал крепостью с осени 1944 г. (точная дата неизвестна), но, хотя его первый комендант генерал-майор Карл Бехер подготовился к осаде, разместив гарнизоны и вооружение в фортах вокруг города, гражданское население практически не замечало изменений в своей повседневной жизни [BArch, NS 19/3814, 1—5: Der Chef des Generalstabes des Heeres Gen Qu. / Abt. Kriegsverw. Nr. II/2200/44 g. Kdos, H Qu OKH, den 17.12.1944 Betr. Bevorratung und ARLZ-Maßnahmen auf zivilen Sektor im Bereich der Ostfestungen]. Ситуация изменилась с началом Восточно-Прусской операции Красной армии 12 января 1945 г., когда стало ясно, что Бехер не смог обеспечить выполнение своих приказов. По мере приближения советских войск к городу на этом посту сменилось три человека, пока 27 января его не занял генерал О. Ляш [Heiber, Glantz, 2002, p. 632—633].

Подход О. Ляша был принципиально иным, чем у его предшественников. Он сразу же приступил к работе и в первый же день в качестве коменданта крепости ввел в городе военное положение. Согласно «Военной директиве № 53», одной из главных задач коменданта на начальном этапе осады города было «предотвратить развитие паники» всеми возможными способами. Объявив в Кёнигсберге военное положение, О. Ляш ввел военное управление, которое включало в себя дисциплинарные суды, имевшие право выносить смертные приговоры. В числе осужденных были не только солдаты, но также значительное число гражданских лиц. В эти дни царил хаос: многие из них обыскивали брошенные дома, надеясь найти что-нибудь съедобное или полезное. Хотя их можно было понять, по законам военного времени подобное поведение считалось «мародерством» и, соответственно, каралось смертью. Такие же драконовские меры применялись к фольксштурмовцам. Большинство из них были плохо экипированы, зачастую имели слабое здоровье, вследствие чего их батальоны легко выбивали с позиций. Не привыкшие к ожесточенным сражениям, многие из них принимали решение бежать или скрываться. Как только их обнаруживали, их обвиняли в «трусости перед лицом врага» и публично казнили [Hubatsch, 2000, S. 58—59].

Вторым направлением деятельности О. Ляша стало создание аппарата управления крепостью, в который входили бы не только военнослужащие, но также партийные и государственные чиновники. О. Ляш не только мог заручиться поддержкой обер-бургомистра доктора Гельмута Вилля, но и в значительной степени опирался на крайсляйтера Кёнигсберга Эрнста Вагнера, который был назначен городским комиссаром крепости от НСДАП (*Festungsbeauftragte der NSDAP*) [BArch, NS 19/3814, 1—5: Der Chef des Generalstabes des Heeres Gen Qu. / Abt. Kriegsverw. Nr. II/2200/44 g. Kdos, H Qu OKH, den 17.12.1944 Betr. Bevorratung und ARLZ-Maßnahmen auf zivilen Sektor im Bereich der Ostfestungen]. Эти два человека, в соот-

ветствии с «Военной директивой № 53», должны были содействовать О. Ляшу в том, чтобы «каждый последний немец имел возможность внести свой вклад независимо от своей подготовки и положения и мог быть использован в случае чрезвычайной ситуации».

Прямым результатом сотрудничества Ляша и Вагнера стало учреждение 9 февраля крепостной службы (*Festungsdienst*). Крайслейтер Вагнер взял здесь инициативу в свои руки и распространил листовки, в которых указывалось, что горожане, в некотором смысле, должны «заслужить» право на свою защиту: «Не только оружие и машины дают нам защиту, но прежде всего сильные сердца». На первой странице листовки было сказано: «Мы зависим друг от друга, будь что будет». На обратной стороне оставили место для призыва на самую крепостную службу, который неоднократно звучал в газете «Происше Цайтунг» в последующие дни (см. прил. 3) [Wagner, 1945a]. В тексте призыва есть две ошибки. Вагнер написал *Kampfkommandant*, или «боевой комендант», в то время как имелся в виду *Festungskommandant*, или комендант крепости. Во-вторых, обязанность несения крепостной службы распространялась не только на «жителей Кёнигсберга», но и на каждого мирного жителя, находившегося в крепости (*Festung*) Кёнигсберг в тот момент.

Тем не менее теперь существовал план по созданию того, что О. Ляш в своих мемуарах называл «боевым сообществом» (*Kampfgemeinschaft*). Действительно, о гражданских лицах, вносящих вклад в оборону, относительно хорошо заботились. Кинотеатры показывали фильмы, все еще работали банки, снова открывались магазины, и, самое главное, эти люди были достаточно хорошо накормлены [Die Kinospielezeiten, 1945; Wagner, 1945b].

Крепостная служба стала частью повседневной жизни мирных жителей в крепости. Только «матери младенцев и беременные женщины» исключались из службы, и, поскольку все трудоспособные мужчины уже давно были призваны в ар-

мию, службу в крепости несли в основном дети, старики и женщины [Wagner, 1945a]. Так, 8-летнему Гансу-Буркхардту Сумовски предстояло переносить гранаты, передавать координаты для артиллерии и помогать минировать мост. Его бабушка шила подсумки, в то время как дедушка был задействован в депо для ремонта танков [Sumowski, 2009, S. 64—65, 68]. Следует отметить, что все это было в порядке вещей: по приказу Вагнера «Национал-социалистической женской организации» (*Nationalsozialistische Frauenschaft (NSF)*) предписывалось «подготовить швейную комнату для каждого батальона фольксштурма, где мужчинам батальона постоянно стирали бы одежду и зашивали носки» [Wagner, 1945b]. Между тем ремонтное депо танков также было важным элементом обороны крепости. Там удавалось ремонтировать один танк в день, так что к середине февраля 31-й танковый полк 5-й танковой дивизии и 505-й тяжелый танковый батальон (*Schwere Panzer-Abteilung 505*) насчитывали около 80 действующих танков [Plato, 1978, S. 384—386]. Численное преобладание пожилых людей было настолько заметным, что у военных Кёнигсберг было принято называть «Крепостью стариков» (*Festung der Greise*) [ASK, 22034—4: Schäfer, Der Fall Königsbergs, 1—2].

Поскольку строительство оборонительных позиций часто происходило вблизи фронта, рабочие группы крепостной службы нередко попадали под артиллерийский обстрел. Это был слишком большой риск, и сотни людей вместо работ предпочитали прятаться, например, в подвалах главного железнодорожного вокзала [Naujok, 1958]. Вероятно, власти знали об этих людях, но не преследовали их, хотя «отказ» внести вклад в боевое сообщество означал, что их лишат права получать продовольственные карточки [Starlinger, 1955, S. 36]. Таким образом, целью *Kampfgemeinschaft* была не защита населения, а, скорее, защита немецкой территории.

Ситуация изменилась в феврале, после завершения операции «Западный ветер» (*Westwind*) и восстановления сухопутного сообщения между Кёнигсбергом и Пиллау. Девятнадца-

того февраля немецкие войска нанесли удар по сходящимся направлениям: со стороны Пиллау на Кёнигсберг и из Кёнигсберга на западную часть Земландского полуострова. Двадцатого февраля наступающие группировки соединились, а части Красной армии были вынуждены отступить [Duffy, 1993, p. 164—166].

В наступлении приняли участие подразделения «гитлерюгенда» (15—16-летние юноши), входившие в состав «боевой группы 1-й пехотной дивизии» (*Kampfgruppe 1. I. D.*). Их призвали на службу за две недели до наступления, и они были в первой волне наступающих на Метгетен. В этих боях погибли 700 юношей. [BArch, RH 26—1/112: 1. Inf. Div. Kampf um Ostpreußen und um Königsberg (Sammlung von Erlebnisberichten) 1945, 127, 157]. Использование подростков в передовом подразделении свидетельствует о пренебрежении военными ценностью жизни мирного населения и цинизме, с которым такое отношение претворялось в жизнь.

В своих мемуарах О. Ляш утверждал, что операция «Западный ветер» была задумана для обеспечения эвакуации мирных жителей [Lasch, 2002, S. 69]. Военные свидетельства не подтверждают его заявление, они показывают, что действия командования были направлены исключительно на осуществление поставок техники в город и за его пределы. Более того, приказ об эвакуации О. Ляш отдал только 9 марта, но на следующий день ее отложили на неопределенный срок из-за «технических затруднений» [BArch, NS 19/2068, 57, 60. An Reichsführer-SS Feldkommandostelle Betrifft: Meldungen aus dem Ostraum, Königsberg 9.3.45; Königsberg 10.3.45: BE: SS-Oberführer Böhme]. К тому времени (с 26 февраля по 9 марта) из Кёнигсберга было эвакуировано уже около 50 тыс. человек, но большинство из них оказались в наспех организованных лагерях неподалеку от Пиллау. Там не хватало еды, воды и припасов, поэтому, возможно, беженцы решили вернуться в Кёнигсберг [Starlinger, 1955, S. 41—42].

Слухи о плохих условиях на Земландском полуострове приводили к тому, что в настроениях населения города стало преобладать почти полное нежелание эвакуироваться. Кроме того, известия о потопленных судах для эвакуации, таких как «Вильгельм Густлоф», «Гойя» и «Штойбен», а также о наступлении союзников в Западной Германии еще сильнее сдерживало эвакуацию [Schön, 1995, S. 169—170]. Подобные негативные настроения не исчезали, а скорее усиливались благодаря местным пропагандистским материалам в «Пройсише Цайтунг», которая представляла готовность выстоять (*Durchhalten*) как наивысшую добродетель [Heysing, 1945]. Многие пытались «выстоять», потому что покинуть город означало бросить членов своей семьи. Мужчинам не разрешалось покидать город без разрешения, поэтому, когда, к примеру, главу семьи призывали в фольксштурм, его домочадцы часто принимали решение остаться вместе с ним, что также означало их участие в обороне города [Cheeseman, 2000, S. 91]. Возможность использования в неограниченном объеме рабочую силу в течение марта подтверждается тем, что командование крепости намеревалось построить взлетно-посадочную полосу в центре города. Несмотря на то что план так и не был осуществлен (не в последнюю очередь из-за понятной нехватки материалов для строительства), сам факт поддержки этой инициативы показывает, что у командования была уверенность в достаточном количестве рабочей силы для строительства полосы [Lucas-Busemann, 1994, S. 57].

В течение марта 1945 г. произошли последние изменения в рамках подготовки крепости к предстоящему штурму Красной армией. Эти перемены отразились на характере использования гражданского населения в обороне Кёнигсберга. В городских парках фольксштурмовцы обучались применению «панцерфауста», тяжелого противотанкового оружия, которое мог легко освоить и использовать один человек [BArch, Ost-Dok. 8/567, 4—5: Walter Elkes “Vom Pregel zur Elbe” (Einsatz von Jagdkommandos des Volkssturmes) 1945]. Неудивительно, что когда

солдаты Красной армии встречали одиночек с таким тяжелым оружием — «фаустников», они считали их фанатиками и часто поступали с ними жестче, чем с другими солдатами [Койфман, 2010].

В городе осталось только четыре немецкие дивизии. 5-я танковая дивизия не вернулась в Кёнигсберг после операции «Западный ветер», а 1-ю пехотную дивизию заменили недоукомплектованной 548-й дивизией фольксгренадеров, прибывшей с Земландского полуострова. Ее личный состав прошел начальную подготовку, но следует подчеркнуть, что это были люди, которые по разным показателям (возрасту, здоровью и т. п.) до конца 1944 г. были освобождены от службы. То же самое касалось 561-й дивизии фольксгренадеров, которая находилась в городе с начала осады. «Лучше всего были экипированы» 367-я и 69-я пехотные дивизии, которые были боеспособны лишь на 50% [Виллемс, 2016]. Для создания видимости того, что линия фронта оставалась должным образом укомплектованной, в полк СС, размещенный в южной части города, были мобилизованы пожилые полицейские в возрасте около 50 лет [Lasch, 2002, S. 133]. Поскольку они также обучались обращению с «панцерфаустом» и сражались в рядах СС, нетрудно понять, почему красноармейцы считали этих людей фанатиками. То же самое относится и к фольксштурмовцам — некоторые, в частности, продолжали сражаться в Кёнигсбергском замке даже после капитуляции, и число жертв с их стороны оказалось значительно выше, чем со стороны обычных солдат [Seidler, 1989, S. 374].

В случае *крепости* Кёнигсберг у гражданского населения в буквальном смысле не было «стратегии выхода». Как только политики решили вести тотальную войну за город, вся жизнь нонкомбатантов была безжалостно подчинена задачам его обороны. Действия командования крепости показывают, что и для партии, и для вермахта мирные жители считались лишь расходным ресурсом. Такое поведение аналогично тому, как немецкие власти (военное командование и партийные чиновники) действовали во время оккупации Советского Союза, где

они безжалостно эксплуатировали гражданское население в больших масштабах. То, что отступление на собственную территорию в 1944—1945 гг. не побудило немецкое командование изменить существующий подход, отвечало теории, разработанной столетием ранее немецким военным теоретиком Карлом фон Клаузевицем. В сочинении «О войне» он уже тогда подчеркивал, что конфликт редко прекращается сам по себе. Напротив, чем дольше длится война, тем больше воюющие стороны склонны к «предельному напряжению сил». Иными словами, вермахт уже давно научился использовать мирных граждан в войне, которую он вел, и на своей территории этот ресурс также был доступен. Действительно, в Кёнигсберге было особенно заметно, что командование крепостью полностью поддерживало тезис Клаузевица: «Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает» [Клаузевиц, 1998, с. 35—36]. Степень эксплуатации мирного населения, возможно, лучше всего иллюстрирует утверждение генерала О. Ляша о том, что 6 апреля, всего за несколько часов до начала последнего штурма, около 10 тыс. легкораненых солдат были эвакуированы из крепости на поезде [Lasch, 2002, S. 80]. Мирные жители не получили такой возможности и, естественно, не были оповещены о начале наступления советских войск. В последующие дни им предстояло испытать весь ужас тотальной войны.

Комментарий редактора

В своем разделе Б. Виллемс основное внимание уделил положению немецкого населения, волею судьбы зимой-весной 1945 г. оказавшегося в осажденном Кёнигсберге. В первом же предложении сообщается о 100 тыс. немецких граждан, которые находились в городе 6 апреля. Эти данные заставили редактора вернуться к дискуссии 2015—2016 гг.

Вообще, использование в научной дискуссии «круглых» цифр, в частности 100 тыс., позволяет утверждать, что сторона, ее выдвигающая, не имеет точных данных.

Ю. Торвальд одним из первых в немецкой историографии еще в 1950 г. (правда, без ссылки на источник) оценил количество гражданских лиц, оказавшихся в осажденном Кёнигсберге, в 130 тыс. человек. Торвальд позиционировал ее по времени: конец января 1945 г. [Thorwald, 1950, S. 161].

Впрочем, Виллемс негативно отнесся к автору такого источника: «Торвальд (псевдоним Хайнца Бонгарца) был предвзято настроенным послевоенным журналистом, к тому же в нацистский период публиковавшимся в журнале печально известного “Черного корпуса” СС» [Виллемс, 2016, с. 30].

По другим немецким данным, с которыми соглашаются и некоторые отечественные специалисты и в которых имплицитно присутствует цифра от Торвальда, в Кёнигсберге перед штурмом находилось от 90 до 130 тыс. гражданских лиц (см.: [Lasch, 2002, S. 82; Гаузе, 1994, с. 257; Глински, Вёрстер, 1996, с. 111; Гольчиков, 2005, с. 111]). По данным Виллемса, к началу февраля 1945 г. в Кёнигсберге находилось 50 тыс. жителей самого города и 150 тыс. беженцев из провинции.

Подобные утверждения подразумевают гибель во время штурма города многих десятков тысяч мирных жителей. Но насколько такие утверждения верны?

Стоит обратить внимание на разброс 90—130 тыс. жителей. Когда разница в показателях достигает почти 50%, это говорит о том, что данные взяты исключительно случайным образом или специально искажаются. Действительно, подсчеты коменданта крепости, — а генерал Ляш — основной источник такой информации — выглядят по меньшей мере странно. Руководству города, военным властям до самого штурма удавалось сохранить систему обеспечения населения продуктами, пусть и при сильно сокращенных нормах питания [ЦАМО, ф. 405, оп. 9769, д. 461, л. 104]. Об этом подробно пишет и Б. Виллемс. Но функционирование такой системы позволяет весьма точно, со значительно меньшей, чем 50%, погрешно-

стью определить общую численность населения. Комендант крепости, конечно же, не мог не знать, какое количество людей находится в городе.

В середине февраля вермахту удалось прорвать кольцо окружения на Земланде, было восстановлено сообщение Кёнигсберг — Пиллау, и в порт хлынули толпы из столичного города. Коммуникация была неустойчивой: с 8 марта эвакуация населения морем из Пиллау была приостановлена (все суда были брошены на вывоз беженцев из Данцига и Гдыни). Виллемс пишет: «...из-за технических затруднений». И добавляет, что большинство беженцев были сосредоточены во временных лагерях близ Пиллау. Из-за нехватки пропитания, «возможно, беженцы решили вернуться в Кёнигсберг». В результате остававшееся до этого в Кёнигсберге население не желало эвакуироваться из города.

Молодой исследователь, по его словам поработавший над темой в восьми (!) архивах [Виллемс, 2016, с. 28], оставил без внимания очень важный момент, о котором упоминал еще в 2015 г. его коллега, тоже аспирант, но Воронежского университета, Е.С. Полунин. Он привел данные о том, что когда немецкие суда были направлены в Данциг и Гдыню, Пиллау «выполнял тогда роль перевалочного пункта для бегства по суше через Нойтиф 180—200 тыс. человек» [Полунин, 2015, с. 92].

Несколько отклоняясь от темы, сообщим, что всего через Пиллау только морским транспортом покинули Восточную Пруссию около полумиллиона человек [Там же]. Пиллау был взят 25 апреля 1945 г., и данные о пребывании в этот момент в городе-порту гражданского населения советские военные документы не приводят: все население было эвакуировано.

Но обратимся к осажденному Кёнигсбергу. Учитывая массовый исход в течение февраля — марта кёнигсбергского населения из города через образовавшиеся впоследствии в кольце его блокады советскими войсками коридоры по обоим берегам залива Фриш-Гаф, к моменту штурма города численность гражданского населения в нем должна была значительно

сократиться. Это подтверждали взятые немецкие «языки», общавшие, что «населения в городе осталось немного», гражданское население целых районов «почти полностью выселено» [ЦАМО, ф. 405, оп. 9769, д. 461, л. 104, 120 и др.].

Сразу после окончания боев военные власти 3-го Белорусского фронта приступили к подсчету количества немецкого населения, оставшегося в городе.

Так, 6—10, даже 11 апреля в Кёнигсберге были взяты в плен, задержаны все, или почти все, немецкие военнослужащие и основная масса гражданского населения, находившегося в городе. Задержанные направлялись на сборные пункты и в лагеря военнопленных. После проверки гражданские лица освобождались и могли возвращаться к местам проживания в Кёнигсберге или в иных населенных пунктах.

Двадцать шестого апреля начальник отдела информации оперативного управления штаба 3-го Белорусского фронта полковник Колесников сообщает окончательные данные проверки лиц, находившихся на сборных пунктах и в лагерях военнопленных: 27 944 немецких гражданина [Там же, ф. 358, оп. 5916 (Опер. отд. штаба), д. 854 (Документы по учету потерь войск фронта), л. 118 (Сведения о количестве взятых военнопленных за период с 1.4 по 17.4)]. Практически была произведена своего рода перепись условного населения города по состоянию на 10 апреля 1945 г.

Затем немецкое население должно было самостоятельно встать на учет в военных комендатурах в пункте своего проживания. Это было необходимо в интересах самих жителей — появлялась возможность получать скудный паек для проживания. Регистрация населения в органах СМЕРШ и в военных комендатурах шла практически параллельно.

На 26 апреля 1945 г. военные органы в Кёнигсберге зарегистрировали 23 247 немецких граждан, 1 мая их количество составило 22 838 человек, 6 мая — 26 559 [Костяшов, 1994, с. 186; ЦАМО, ф. 241, оп. 2593, д. 817, л. 213 (Справка о численности немецкого населения, зарегистрированного комендатурой 3-го Белорусского фронта, по состоянию на 1-е мая 1945 г.)];

Там же, д. 789 (Указания оперативного управления по тактике... и т. д.), л. 56—57 (Справка о зарегистрированном местном населении по районам Восточной Пруссии по состоянию на 15 мая 1945 г.); Там же, л. 96 (Справка о зарегистрированном местном населении по районам Восточной Пруссии по состоянию на 15 июня 1945 г.); ГАКО, ф. 330, оп. 1, д. 7, л. 2, 3 (Переписка с Военным Советом, трофейным управлением и начальником тыла 3-го Белорусского фронта и Военным Советом 11-й гв. армии о снабжении продовольствием немецкого населения г. Кёнигсберга)].

Вероятно, уже до конца невыясненным останется число погибших в ходе штурма немецких военнослужащих и гражданского населения. Возможность установить хотя бы приблизительно эту цифру заключается в учете захороненных жертв штурма.

Что касается деятельности советских военных похоронных команд, то необходимо учитывать, что боевые действия в Восточной Пруссии еще продолжались весь апрель и первую декаду мая 1945 г. Штатные похоронные команды в составе своих дивизий и армий продолжали выполнять свою нелегкую работу уже в глубине Земландского полуострова. Самое большее, что они смогли сделать в короткие сроки, — похоронить красноармейцев, павших в Кёнигсберге.

В городе после штурма оставались только военные комендантуры, из-за малочисленности не имевшие возможности осуществлять массовые захоронения. Военный комендант Кёнигсберга генерал-майор М. В. Смирнов принял решение привлечь местных жителей для уборки трупов немецких солдат и населения. Очевидец штурма, кёнигсбержец Михаэль Вик (в 1945 г. ему было 17 лет), вспоминает, что после окончания боев ему пришлось участвовать в захоронениях погибших немцев. Данные об их числе, по понятным причинам, он не приводит [Вик, 2004, с. 195—196].

Генерал Смирнов в ежедневных донесениях начальнику тыла фронта отразил динамику регистрации населения Кёнигсберга и захоронений погибших немцев, причем без учета их

социального положения: в донесениях обобщенно указывалось «немцев», «трупов солдат» и «офицеров». Всего по состоянию на 4 мая 1945 г. было захоронено («убрано») 5 153 трупа немцев. Естественно, это были не все погибшие. Во время приведения города в относительный порядок, разбора развалин находили еще останки погибших. Однако массовые погребения не производились.

Учитывая, что население города так или иначе во время штурма пряталось в укрытиях различного типа, а оборонявшиеся военнослужащие подвергались огневому обстрелу, логично предположить, что основную часть погибших из последней цифры составили именно военнослужащие вермахта и фольксштурмовцы.

Резюмируем: в Кёнигсберге накануне его штурма советскими войсками могло находиться до 30 тыс. гражданских лиц (около 10% довоенного населения). В феврале — марте 1945 г. через залив Фриш-Гаф и порт Пиллау из Кёнигсберга смогли выбраться до 100 тыс. человек мирного населения.

* * *

В последующем, описывая положение немецких граждан в осажденном Кёнигсберге, автор раздела делает несколько неоднозначных шагов политического и информационно-технического характера.

Что касается политического шага, то у редактора монографии после знакомства с текстом молодого доктора наук лондонского колледжа было труднопреодолимое внутреннее желание вернуть материал автору. Видимо, здесь сказывалось то, что, по словам Б. Виллемса, я в своих исследованиях придерживаюсь официального курса и служу «текущей политической повестке» [Виллемс, 2016, с. 31].

Прежде всего, не бравирюя, отвечу еще раз своему оппоненту, что я служил и буду служить России. Желание же вернуть материал было связано с вошедшим в плоть и кровь у большинства западных исследователей стремлением исказить,

принизить роль Советского Союза, России во всех общественных деяниях, направленных на разгром агрессора, достижения всеобщего мира.

Речь идет о своеобразном осмыслении Б. Виллемсом идей Людендорфа и Геббельса о тотальной войне и приписывания их первоначально Советскому Союзу. Он так и пишет, что в тотальной войне, которую с 1943 г. вела Германия, «подход к использованию гражданского населения не столь сильно отличался от подхода, который ранее в ходе войны применялся в Советском Союзе».

Механистический подход в западном сообществе к оценке событий и явлений, битв и сражений Второй мировой войны явно не способствовал пониманию Виллемсом того обстоятельства, что в советской стране война без каких-либо условий являлась «народной» и «священной»! Именно данное обстоятельство и подвигло редактора поместить материал нидерландского историка в монографии, естественно, с последующими комментариями. При этом эти комментарии относятся не только к политико-демографическим обстоятельствам проблемы, но и к тому, что иногда выходит за грань обычной действительности.

Примером здесь может служить полное непонимание нидерландским ученым процесса перевозки людей по железной дороге. Из сообщения О. Ляша известно, что в последний день (перед началом штурма советскими войсками Кёнигсберга), он отправил 10 тыс. легкораненых солдат из Кёнигсберга в Пиллау, не указывая, каким транспортом [Lasch, 2002, S. 80]. Может быть, пешком (ред. — Г. К.)? Нет, Б. Виллемс конкретизирует: «...из крепости на поезде».

Понятно, что фраза символичная. Но дело в том, что количество пассажиров последнего поезда — цифра реальная. Если допустить, что в одном вагоне можно было бы разместить хотя бы 100 легкораненых военнослужащих, то поезд имел бы в своем составе до 100 вагонов. При длине вагона в 15—20 м сформировать эшелон длиной 1,5—2 км 5 апреля в осажденном Кёнигсберге практически было невозможно.

Ляш писал свои мемуары, ориентируясь не на документы, что естественно, а на собственную память. Он помнил, что был такой факт, и детали, цифры в своих воспоминаниях приводит произвольно. Но доктор наук из лондонского колледжа использует этот факт как весомый аргумент (без проверки) в обосновании своей версии. И такой факт не единичен.

О легковесном подходе к источникам говорит и другой пример: речь о боях в центре города 9 апреля. Б. Виллемс пишет о том, что фольксштурмовцы «продолжали сражаться в Кёнигсбергском замке даже после капитуляции».

Вопрос о том, был ли штурм замка 9 апреля, естественным образом интересовал и калининградцев. Он привлекает внимание калининградских поисковиков и современных интернет-исследователей. Но избирательно.

Так, если С. Гольчиков сообщает, что замок был взят к 19 часам [2005, с. 123], то А. Самсонов пишет уже об орудиях прямой наводки (?), действиях танков (это утверждение сомнительно: 9 апреля не было способа переправить танки через оба рукава реки Прегель) [Самсонов, 2015].

Известный калининградский краевед А. П. Овсянов ссылается на участника штурма Кёнигсберга, впоследствии архитектора города А. В. Максимова [Овсянов, 2006]. Кроме того, А. П. Овсянов приводит исключительно ценные воспоминания директора замкового ресторана «Блютгерихт» Пауля Файерабенда:

... со второй половины дня 9 апреля 1945 г. в замке распоряжался комендант, назначенный гауляйтером. Я находился в винном погребе. По договоренности с некоторыми офицерами я вывесил в северном и южном крыльях замка белые флаги как знак капитуляции... Ночью в 11 часов 30 минут пришел русский офицер с солдатами, дал указание об уходе (цит. по: [Овсянов, 2006]).

Но самое ценное, конечно, свидетельство генерала Ляша (еще раз приношу извинения читателю на этот раз за столь длинную цитату. — Г. К.):

О так называемом героическом последнем очаге сопротивления — Кёнигсбергском замке сложили кучу легенд, но все они оказались несостоятельными... Прямой атаки на замок вообще не было, а о факте капитуляции из-за недостаточной связи с внешним миром здесь узнали только по слухам... и лишь около 1.00 часа 10 апреля в подвалах замка появился русский офицер с солдатами и потребовал капитуляции (цит. по: [Lasch, 2002, S. 109]).

После таких «подробностей» возможно ли некритично относиться к фактам, приводимым Б. Виллемсом?

Завершая дискуссию, хотелось бы отметить, что Б. Виллемс подготовил действительно интересный материал: познавательный, раскрывающий особенности отношений двух ветвей власти (военной и партийной) в осажденном Кёнигсберге, рассказал о трагедии гражданского населения, ввергнутого в пучину тотальной войны. Концептуально исследование проведено в духе существующего в западном сообществе подхода к изменению оценки роли участников войны в достижении общей победы.

И еще замечание профессора: автору дискуссионного материала необходимо более ответственно подходить к подбору источников, к их корректному использованию. Данное обстоятельство влияет на качество научного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Авиация в боях за крепость и город Кёнигсберг // Информационный сборник № 26. Управление главнокомандующего ВВС ВС СССР / под ред. М. В. Захарова. М. : Воениздат, 1946. С. 4—46.

Александр Михайлович Василевский — биография. URL: <https://to-name.ru/biography/aleksandr-vasilevskij.htm> (дата обращения: 04.04.2020).

Алексеев М. Начало боев в Восточной Пруссии // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 119—122.

Алексеев М. Первые в логове врага. М. : Воениздат, 1969.

Апостолов П. Война и музыка // Советская музыка. 1946. № 2—3. С. 58—65.

Архив Калининградского областного историко-художественного музея (АКОИХМ).

Ачкасов В. И., Вайнер Б. А. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М. : Воениздат, 1957.

Ачкасов В. И., Павлович Н. Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М. : Воениздат, 1973.

Баграмян И. Х. Так мы шли к победе. М. : Воениздат, 1988.

Баранов Н. Н. Вторая мировая война в мемориальном пространстве Восточной Европы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 2 (187). С. 293—297.

Басов А. Владимир Басов. «Сколько себя помню» // Клазура. 2012. Вып. № 6 (12). Часть 2. URL: <https://klauzura.ru/2012/05/vladimir-basov-skolko-sebya-pomnyu-memuarnaya-proza-predislovie-i-sostavlenie-teksta-aleksandr-basov-chast-2/> (дата обращения: 05.04.2020).

Баталов А. Сундук артиста. М. : Кучково поле, 2016.

Бёддекер Г. Горе побежденным! Беженцы III Рейха. 1944—1945 гг. / пер. с нем. С. Липатова. М. : Эксмо, 2006.

Белявский Мих. Они были на войне // Советское искусство. 1946. 9 мая.

Боевой путь советского Военно-морского флота. М. : Воениздат, 1988.

Боевой состав Советской Армии : научно-справочный труд в 5 ч. М. : Воениздат, 1990. Ч. 5. (январь — сентябрь 1945 г.).

Большая советская энциклопедия : в 66 т. (65 т. и 1 доп.) / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М. : Советская энциклопедия, 1947. Т. 66 (доп.).

Большая советская энциклопедия : в 50 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. М. : Большая советская энциклопедия, 1951. Т. 9.

Борьба за советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне : в 3 кн. Рига : Лиесма, 1969. Кн. 3.

Братерский А. «Я бы сравнил Жукова с генералом Грантом» : интервью с американским историком Дэвидом Гланцем о Великой Отечественной войне [2014] // Газета. Ру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2014/05/09_a_6024329.shtml (дата обращения: 16.05.2020).

Будаев А. В., Грибанов А. Я., Ржевцев Ю. П. Книга Памяти. Назовем поименно. Калининград : Аксиос, 2009. Т. 22 : Летопись фронтового подвига советской военной разведки как спецслужбы, совершенного в тылу врага на Восточно-Прусском направлении.

Бушуева Т. С., Колодникова Л. П. Не очутиться вновь в круге исторического беспамьятства // Научно-аналитический журнал *Обозреватель* — Observer. 2016. № 7 (318). С. 5—20.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М. : Воениздат, 1984.

Василевский А. М. Дело всей жизни. М. : Политиздат, 1978.

Василевский А. М. Восточно-Прусская операция // Военно-исторический журнал. 1969. № 3. С. 35—55.

Васильев А. В., Кретинин Г. В. Бои на косе Фрише-Нерунг // Балтийский альманах. Калининград, 2012. № 11. С. 48—57.

Ведров К. Съёмки в Калининграде нового фильма // Калининградская правда. 1958. 28 сент. С. 4.

Великая Отечественная война 1941—1945 годов : в 12 т. М. : Кучково поле, 2012. Т. 4 : Освобождение территории СССР. 1944 год.

Великая Отечественная война 1941—1945 годов : в 12 т. М. : Кучково поле, 2013. Т. 5 : Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией.

Великая Отечественная война 1941—1945 : энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1985.

Великая Отечественная война в современной историографии. Реферативный сборник. М., 2015а.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Военно-исторические очерки. Книга третья: Освобождение. М. : Наука, 1999.

Великая Отечественная война : энциклопедия / под общ. ред. В. В. Герасимова ; НИИ военной истории ВАГШ ВС РФ [и др.]. Курск, 2015б.

- Великая Победа* : в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. М. : МГИМО, 2015. Т. 14 : Умиротворение Европы.
- Вердян Л.Н.* Представление музейных выставок на патриотической акции «Поезд памяти» в 2016—2017 годах // *Время Музея*. Калининград : Аксиос, 2018. Вып. 1. С. 85—94.
- Вершинин Л.* «Внимание, съемка!» // *Калининградская правда*. 1957. 3 сент. С. 4.
- Вик М.* Закат Кёнигсберга: Свидетельство немецкого еврея. СПб. : Гиперион, 2004.
- Виллемс Б.* Крепость Кёнигсберг в 1945 году: гарнизон и население. Ответ на замечания Г.В. Кретинина / пер. с англ. И.О. Дементьева // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер. : Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2. С. 23—31.
- Виллемс Б.* Между соучастником и жертвой: опыт гражданского населения при осаде крепости Кёнигсберг в 1945 году / пер. с англ. Г.С. Аракеяна ; под ред. И.О. Дементьева // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2015. № 12. С. 43—51.
- Виртуальная* научно-практическая конференция «В боях за Восточную Пруссию: 75 лет Великой Победе». URL: <http://special.kantiana.ru/war> (дата обращения: 15.05.2020).
- Вишняков А.* Двадцать дней без войны // *Неманские вести*. 1997. 5 апр. С. 2.
- Внешняя* политика Советского Союза в период Отечественной войны : документы и материалы / ред.-сост. С. Майоров. М. : Госполитиздат, 1946. Т. 1 : 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г.
- Внешняя* политика СССР : сборник документов. М., 1947. Т. 5.
- Военно-Морской* Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне : в 3 т. М. : ГШ ВМФ, 1962. Т. 3.
- Володихин Д.М.* Две версии микроисторической платформы в отечественной историографии // *Диалог со временем*. 2002. Вып. 8. С. 445—447.
- Воробьев И.* Руины в кадре: Калининград-Кёнигсберг играл роль живых декораций для драматичных батальных сцен «на территории врага» // *Дворник*. 2017. № 42. С. 9.
- Воронов В.И.* Калининград 1946—1966. Фотографии из семейного альбома. Калининград, 2018.
- Вторая* мировая война 1939—1945 гг. : военно-исторический очерк. М. : Воениздат, 1958.

Вуков Н. Репрезентации «братской помощи» или «имперское наследие»: Памятники советской армии в Болгарии до и после 1989 г. // *Ab imperio*. 2006. № 1. С. 267—292.

Гаврилов В. Н. Танкисты шли впереди // *Янтарный край*. 2000. 28 янв.

Гаврилов В. Под напором стали и огня // *Калининградская правда*. 1974. 9 апр.

Гаврилов В. Штурм отменили из-за тумана и сильного снега // *Страна-Калининград*. 2013. 4 апр.

Гаврилов М. И. Похождения Козерога. Екатеринбург : Издательские решения, 2016.

Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии: История одного европейского города / пер. В. Хердт, Н. Конрад, Реклингхаузен : Биттер, 1994.

Государственный архив Калининградской области (ГАКО).

Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией. М. : Наука, 1970.

Гареев М. А., Кретицин Г. В. Познание Победы // Калининградские архивы: материалы и исследования : сборник статей. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. Вып. 16. С. 163—177.

Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944—1951 / вступ. ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова ; коммент. В. Г. Макарова. М. : МФД, 2009. (Россия. XX век. Документы).

Гланц Д. Блокада Ленинграда 1941—1944. М. : Центрполиграф, 2009.

Гланц Д. Советское военное чудо 1941—1943. Возрождение Красной Армии. М. : Яуза, Эксмо, 2008.

Глински Г., Вёрстер П. Кёнигсберг. Conigsberg — Königsberg — Калининград: Прошлое и современность / пер. с нем. Т. Фрост. Берлин ; Бонн : Весткройц Ферлаг, 1996.

Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М. : ООО «Дельта НБ», 2004.

Гольчиков С. Поле боя — Пруссия. Калининград : ООО «Умножение», 2005.

Горчаков О. А. Лебединая песня : документальная повесть. М., 1968. URL: <https://www.molodguard.ru/heroes100.htm> (дата обращения: 14.05.2020).

Грабенко Л. Вторая жена режиссера Владимира Мотыля актриса Раиса Куркина: «Если бы “Белое солнце пустыни” каким-то чудом не попало на дачу к Брежневу, еще неизвестно, увидели бы когда-нибудь зрители этот фильм или нет» // Ежедневная газета «Бульвар Гордона» (Украина). 2011. № 7 (303). 15 февраля. URL: https://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s7_64499/6704.html (дата обращения: 05.04.2020).

Григоренко М.Г. И крепость пала... Калининград : Книжное издательство, 1989.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин [и др.] ; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М. : Воениздат, 1993.

Грозное небо. Авиация в современных конфликтах / М.С. Барабанов, А.С. Ермаков, И.П. Коновалов [и др.] ; под ред. В.Н. Бондарева. М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2018.

Действия Военно-Морского Флота в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. М. : Воениздат, 1956.

Джабиев А.Т. Советские воинские мемориалы в Варминьско-Мазурском воеводстве (Польша) // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. Вып. 9. С. 157—164.

Директива Ставки ВГК № 220235. Командующему войсками 3-го Белорусского фронта и представителю Ставки на подготовку операции по разгрому Тильзитско-Инстербургской группировки противника... // Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. М. : Воениздат, 1968. Вып. 4: Январь 1944 — август 1945.

Директива Ставки ВГК № 220259. Представителю Ставки, командующему войсками 3-го Белорусского фронта об освобождении А.М. Василевского от руководства операциями фронта, 8 ноября 1944 г. // Русский архив: Великая Отечественная. М. : Терра, 1999. Т. 16 (5—4) : Ставка ВГК. Документы и материалы 1944—1945.

Легенды армии. Геннадий Юшкевич : документальный фильм URL: <https://tvzvezda.ru/schedule/programs/201509181301-qpj0.htm/20195211854—55CX3.html/player/> (дата обращения: 19.05.2020).

Дорофеев А.В. Форсирование пролива и бой за косу Фрише-Нерунг // Военно-исторический журнал. 1962. № 5. С. 52—57.

- Драбкин А. В.* Я дрался на Т-34. М. : Яуза ; Эксмо, 2006.
- Ерофеев И.* Кино в Черняховске // Вдохновение. 2016. № 1(11). С. 92—99.
- Жиров А. А.* Память о Великой войне в монументах Восточной Пруссии: опыт визуального исследования // Сборник научных статей студентов федеральных университетов России. Казань : Отечество, 2014. С. 42—45.
- Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления : в 3 т. 7-е изд. М. : Изд-во Агентства печати Новости, 1986. Т. 2.
- Жуматий В. И.* Морские десантные операции Вооруженных Сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны. 1918—1945 гг. М. : Центрполиграф, 2011.
- Заседания Верховного Совета СССР: (Первая сессия).* 12—19 марта 1946 г. : стенографический отчет. М. : Верховный Совет СССР, 1946.
- Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казыцкий А. С.* Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991. URL: http://militera.lib.ru/h/zevelev_ai/05.html (дата обращения: 15.05.2020)
- Золов А. В.* Демонизация Красной Армии как один из трендов западной историографии // Слово Ру: Балтийский акцент. 2013. № 4. С. 65—80.
- Иванов Ю.* В лесах под Кёнигсбергом // Калининградская правда. 1974а. 10 окт. С. 3.
- Иванов Ю.* В лесах под Кёнигсбергом // Калининградская правда. 1974б. 11 окт. С. 4.
- Иванов Ю.* В лесах под Кёнигсбергом // Калининградская правда. 1974в. 15 окт. С. 3.
- Иванов Ю. Н.* На краю пропасти : роман. Калининград : Книжное издательство, 1983.
- История Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.* : в 6 т. М. : Воениздат, 1962. Т. 4 : Изгнание врага из пределов Советского Союза и начало освобождения народов Европы от фашистского ига (1944 год).
- История Великой Отечественной войны. 1941—1945.* : военно-исторический очерк : в 6 т. М. : Воениздат, 1963. Т. 6.
- История Второй мировой войны 1939—1945* : в 12 т. / Н. И. Шеховцев (руководитель), Ю. Г. Перечнев, Н. Ф. Азяский [и др.]. М. : Воениздат, 1979. Т. 10 : Завершение разгрома фашистской Германии.

История дипломатии : в 5 т. / под ред. А. А. Громыко. М. : Политиздат, 1975. Т. 4 : Дипломатия в годы Второй мировой войны.

История России. 10 класс : учебник для общеобразовательных организаций. Базовый и углубл. уровни : в 3 ч. / [М. М. Горинов и др.] ; под ред. А. В. Торкунова. 5-е изд., перераб. М. : Просвещение, 2019. Ч. 2.

История. История России. 1914 — начало XXI в. : учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углубл. уровни : в 2 ч. / [В. А. Никонов и др.] ; под ред. С. П. Карпова. 2-е изд. М. : Русское слово, 2018. Ч. 2.

История. История России. Начало XX — начало XXI в. : учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углубл. уровни : в 2 ч. / [О. В. Волобуев и др.]. 2-е изд. М. : Дрофа, 2017. Ч. 2.

Карсавин Л. П. Философия истории. СПб. : АО «Комплект», 1993.

Катеруша А. «Дорога в Париж»: В Калининграде стартуют съемки фильма о войне с Маковецким и Певцовым // Комсомольская правда. Прил. Комсомольская правда в Калининграде. 2017. 1—8 июня. С. 25.

Катеруша А. Валентин Гаврилов: Немецкие солдаты в Кёнигсберге передевались женщинами, чтобы спастись // Комсомольская правда в Калининграде. 2015. 23 марта.

Катеруша А. Ради 9-секундной сцены в фильме режиссер Герман взорвал замок Рагнит: как в Калининградской области снимали знаменитую кинокартину «Двадцать дней без войны» // Комсомольская правда. Прил. Комсомольская правда в Калининграде. 2019. 21—28 нояб. С. 25.

Клаузевиц К. О войне / пер. А. Рачинского. М. : Логос : Наука, 1998.

Клемешев А. П., Федоров Г. М. Калининградский социум // Регион сотрудничества. Калининград : Изд-во КГУ, 2001. Вып. 15.

Кноблаух К. Кровавый кошмар Восточного фронта. Откровения офицера парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг» / пер. с нем. С. Липатова. М. : Яуза-пресс, 2010.

Кожевин В. Л. Войны России XX столетия в историко-антропологическом измерении // Вестник Омского ун-та. 2010. № 2. С. 9—13.

Койфман Г. Горелик Моисей Хаимович [2010]. URL: [http:// iremember.ru/memoirs/partizani/gorelik-moisey-khaimovich/](http://iremember.ru/memoirs/partizani/gorelik-moisey-khaimovich/) (дата обращения: 06.04.2020).

Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. М., 1999. URL: http://militera.lib.ru/research/kolpakidi_prohorov1/07.html (дата обращения: 14.05.2020).

Коновалов А.В. Историческая память как объект информационных атак (война с памятниками) // Информационные войны: социально-этические, эстетические, антропологические аспекты и технологии противодействия / ред. В.Ш. Сабиров. Новосибирск : СибГУТИ, 2015. С. 276—289.

Концерты народной артистки РСФСР Л.П. Орловой // Калининградская правда. 1948. 16 июля. С. 4.

Корецкий А. Булат Окуджава: калининградский след // Известия Калининграда. 2007. 1 июня. С. 9.

Корнилова Г.П., Гройсман Я.И. Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате. Н. Новгород : Деком, 2003.

Костяшов Ю.В. Выселение немцев из Калининградской области в послевоенные годы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 186—188.

Кошелев В.А. Боевое применение ВВС в Восточно-Прусской операции 1945 года. Монино, 1955.

Кошелев В.А. Организация и ведение боевых действий воздушной армии во фронтовой наступательной операции с прорывом заблаговременно подготовленной обороны противника и уничтожением его крупной группировки в приморском районе (по опыту 1-й, 3-й и 4-й воздушных армий в Восточно-Прусской операции 1945 года) : дис. ... канд. воен. наук. Монино : КВВА, 1956.

Красная звезда. 1944. 9 мая.

Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне советского народа : в 4 кн. М. : Наука, 1991. Кн. 2.

Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М. : Наука, 1981.

Краснознаменный Балтийский флот в завершающий период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М. : Наука, 1975.

Кретинин Г.В. Защищая Отечество: От Невской битвы до Гумбинненской операции 1944 г.: К 75-летию Великой Победы и 800-летию со дня рождения Александра Невского : исторический очерк. Калининград, 2019.

Кретинин Г.В. Исчезновение и (или?) воскрешение исторической памяти. О боевом и трудовом подвигах Героя Советского Союза И.К. Липчанского // Калининградские архивы. 2016. № 13. С. 42—52.

Кретинин Г.В. Летопись Победы в Восточной Пруссии в 1944—1945 : текст, комментарии, примечания. Калининград : Изд-во «РА Полиграфыч», 2020.

Кретинин Г.В. О методологических и мировоззренческих подходах формирования исторической памяти и идентичности калининградцев // Granice i ich pokonywanie na obszarze niemiecko-polsko-rosyjskim / red. Ju. Kostjašov, O. Kurilo, P. Zariczny. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2012a. S. 164—177.

Кретинин Г.В., Некрылова И.Б. Воинские памятные места и кладбища на территории Калининградской области // Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти : сб. науч. ст. / под ред. Ю. Костяшова, О. Курило. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 134—142.

Кретинин Г.В., Новиков А.С. Прусские маршруты комбрига А.И. Соммера. К 75-летию Великой Победы : исторический очерк. Калининград : Страж Балтики, 2020.

Кретинин Г.В. Военные комендатуры 3-го Белорусского фронта в Восточной Пруссии (октябрь 1944 — май 1945 года) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 12. С. 67—75.

Кретинин Г.В. Военные комендатуры Кёнигсбергского особого военного округа в 1945—1946 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2006. № 12. С. 55—62.

Кретинин Г.В. Штурм Кёнигсберга в 1945 г.: численность и потери противостоящих сторон и гражданского населения // Проблемы национальной стратегии. 2012б. № 2. С. 138—154.

Кузнецов А.А. Награды: энциклопедический путеводитель по истории российских наград. М. : Современник, 1999.

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М. : Воениздат, 1987.

Кынин Г.П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании 1941—1943 гг. Обзор документов // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 91—113.

Лан В.И. США в военные и послевоенные годы. М. : Наука, 1978.

Латин В.В. Война памятников и война с памятниками // Россия XXI. 2014. № 1. С. 122—145.

Лонго Л. Народ Италии в борьбе / пер. с ит. В.В. Кочергина [и др.] ; под ред. и со вступ. ст. Д.П. Шевлягина. М. : Издательство иностранной литературы, 1951.

Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М. : МФД : Материк, 2006.

Лучникова В. Кино на развалинах Кёнигсберга // Жизнь Янтарного. 2016. 19 мая. С. 11.

Людников И.И. Дорога длиною в жизнь. 2-е изд. М. : Высш. шк., 1985.

Ляи О. Так пал Кёнигсберг. М. : Акво-инк, 1991.

Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934—1943 : в 2 кн. Кн. 2 : в 2 ч. М. : Наука, 2009. Ч. 2: 22 июня 1941—1943 год.

Майстер Ю. Восточный фронт. Война на море 1941—1945. М. : Эксмо, 2005.

Максимов О. Фильм снимается в Калининграде // Калининградская правда. 1960. 15 апр. С. 4.

Малиновский Н. Флаг над фортом // Во славу Родины. 1946. 10 апр.

Манюк Е.С. Коллекции предметов участников Великой Отечественной войны в собрании Калининградского областного историко-художественного музея: комплектование, хранение, экспонирование // Каталог предметов участников Великой Отечественной войны из собрания Калининградского областного историко-художественного музея. Калининград, 2015. С. 4—7.

Манюк Е.С., Панков О.Д. «Мы еще раз почувствовали силу нашей пропаганды...» Организация выставки 1-го Прибалтийского фронта в 1945 году // Военно-исторический журнал. 2019. № 12. С. 48—53.

Министр обороны России доложил Верховному Главнокомандующему о результатах проведения воздушной операции в Сирии [2015] // Сайт Министерства обороны Российской Федерации. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12066437@egNews (дата обращения: 22.03.2020).

Миц И. Великая Отечественная война Советского Союза. М. : Госполитиздат, 1947.

Монахов В. Судьба солдата // Искусство кино. 1975. № 5. С. 61—66.

Морской атлас. М. : ГШ ВМФ, 1966. Т. 3 (военно-исторический). Ч. 2. Описание к картам.

Музей Отечественной войны // Калининградская правда. 1946. 13 дек. С. 4.

Мыларициков С. Б. «Тайны» штурма Кёнигсберга. Калининград : Страж Балтики, 2018а.

Мыларициков С. Б. Последний бой, он трудный самый. (Хроника боев на косе Фрише-Нерунг 25 апреля — 9 мая 1945 года). Калининград : Страж Балтики, 2018б.

Мюни Ф. «Алеша»: памятники советскому солдату на посткоммунистическом пространстве // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 60—68.

Назаров О. Победные бои // Историк. 2020. № 2. С. 14—17.

Научный архив Института российской истории РАН РФ (Научный архив ИРИ РАН).

Никольский В. А. Аквариум-2. М. : Гея, 1997.

Никольский В. А. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. М., 2005. URL: <https://biography.wikireading.ru/250484> (дата обращения: 25.05.2020)

Никулин Ю. Почти серьезно... М. : Риотип, 1994.

Новиков А. А. Советская авиация в боях за Кёнигсберг // Военно-исторический журнал. 1968. № 9. С. 71—81.

Новиков А. А. Советская авиация в боях за Кёнигсберг и Берлин // 9 мая 1945 года : воспоминания. М. : Наука, 1970. С. 273—326.

Об учреждении медалей «За взятие Будапешта», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Вены» и «За взятие Берлина». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Л. И. Мандельштам. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 287—289.

Обревко М. На «Мерседесе» — в Париж: в области снимают кино о последних днях Второй мировой войны // Аргументы и факты: Регион прил. Калининград. 2017. 26 июля — 1 авг. С. 5.

Овсянов А. П. Взлет и падение Королевского замка // Калининградская правда. 2006. 8 апр.

Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР [1-го созыва], 24—27 апреля 1945 г. Стенографический отчет. М. : Издание Верховного Совета СССР, 1945. Т. 4 : Операции Советских Вооруженных сил в период завершающих побед Советского Союза над фашистской Германией (январь—май 1945 г.).

Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945. : военно-исторический очерк: в 4 т. Т. 4 : Операции Советских Вооруженных сил в период завершающих побед Советского Союза над фашистской Германией (январь — май 1945 г.): Операции Советских Вооруженных сил по разгрому Квантунской армии Японии (август 1945 г.). М. : Воениздат, 1959.

Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941—1945 / под общ. ред. ген. арм. С. П. Иванова. М. : Воениздат, 1985.

«*Отец* солдата» // Калининградская правда. 1964. 2 авг. С. 4.

Очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945. М. : Изд-во АН СССР, 1955.

Очерки истории российской внешней разведки : в 6 т. М. : Междунар. отношения, 1999. Т. 4 : 1941—1945 годы.

Падение прусской цитадели // Военно-исторический журнал. 2004. № 4. С. 2—5.

Падерин А. А. Сталинградская битва в зеркале западной историографии // Вестник МГИМО, 2013. № 2 (29). С. 95—106.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. 2-е изд. М. : Политиздат, 1989. Т. 1 : Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.).

Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование : в 2 т. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2015. Т. 1.

Пилецкая Т. Навстречу ветру. М. : АСТ, 2018.

Полунин Е. С. Эвакуация и бегство немецкого гражданского населения по Балтийскому морю в 1944—1945 годах // Вестник ВГУ. Серия : История, Политология, Социология. 2015. № 4. С. 91—95.

Поляков Т. П. Музейная экспозиция: Методы и технологии актуализации культурного наследия. М. : Вече, 2019.

Попадин А. Своими глазами // Мир Иосифа Бродского. Поэт в закрытом гарнизоне / сост. О. Щерблякин. СПб. : Журнал «Звезда», 2008.

Попов А. Г. Деятельность государственных и муниципальных музеев Калининградской области в цифрах (2014—2018 годы) // Время Музея. Калининград : Страж Балтики, 2019. Вып. 2. С. 201—219.

Попова Т. Н. Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні. 2012. № 22. С. 265—292.

Прибалтика и геополитика. 1935—1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. М. : Рипол-Классик, 2010.

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М. : Воениздат, 1975.

Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг. / пер. с нем. Г. В. Смирнова и В. М. Шаститко ; предисл. П. А. Белова ; ред. Г. С. Согомонян. М. : Издательство иностранной литературы, 1956.

Путин: Историческая память создает единую и неделимую российскую нацию [2011] // Единая Россия. Официальный сайт партии. URL: <https://eg.ru/news/58959/> (дата обращения: 05.06.2020).

Пшеничный П. П. Дневник ополченца. Хроника военных событий Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Поисковый отряд Патриот. URL: <http://westfront.su/pyotr-pshenichnyiy-dnevnik-opolchentsa-1941-1945-gg/> (дата обращения: 30.03.2020).

Раззаков Ф. Красавцы советского кино. М. : Эксмо, 2012.

Ретина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 18 апр. 2019 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др]. Чебоксары : ИД «Среда», 2019. С. 12—18.

Рефельд Г. Г. В ад с «Великой Германией» / пер. с нем. Ю. Бема. М. : Яуза-пресс, 2010. (Вторая мировая война. Жизнь и смерть на Восточном фронте).

Ржевский В. Вот эта улица, вот этот мост...: когда-то живописное сооружение в поселке Борисово «сыграло» в фильме «Судьба человека». А теперь его собираются демонтировать // Калининградская правда. 2005. 26 апр. С. 4.

Ржевский В. Встреча на Прегеле: шестьдесят лет назад началась работа над фильмом, который дал нашему краю путевку в большое кино // Калининградская правда. 2008. 15 марта. С. 8.

Ржевский В. Уберите свастику из кадра: в нашей области прошли съемки очередного фильма // Калининградская правда. Пятница. 2004. 1 окт. С. 4.

Ржевский В. Чаклун, Румба и другие: в Калининградской области прошли съемки очередного фильма о войне // Калининградская правда. 2007. 21 авг. С. 8.

Ржевецев Ю. П. ...А Катюша в разведке предпочитала... маузер [2009] // Героико-патриотический форум России. URL: <http://voenspez.ru/index.php?topic=1725.0> (дата обращения: 19.05.2020).

Ридевский Н. Ф. Парашюты на деревьях. Минск, 1969. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/ridevsky_nf/index.html (дата обращения: 28.05.2020).

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил : стат. исслед. / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Сальков А. П. Восточная Пруссия в планах послевоенного территориального переустройства Европы // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 27—46.

Самсоненко Г. Г. Отечественная и немецкая историография о роли СССР в победе над Германией в годы Второй мировой войны, 1941—1945 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.

Самсонов А. Падение Кёнигсберга [2015] // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/73000-padenie-kenigsberga.html> (дата обращения: 03.08.2020).

Сборник материалов по опыту боевой деятельности Военно-морских сил Союза ССР № 32. Действия Краснознаменного Балтийского флота на коммуникациях противника на заключительном этапе Отечественной войны (декабрь 1944 г. — май 1945 г.). М. : Воениздат, 1947.

Символы, святыни и награды Российской державы / В. Н. Балязин [и др.]. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004.

Скрипаль Б. Какие фильмы о войне снимали в Калининграде? // Вечерний трамвай. 2011. 23 мая. С. 5.

Смирнов Н. К. Матросы защищают Родину. М. : Политиздат, 1968.

Соболь О. Снимается кино // Неманские вести. 1995. 17 янв. С. 4.
Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М. : Воениздат, 1960.

Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Сборник документов № 5 (январь 1944 г. — май 1945 г.). М. : Воениздат, 1960.

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : сборник документов. М. : Политиздат, 1984а. Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.).

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : сборник документов. М. : Политиздат, 1984б. Т. 4 : Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.).

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : сборник документов. М. : Политиздат, 1978. Т. 2 : Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.).

Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. М. : РОССПЭН, 1999. Т. 1.

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 : документы и материалы : в 2 т. / редкол.: Г. П. Кынин [и др.]. М. : Политиздат, 1983а. Т. 1.

Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 : документы и материалы : в 2 т. / редкол.: Г. П. Кынин и др. М. : Политиздат, 1983б. Т. 2.

СССР и германский вопрос. 1941—1949 : Документы из Архива внешней политики Российской Федерации : в 2 т. М. : Междунар. отношения, 1996. Т. 1 : 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г.

Съемки в Калининграде фильма «Судьба человека» // Калининградская правда. 1958. 24 окт. С. 4.

Тельпуховский Б. С. Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 : краткий очерк. М. : Госполитиздат, 1959.

Типпельскирх К. История Второй мировой войны / пер. с нем. М. : Изд-во иностр. лит., 1956. *Geschichte des Zweiten Weltkrieges* / Kurt von Tippelskirch. Bonn, 1954.

Титаренко А. Н. Взаимодействие музея и школы (на примере работы Калининградского областного историко-художественного музея) // *Время Музея*. Калининград: Страж Балтики, 2019. Вып. 2. С. 249—257.

Трибуц В. Ф. Балтийский флот в завершающих операциях войны. Воспоминания. М. : Наука, 1970.

Усиков А. В., Бурутин Г. А., Гаврилов В. А. [и др.]. Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX — начало XXI века / под общ. ред. А. С. Рукшина. М. : Воениздат, 2008.

Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск : Изд-во Уральск. ун-та, 1990.

Федулин А. А., Багдасарян В. Э. Монументальная скульптура и борьба идеологий: история и актуальные вызовы // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2013. № 4. С. 11—17.

Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2003.

Фонды Калининградского областного историко-художественного музея (ФКОИХМ).

Хлебников Н. М. Под грохот сотен батарей. М. : Воениздат, 1974.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере / Военно-морское министерство СССР, Военно-морского научного управления Морского генерального штаба, Исторический отдел. М. : Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза ССР, 1951. Вып. 8 : С 1 января по 14 мая 1945 г.

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО).

Чабанова А. В. Дифференцированность калининградского социума (по итогам социологического обследования) // *Калининградский социум в европейском измерении* : сб. науч. тр. Калининград : Изд-во КГУ, 2002. С. 94—122.

Чарнецка Д. Памятники Красной армии в Польше в первые годы посткоммунистического периода (1989—1993) // *Между Одером и Неманом: проблемы исторической памяти* / ред. Ю. Костяшов, О. Курило. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 143—150.

Черчилль У. Вторая мировая война : в 6 т. М. : Воениздат, 1955. Т. 6 : Триумф и трагедия.

Черчилль У. Вторая мировая война : в 3 кн. / сокр. пер. с англ. с предисл. Д. А. Волкогонова ; под ред. А. С. Орлова. М. : Воениздат, 1991а. Кн. 2.

Черчилль У. Вторая мировая война : в 3 кн. / сокр. пер. с англ. с предисл. Д. А. Волкогонова ; под ред. А. С. Орлова. М. : Воениздат, 1991б. Кн. 3.

Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца : в 2 т. / пер. с англ., ред. В. Н. Павлов ; вступ. ст. Ю. В. Борисова. М. : Издательство иностранной литературы, 1958. Т. 2.

Шиловский Е. Штурм Кёнигсберга. Январь-апрель 1945 г. М. : Стратегия КМ, 2005.

Шмутинский М. А. Бои на Косе Фрише-Нерунг 25 апреля 1945 года : научно-историческая книга. Калининград : Страж Балтики, 2019а.

Шмутинский М. А. Восточная Пруссия. Бои на косе Фрише-Нерунг. Калининград, 2019б.

Штеменко С. М. Генеральный штаба в годы войны. М. : Воениздат, 1968.

Штурм Кёнигсберга. Калининград : Янтарный сказ, 2000.

Щеглов А. Раневская. Фрагменты жизни. М. : Захаров, 1998.

Щеглова О. Н. Из отчета КОИХМ за 2018 год // Время Музея. Калининград : Страж Балтики, 2019. Вып. 2. С. 482—502.

Юрченко Э. В. Вторая мировая война в музее: преемственность и изменение представлений о войне [2016] // Сайт Калининградского областного историко-художественного музея. URL: <https://westrussia.org/o-muzee/stati/item/364-vtoraya-mirovaya-vojna-v-muzee-preemstvennost-i-izmenenie-predstavlenij-o-vojne> (дата обращения: 02.04.2020).

Юшкевич Г. В. Последний из группы «Джек». Калининград : Аксиос, 2019.

Якимов С. А., Манюк Е. С., Бережная М. А. Дом, в котором живет история... Калининград : Аксиос, 2017.

Якимов С. А. Битва за Восточную Пруссию, 1944—1945 гг.: документально-историческое издание. Калининград : Аксиос, 2018.

Якимов С. А. Битва за Восточную Пруссию. 1944—1945 гг.: документально-историческое издание. 2-е изд., перераб. и доп. Калининград : Аксиос, 2019.

Яновский М. Кино и немцы: наша область много раз становилась площадкой для съемок советских фильмов. Чаще всего — про Великую Отечественную войну // Комсомольская правда. Прил. Комсомольская правда в Калининграде. 2006а. 27 апр. — 4 мая. С. 40.

Яновский М. Кино и немцы: наша область много раз становилась площадкой для съемок советских фильмов. Чаще всего — про Великую Отечественную войну // Комсомольская правда. Прил. Комсомольская правда в Калининграде. 2006б. 4—11 мая. С. 27.

Яновский М. Кино и немцы: наша область много раз становилась площадкой для съемок советских фильмов. Чаще всего — про Великую Отечественную войну // Комсомольская правда. Прил. Комсомольская правда в Калининграде. 2006в. 25 мая — 1 июня. С. 40.

Яшин Л. Встреча с Любовью Орловой // Калининградская правда. 1967. 25 окт.

40 концертов народной артистки Л. П. Орловой // Калининградская правда. 1948. 29 авг. С. 3—4.

Adamczewski L. Łuny nad jeziorami. Agonia Prus Wschodnich. Poznań : Replika, 2011.

Archiv Stadt Königsberg, Duisburg (ASK).

Bundesarchiv Lastenausgleichsarchiv and Militärarchiv, Bayreuth and Freiburg i. B. (BArch).

Baxter I. German Army on the Eastern Front — The Advance: Rare Photographs From Wartime Archives. South Yorkshire : Pen & Sword Military, 2014.

Baxter I. German Army on the Eastern Front — The Retreat 1943—1945: Rare Photographs From Wartime Archives. South Yorkshire : Pen & Sword Military, 2016.

Baxter I. Waffen-SS on the Eastern Front 1941—1945. Rare Photographs From Wartime Archives. South Yorkshire : Pen & Sword Military, 2015.

Brenda W. O Armii Czerwonej na Warmii i Mazurach // Znad Pisy. 2002. N 11. S. 126—146.

Brenda W. Olsztyńskie środowisko historyczne w badaniach najnowszych dziejów Warmii i Mazur (1945—1989/1990): spojrzenie na ostatnie dwudziestolecie // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2009. N 4. S. 491—515.

Cheeseman U. Unter der Zeitbrücke: Aufzeichnungen einer Ostpreubin. Germany : Books on Demand, 2000.

Chłosta J. Przeszłość Warmii i Mazur na łamach naukowych czasopism regionalnych powstałych po 1989 roku // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2007. T. 3. S. 417—454.

Cmentarz żołnierzy Armii Radzieckiej w Elblągu. URL: <http://www.projekt-chemini.pl/2015/09/cmentarz-zonierzy-armii-radzieckiej-w.html> (дата обращения: 12.02.2020).

Dick C.J. Decisive and Indecisive Military Operations. Volume 1. From Victory to Stalemate: The Western Front, Summer 1944. Vol. 2. From Defeat to Victory. The Eastern Front, Summer 1944. Lawrence : The University Press of Kansas, 2016.

Die Kinospiegelzeiten // Preußische Zeitung. 1945. 20 Febr.

Dieckert K., Grossmann H. Der Kampf um Ostpreussen: Ein authentischer Dokumentarbericht. München, 1960.

Duffy Chr. Red Storm on the Reich: The Soviet March on Germany, 1945. N. Y. : Da Capo Press, 1993.

Evans R. The Third Reich at War: How the Nazis led Germany from Conquest to Disaster. L. : Penguin Books, 2009.

Filipkowski T. Zagadnienia Prus Wschodnich w memoriałach przedłożonych Polskiemu Komitetowi Wyzwolenia Narodowego // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1980. N 1. S. 53—79.

Forczyk R. Tank Warfare on the Eastern Front 1943—1945. Red Steamroller. Barnsley : Pen & Sword Books, 2016a.

Forczyk R. The Dnepr 1943: Hitler's Eastern Rampart Crumbles. Oxford ; N. Y. : Bloomsbury Publishing, 2016b.

Forczyk R. The Kuban 1943: The Wehrmacht's Last Stand in the Caucasus. Oxford, 2018.

Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. L. : Continuum International Publishing Group, 2007.

Gieszczyński W. Armia Sowiecka na Warmii i Mazurach w latach 1945—1948: szkic do monografii // Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego. 2013. T. 27. S. 59—75.

Gieszczyński W. Zniszczenia i grabież mienia dokonane przez Armię Czerwoną w byłych Prusach wschodnich w latach 1945—1946 (na podstawie materiałów archiwalnych) // Ziemie Odzyskane pod wojskową administracją radziecką po II wojnie światowej. Słupsk : Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 2000. S. 291—299.

Glantz D.M. Battle for Belorussia: The Red Army's Forgotten Campaign of October 1943 — April 1944. Lawrence : University Press of Kansas, 2016.

Glantz D.M. Operation Don's Left Wing: The Trans-Caucasus Front's Pursuit of the First Panzer Army, November 1942 — February 1943. Lawrence : University Press of Kansas, 2019.

Glantz D.M. Operation Don's Main Attack: The Soviet Southern Front's Advance on Rostov, January—February 1943. Lawrence : University Press of Kansas, 2018.

Golon M. Represje Armii Czerwonej i NKWD wobec polskiej konspiracji niepodległościowej w latach 1944—1956: Cz. 2. // *Czasy Nowożytne: periodyk poświęcony dziejom polskim i powszechnym od XV do XX wieku.* 1997. T. 2. S. 107—136.

Golon M. Symbole wdzięczności czy uległości? Pomniki wdzięczności Armii Czerwonej — przyczynek do dziejów propagandy komunistycznej w Polsce po II wojnie światowej // *Polska i jej wschodni sąsiedzi* / red. Z. Karpusa, D. Michaluk i T. Kempy. Toruń, 1996. S. 601—618.

Hancock E. The National Socialist Leadership and Total War, 1941—5. N. Y. : St. Martin's Press, 1991.

Heiber H., Glantz D. Hitler and His Generals, Military Conferences 1942—1945: the first complete stenographic record of the military situation conferences, from Stalingrad to Berlin. L. : Greenhill, 2002.

Heysing G. Der Geist von Königsberg: Festung der Waffen und Herzen // *Berliner Morgenpost.* 1945. 3 March.

Hill A. Soviet Destroyers of World War II. Oxford : Osprey Publishing, 2018.

Hill A. Soviet Partisans versus Germany Security Soldier. Oxford : Osprey Publishing, 2019.

Hill A. The Red Army and the Second World War. Cambridge : Cambridge University Press, 2016.

Historia Lidzbarka Warmińskiego / red. K. Mikulski, E. Borodin. Lidzbark Warmiński : Urząd Miejski, 2011. T. 2. Cz. 1.

Hubatsch W. Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939—1945: Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. Utting : Dörfler im Nebel-Verlag, 2000.

Jakutowicz J. Polityka, pamięć, przestrzeń. Pomniki, tablice pamiątkowe i substancja zabytkowa na Warmii i Mazurach (1945—1949) // *Pod dyktando ideologii. Studia z dziejów architektury i urbanistyki w Polsce Ludowej* / red. P. Knap. Szczecin, 2013. S. 288—296.

Jakutowicz J. Pomnik wdzięczności Armii Radzieckiej w Lidzbarku Warmińskim // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie.* 2016. N 2. S. 355—366.

Jantar J. Zagłada pruskiej fortecy. Olsztyn : Powieść historyczna, 1967.

Korc E. Zmiany administracyjno-terytorialne na obszarze byłych Prus Wschodnich ze szczególnym uwzględnieniem terenu województwa olsztyńskiego // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1997. N 1. S. 3—22.

Kosiarz E. Wyzwolenie Polski Północnej, 1945. Gdynia : Wydawnictwo Morskie, 1967.

Kraft C. Pierwsze lata w województwie olsztyńskim po II wojnie światowej. Trudne początki nowego społeczeństwa // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1999. N 4. S. 533—555.

Kuźniewski B. Tannenberg-Denkmal i jego dzieje // *ALBO*. 1994. N 8. URL: http://domwarminski.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=319:b-kuzniewski-tannenberg-denkmal-i-jego-dzieje&catid=51:czytelnia&Itemid=190 (дата обращения: 12.02.2020).

Laniec S. Operacja wschodniopruska (1944—1945) w świetle radzieckiej literatury historycznej // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1974. N 3. S. 339—356.

Lapine A. *Papers Tigers. The German Armor Crisis 1943—1944*. Independently published, 2018.

Lasch O. *So fiel Königsberg*. Stuttgart : Motorbuch Verlag, 2002.

Letko P. Stan bezpieczeństwa w powiecie kętrzyńskim w latach 1945—1946 // *Echa Przeszłości*. 2009. N 10. S. 305—312.

Lucas-Busemann E. *So fielen Königsberg und Breslau*. Berlin : Aufbau Taschenbuch Verlag, 1994.

Ludendorff E. von. *Der Totale Krieg*. Munich : Ludendorff Verlag, 1935.

Lukaszewicz B. *Polskie Stronictwo Ludowe na Warmii i Mazurach w latach 1945—1947*. Olsztyn, 1991.

Majer T. Pełnomocnik Rządu RP na Okręg Mazurski — budowa aparatu państwowego // *Studia Prawnoustrojowe*. 2012. N 18. S. 103—119.

Mazur Z. Ku czci armii sowieckiej // *Siedlisko*. 2007. N 4. S. 15—23.

Naujok R. *Das Mädchen von Königsberg* // *Ostpreußen-Warte*. 1958. June. S. 10.

Noble A. A Most Distant Target: The Bombing of Königsberg, August 1944 // *War & Society*. 2006. Vol. 25, iss. 1. P. 55—75.

Noble A. *Nazi Rule and the Soviet Offensive in Eastern Germany, 1944—1945: The Darkest Hour*. Eastbourne : Sussex Academic Press, 2010. P. 95—160.

Nowotka M., Nowotka D. Gmina Rozogi w latach 1945—1954. Kształtowanie się administracji i władz terenowych oraz sprawy ludnościowe // *Rocznik Mazurski*. 2007. T. 9. S. 66—77.

Pawlicki R. W. Radzieckie komendantury wojenne i obecność Armii Czerwonej na pograniczu mazursko-kurpiowskim w latach 1945—1947 // *Rocznik Mazurski*. 2009. T. 8. S. 78—106.

Piechocki S. Olsztyn styczeń 1945. Portret miasta. Olsztyn : OBN im. W. Kętrzyńskiego, 2000.

Plato A. D. von. Die Geschichte der 5. Panzerdivision: 1938 bis 1945. Lüchow: Gemeinschaft d. Angehörigen d. Ehem. 5. Panzerdivision, 1978.

Pomnik bohaterów walki za Warmię i Mazury. URL: http://olsztyn.fotopolska.eu/Pomnik_Olsztyn (дата обращения: 16.02.2020).

Rokoszewski K. Rola Polskiej Partii Robotniczej w kształtowaniu władzy ludowej i procesie integracji na Mazurach i Warmii w latach 1945—1947 // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1962. N 2. S. 337—356.

Römer F. Kameraden, Die Wehrmacht von innen. Munich : Piper, 2012.

Rozebrano pomnik wdzięczności Armii Czerwonej w Lidzbarku Warmińskim. URL: <https://www.gazetaprawna.pl/artykuly/1105793,rozebrano-tzw-pomnik-wdziecznosc-i-w-lidzbarku-warmińskim.html> (дата обращения: 10.02.2020).

Rutherford J. Combat and Genocide on the Eastern Front: The German Infantry's War, 1941—1944. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

Sakson A. Stosunki narodowościowe na Warmii i Mazurach 1945—1997. Poznań: Inst. Zachodni, 1998.

Schnellhammer H. Unsere Verpflichtung! // *Festung Königsberg*. 1945. 2 Febr. S. 1—2.

Schön H. Die letzten Kriegstage: Ostseehäfen 1945. Stuttgart, 1995.

Seidler Fr. Deutscher Volkssturm. Das letzte Aufgebot, 1944/45. Munich : Herbig, 1989.

Sobczak K. Kierunek Bałtyk: Wyzwolenie Polskich Ziemi Północnych 1944—1945. Warszawa : Wydawn. Min. Obrony Narodowej, 1978.

Sobczak K. Operacja mazowiecko-mazurska 1944—1945. Warszawa : Wydawn. Min. Obrony Narodowej, 1967.

Sobczak K. Wyzwolenie północnych i zachodnich ziem polskich w roku 1945. Poznań : Wydawn. Poznańskie, 1971.

Sobczak K. Wyzwolenie Warmii i Mazur w 1945 roku // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1961. N 1. S. 3—20.

Sokolowski F. Z badań nad administracją Okręgu Mazurskiego 1945—1946 // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1974. N 3. S. 291—311.

Stahel D. The Wehrmacht and National Socialist Military Thinking // *War in History*. 2017. Vol. 24, iss. 3. P. 336—361.

Starlinger W. Grenzen der Sowjetmacht im Spiegel einer West-Ostbegegnung hinter Palisaden von 1945—1954. Würzburg : Holzner — Verlag Würzburg, 1955.

Stefańska E. Starostwo Powiatowe w Piszcu 1945—1950. Organizacja i funkcjonowanie // *Znad Pisy*. 1999. N 8. S. 100—120.

Sumowski H.-B. “Jetzt war ich ganz allein auf die Welt”, Erinnerungen an eine Kindheit in Königsberg 1944—1947. Munich : btb-Verlag, 2009.

Syrwid R. Inspekcja Zarządu Gminy Szymbork (Wrzesina) w 1948 roku. Przyczynek do dziejów samorządu terytorialnego województwa olsztyńskiego // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1998. N 2. S. 221—230.

Szubert P. Xawery (Ksawery) Dunikowski (24.11.1875—26.01.1964) [2002]. URL: <https://culture.pl/pl/tworca/xawery-ksawery-dunikowski> (дата обращения: 12.02.2020).

Thorwald J. Die große Flucht. Es began an der Weichsel. Das Ende an der Elbe. Stuttgart : Steingrüber-Verlag, 1950.

Tomkiewicz R. Kulisy powstania w Olsztynie Pomnika Wdzięczności dla Armii Radzieckiej // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1998. N 3. S. 395—416.

Tomkiewicz R. Mrągowo w latach 1945—1947 // *Mrągowskie Studia Humanistyczne*. 2005. T. 1. S. 69—88.

Tomkiewicz R. Trudne lata powojenne. Giżycko 1945—1949. Cz. I. // *Masovia*. 1997. T. 1. S. 55—70.

Wagner E. Aufruf zum Festungsdienst // *Preußische Zeitung*. 1945a. 11 Febr. S. 1.

Wagner E. Der bevollmächtigte Kommissar des Gauleiters gibt bekannt // *Preußische Zeitung*. 1945b. 23 Febr. S. 2.

Wagner E. Die Bevollmächtigte Kommissar des Gauleiters gibt bekannt // *Preußische Zeitung*. 1945b. 11 Febr.

Wakar A. Kronika Olsztyna 1945—1950. Olsztyn : Pojezierze, 1972.

Warmia i Mazury: Zarys dziejów / red. S. Achremczyk. Olsztyn : Wydawn. OBN, 1985.

Willems B. Violence in Defeat: The Wehrmacht on German Soil, 1944—1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. Ch. 1, sec. 2: Total War in East Prussia (в печати).

Wojnowski E. Warmia i Mazury w latach 1945—1947. Kształtowanie się stosunków politycznych. Olsztyn : Pojezierze, 1968.

Yelton D. Hitler's Volkssturm: The Nazi militia and the fall of Germany 1944—1945. Kansas : University of Kansas Press, 2002.

«*Ziemie Odzyskane*» po drugiej wojnie światowej / red. Cz. Osękowski, G. Strauchold. Zielona Góra : Uniwersytet Zielonogórski, 2015.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Отчет о боевой деятельности 329-го отдельного артиллерийского дивизиона особой мощности под Кёнигсбергом

3 апреля 1945 года

Пропитанный ядом, начиненный порохом и железом город-крепость Кёнигсберг — очаг прусского милитаризма. Город прусских разбойников, змеиное гнездо фашизма.

Отсюда во все страны мира шли за легкой победой выкормленные и вымуштрованные солдаты. Они шли, заливая в крови народы, убивали мирных людей, жгли советские города. А теперь, укрывшись в своем логове железом и бетоном, системой ДС (долговременных сооружений — *авт.*) и фортификационных сооружений, они думают спастись от суровых возмездий.

Будет взят Кёнигсберг — будет с мясом вырвано жало ядовитой прусской гадюки!!

Здесь, в его железобетонных громадах будет навеки разбито и обезврежено пруссачество — угроза всему миру... Свершится суд. Оскаленный Кёнигсберг падет.

Сегодня дивизион начинает разрушение целей.

Командир 1-й батареи к-н Шелехов открыл огонь по цели № 042. Выпущено снарядов по цели — 59, из них наблюдается 10 прямых попаданий. Прямые попадания по цели сопровождались глухими взрывами, пламенем огня и серыми клубами дыма.

После разрушения цель совершенно изменила свою форму. Видны глубокие провалы и воронки на боевом покрытии и в боковой стенке. Попадания по напольной стенке разрушений не дали, так как снаряд сделал воронку в земляном покрове и до самой стенки не достал.

4 апреля 1945 года

Дивизион огня не ведет.

5 апреля 1945 года

9.30. Огонь!

Командир 2-й батареи — капитан Лукашов ведет огонь по бомбоубежищу № 044.

Командир 1-й батареи Шелехов ведет огонь по форту № 8. Огневые расчеты с предельным напряжением ведут огонь. Сегодня последний день разрушения.

Завтра дивизион с 8.00 ведет огонь самостоятельно, в 9.30 начало артподготовки.

6 апреля 1945 года

8.00. Дивизион открыл огонь по форту № 8, цели № 042 и 044 с целью не дать возможности укрываться за развалинами.

9.30. По всему фронту началось артиллерийское наступление. Орудия всех калибров открыли огонь по переднему краю обороны противника.

2-я батарея перенесла огонь на укрепленный узел «Нук». Затем огонь перенесла туда же 3-я батарея.

12.00. Отважные пехотинцы поднялись в наступление. Вперед, доблестные гвардейцы, на штурм Кёнигсберга!

7 апреля 1945 года

Для наблюдения и корректировки огня в глубину в населенный пункт Праппельн выброшен передовой наблюдательный пункт во главе с командиром взвода управления 3-й батареи — лейтенантом Соколовым.

Целый день по вызову командующего артиллерией 36 гв. СК дивизион вел огонь по укрепленным районам в городе Кёнигсберг. К 18.00 дивизион израсходовал все боеприпасы.

8 апреля 1945 года

Наши наступающие войска преодолели упорное сопротивление противника, форсировали реку Беек и подошли к реке Прегель. По всем дорогам, ведущим теперь уже в тыл, бредут «непобедимые» СС-овцы и фольксштурмовцы, плененные нашими отважными гвардейцами.

Огневые взводы начали чистку материальной части и приведение в порядок боевого имущества.

В 19.00 получено приказание командующего артиллерией 35 гв. СК — свернуть работу НП, так как дальность стрельбы исчерпалась и дивизион не имеет ни одного выстрела.

Итоги стрельбы под Кёнигсбергом

1. 3-го апреля в 9.30 дивизион открыл огонь по долговременным сооружениям немцев на внешнем отводе крепости Кёнигсберг. Период разрушения закончился 6-го апреля. В этот же день дивизион вел огонь в период артподготовки. Все последующие дни — 7 и 8 апреля — дивизион вел огонь по отдельным укрепленным районам (домам) города Кёнигсберг.

2. Расход боеприпасов:

№ батареи	Количество снарядов, выпущенных по целям:											Всего		
	Форт № 8	042	044	Узел 1—2	Узел 3—4	Узел 5—6	Узел МУК	Узел 7—8	Узел 9—10	Узел 11—12	Узел 13		Казарма ив. 3-д	
1-я батарея	100	86	—	8	—	—	10	12	—	—	15	—	—	231
2-я батарея	166	—	—	—	28	—	9	—	16	—	17	—	4	240
3-я батарея	134	—	57	—	—	18	6	—	—	12	—	16	—	243
Итого по дивизиону	400	86	57	8	28	18	25	12	16	12	32	16	4	714

3. Подготовка данных по целям — аналитически с ведением поправок на метеорологические и баллистические условия стрельбы. Стрельба велась корректированием каждого разрыва с чередованием залпами. Залповым огнем руководил командир дивизиона.

4. Результаты стрельбы:

А) форт № 8 разрушался 1-й, 2-й и 3-й батареями. Всего по форту № 8 было выпущено 400 снарядов. Прямых попаданий — 331. 28 снарядов попали в казематы и боевые сооружения и разрушили их. Остальные попадания распределяются по боевым покрытиям и в дворники форта.

Глубина воронки на грунте земли и бетона — 2,9 м. Глубина воронки в гранитном щебне, залитым цементом, — 1,5 м.

Б) Бункер № 042 разрушался командиром 1-й батареи. Стрельба велась гр. Виккерса, заряд 4-й. Траектория настильная. Всего выпущено в период разрушения 59 снарядов. Прямых попаданий — 10, по боевому перекрытию — 5, по напольной стенке — 3 и по пр. углу — 2.

Цель разрушена и совершенно изменила свою форму. Попадания по напольной стенке разрушений не дали, так как снаряд сделал воронку в земляном покрове и до самой стенки не достал.

В) Бомбоубежище № 044 разрушалось командиром 3-й батареи. Стрельба велась гранатой «Виккерса». 30 снарядов выпущено на 1-м заряде, 27 — на 2-м. Вид траектории — настильная. Переход со 2-го заряда на 1-й увеличил силу удара и пробивную способность.

Всего выпущено 57 снарядов. Прямых попаданий — 10, из них в бетон — 8, по земляной набивке на напольной стенке — 2.

В правый угол бомбоубежища имеется три попадания в бетон, в результате чего отвалена стенка и получилась сквозная пробоина. Пять попаданий по боевому перекрытию пробивания бетона не дали. Глубина воронки на боевом перекрытии — 85 см (земляной покров 35—40 см).

5. Связь во время стрельбы работала бесперебойно.

6. Системы работали безотказно. Во 2-й батарее у орудия Грищенко было провисание затвора, которое в течение 20—25 минут было исправлено.

7. За отличные боевые действия при прорыве обороны немцев и отличную стрельбу представлено к награждению правительственными наградами 119 человек, из них офицеров — 24, сержантов — 27, рядовых — 68.

8. Потерь в личном составе нет.

9. Выхода из строя техники, вооружения и боевого имущества — нет.

Источник: [ЦАМО, ф. 329 оад, оп. 178755, д. 6, л. 48—51].

2. Директива Ставки ВГК № 220235
командующему войсками 3-го Белорусского фронта
и представителю Ставки на подготовку операции
по разгрому тильзитско-инстербургской
группировки противника и овладение Кёнигсбергом

3 октября 1944 г. 23 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести наступательную операцию силами 5 А Крылова, 11-й гв. армии Галицкого и 28-й армии Лучинского с целью во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом разгромить тильзитско-инстербургскую группировку немцев и овладеть районом Кёнигсберга.

Главный удар нанести смежными флангами 5-й и 11-й гв. армий (всего восемнадцать сд) из района Вилкавишкиса в общем направлении на Гумбиннен и далее вдоль южного берега р. Прегель. На участок прорыва привлечь четыре артдивизии и создать плотность артиллерии не менее 200 стволов (от 82-мм и выше) на 1 км фронта прорыва.

Предусмотреть действия части сил соседних армий из района Ширвиндта на Лазденен и из района Почернувки на Вижайны с целью свертывания обороны противника на флангах прорыва.

2. Ближайшая задача войск фронта — не позднее 8—10 дня операции овладеть рубежом Инстербург, Даркемен, Гольдап.

В дальнейшем наступать на Алленбург, Прейсиш-Айлау, выделив часть сил для атаки Кёнигсберга с юга.

3. 28-ю армию вести во втором эшелоне за главной группировкой, используя ее для наращивания силы удара при развитии наступления.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН А. АНТОНОВ

3. Текст призыва на службу крепости, опубликованный в газете «Происше Цайтунг» 11 февраля 1945 года

Призыв на службу крепости! Вместе сделаем Кёнигсберг неприступным!

Восточные пруссаки!

Мужчины, женщины и дети!

Большевик стоит у ворот города. Мы будем защищать наш город плечом к плечу с солдатами вермахта и фольксштурмовцами. Мы хотим превратить Кёнигсберг в неприступную крепость и будем защищать ее до тех пор, пока орды большевиков не будут истреблены армиями рейха.

Поэтому по согласованию с боевым комендантом я распоряжусь организовать службу крепости для каждого жителя Кёнигсберга в течение четырех часов в день.

Ее развертывание организуется ортегруппой, которая будет направлять население небольшими группами посменно на определенные строительные площадки.

Из руин нашего города мы выстроим баррикады и оборонительные позиции, перед которыми каждая атака большевиков захлебнется в крови.

Я обращаюсь ко всем жителям Кёнигсберга! Наш час настал!

Мы живем лишь для того, чтобы защитить город и нашу победу!

Хайль Гитлер!

Эрнст Вагнер
Крайсляйтер.

Aufruf zum Festungsdienst! Alle machen Königsberg uneinnehmbar!

Ostreußen! (*sic!*)

Männer, Frauen und Kinder!

Der Bolschewist steht vor den Toren der Stadt. Wir werden Schulter an Schulter mit den Soldaten der Wehrmacht und den Volksturmmannern unsere Stadt verteidigen. Wir wollen Königsberg zu einer uneinnehmbaren Festung ausbauen und sie bis zur Vernichtung der bolschewistischen Horden durch die Armeen des Reiches halten.

Ich befehle daher im Einvernehmen mit dem Kampfkommandanten einen Festungsdienst für jeden Königsberger von vier Stunden pro Tag.

Der Einsatz erfolgt durch die Ortsgruppen, die die Bevölkerung zellen- und schichtweise zu den befohlenen Baustellen führt.

Aus den Trümmern unserer Stadt wollen wir Barrikaden und Stützpunkte bauen, vor denen jeder bolschewistische Ansturm im Blut erstickt wird.

Ich rufe alle Königsberger auf! Jetzt ist unsere Stunde gekommen!

Wir leben nur noch der Verteidigung der Stadt und unserem Sieg!

Heil Hitler!

Ernst Wagner
Kreisleiter.

4. Стенограмма беседы с Героем Советского Союза Григоренко Михаилом Георгиевичем

Кёнигсберг, 21 июля 1945 г.

Заместитель командующего 11-й гвардейской армией по инженерным войскам. Гвардии полковник. 1906 г. рождения. Украинец. Член ВКП(б) с 1942 г.

Военное образование: курсы высшей военной подготовки втуза.

Общее образование: высшее, инженер-строитель, окончил Харьковский инженерно-строительный институт.

Награды: два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, Отечественной войны 2-й ст., медали «За оборону Москвы», «За Победу над Германией».

Родился на Украине, в бывшей Харьковской губернии, село Алексеевка Старобельского уезда в семье полукрестьянина, полурабочего. Отец до революции занимался сельским хозяйством и трудился на предприятиях рабочим, а потом — красный партизан и работал в советских учреждениях.

Я до 1924 г. учился и работал в сельском хозяйстве у отца. В 1924 г. окончил среднюю школу и работал в окружной прокуратуре Старобельской, руководил комсомольской организацией до 1927 г. В 1927 г. был командирован на учебу в Харьковский технологический институт, а затем институт был реорганизован в инженерно-строительный, и я окончил в 1931 г. Харьковский инженерно-строительный институт.

По окончании института стал преподавать в этом же институте по кафедре строительной механике, а в 1932 г. был командирован Наркомтяжпромом на строительство металлургического завода Азовсталь в Мариуполь. Там проработал два года в качестве главного инженера. После этого был снова отозван на преподавательскую работу в Харьковский инженерно-строительный институт.

В 1935 г. был назначен главным инженером особого строительства НКВД в Харькове.

... С 1935 по март 1941 г. работал в промышленности и на строительстве в должности начальника строительства, главного инженера отдела капитального строительства.

В марте 1941 г. призван в ряды Красной армии на строительство оборонительных рубежей на госгранице — это в Литовской ССР, гор. Шакяй... Здесь застала меня война.

Противник перед нами готовился, безусловно, и открыто готовился. Я лично видел сосредоточение войск в середине июня месяца. Заканчивалось спешно строительство железобетонных ДОТов, артиллерия была выставлена совершенно открыто, демонстративно.

Наше командование тоже приняло меры такого порядка. Были подведены войска. Те сооружения, которые мы заканчивали, нужно сказать, что мы развернули в крупных масштабах оборонительные сооружения на границе и эти сооружения были приспособлены для обороны. Там была артиллерия, станковые и ручные пулеметы. Начали строительство долговременной полевой обороны. Я лично считаю, что мы не успели подготовиться, срок был слишком маленький и, несмотря на то, что на границе борьба была напряженная, тяжелые бои шли, все-таки противник имел преимущество в том отношении, что он заранее подготовился и имел преимущество в силах.

Дальше мой путь был такой: от границы до Москвы и от Москвы до Пилау, на одном направлении, ни вправо, ни влево. Я был командиром саперного 257-го отдельного батальона в начале войны, затем начальником управления военно-полевого строительства. Как командир батальона и как начальник управления полевого строительства я занимался строительством рубежей. При отходе наших частей мы перекатами строили оборону.

... С февраля 1944-го года я в 11-й гвардейской. С нею я прошел от Орши до Пилау.

... Здесь [в районе Алитуса, Литва] и саперы, и пехота проявили исключительное геройство. На противоположном бере-

гу немцы накопились, пулеметы и автоматы простреливали все зеркало Немана, большая плотность огня и надо было форсировать.

В 31-й дивизии, которая первой начала форсировать и которой я руководил, были заготовлены на берегу реки плотики на два человека. Затем, под огнем противника, эти плотики были спущены на воду. Имелись потери, героически погибло много наших высококвалифицированных, отважных саперов, но эта задача была выполнена. Были спущены на воду эти плотики. Туда сели стрелки и под огнем уже противника переправлялись без канатов. Течение очень быстрое, в связи с этим условия для переправы очень тяжелые. Высаживались гораздо ниже места посадки. Под прикрытием нашего огня саперы переправляли пехотинцев на подручных средствах, на плотиках.

После того как был занят плацдарм на западном берегу и наши войска там закрепились, заняли небольшой плацдарм, началась переправа главными силами пехоты. К этому времени подошли переправочные средства, были собраны паромы, лодки.

Остальные дивизии армии к этому времени тоже вышли к Неману, и форсирование Немана было организовано на широком фронте. Я ездил вдоль берега и организовывал эту переправу сначала на табельных средствах, а затем — постройка мостов для пропуска тяжелых танков.

14 суток от начала форсирования и до конца переправа тылов корпусов, армейских тылов продолжалась. А ход самой переправы таков. К 15 июля мы переправили легкие грузы, 16 июля мы приступили к постройке моста ниже города Алитус, — есть такой населенный пункт Цудвей, — для подвоза тяжелых танков. Этот мост протяжением 120 метров. Работы продолжались под интенсивным огнем противника, под систематической бомбежкой с воздуха. Я 16 налетов бомбардировщиков пережил и остался цел.

Заготовили лес, сваи били и строили мост. Все заготовки были сделаны в этом же районе, на месте ничего такого не было. Если операция короткая, мы заготавливаем элементы

мостов и везем их с собой. В данном случае мы не имели такой возможности, потому что мы прошли до Немана большой путь, а во-вторых, 120 погонных метров моста никакая армия не в состоянии везти. Нужно не менее 70 автомобилей большегрузных. Поэтому заготовили на месте и в течение двух суток инженерно-саперная бригада силой 4 батальонов построила этот мост. Причем постройка моста началась в этом районе, когда на противоположном берегу был еще противник в этом районе.

Я был очевидцем, как началась эта постройка. Были смельчаки отобраны, которые переправились вплавь и завязали бой на противоположном берегу. Там был лес. Выбили противника метров на 800 и начали постройку моста.

Держали здесь оборону саперы 66-й бригады и производили постройку моста. Так как это место наиболее выгодное для постройки моста и для скрытой переправы техники, то противник упорно оборонял этот район и всячески стремился не дать нам тут плацдарма.

При постройке моста была применена дымовая завеса в широких масштабах. Как только самолеты в воздухе появляются, сейчас же дымовики по всему Неману, но и нам нельзя работать.

В районе Неманойцы были к утру 15-го, за ночь наведя мост из легкого парка НМП для переправы 84-й гвардейской дивизии. Переправу мы начали в 8 часов утра. Ночью навели этот мост. Сначала 11-я дивизия переправилась, затем начали переправлять 84-ю дивизию. Противник обнаружил этот мост. Налет авиации и от нашего моста не осталось ни следа.

На этом участке переправа прекратилась. Надо было срочно сманеврировать и нашими переправочными средствами, и уже войсками, чтобы в другом месте обеспечить переправу. Таким местом были выбраны Неманойцы, несколько южнее... Но ведь постройку моста не скроешь от авиации. Разведчик прилетел, посмотрел — и пожалуйста. Большого количества людей, которые бывают на постройке и всех этих лесов, не скроешь.

После того как этот мост был обнаружен в самом начале, и противник в связи с этим произвел бомбардировку, разрушал нам его четыре раза. Он налетит, разбомбит мост, все, что нами сделано, все до основания разрушено. Нужно все расчищать, затем снова бьют сваи. Ночью восстановим то, что он разрушил, а на утро снова. Четыре раза разрушал. Налетов на этот мост было не менее 14—16, а разрушали 4 раза. Прямое попадание в мост — и он разрушен. Здесь батальоны 66-й бригады и армейские проявили исключительное мужество и героизм.

В течение короткого периода мы построили в полосе армии 7 переправ под грузы 60 тонн через Неман. Когда у нас было уже несколько мостов, тогда нам уже не так страшна была бомбежка. Мы могли в любой момент переключить движение на соседний мост. Противник вынужден был гоняться. Движение идет через мост с Неманойц, заворачиваем колонной в Судбак. Судбакский мост счастливый. Его бомбили больше всех и не попали... Мало потерь в людях, а мост остался цел. Это же самый удачный выбор места для постройки моста. Он был замаскирован, его трудно было найти. В лесу он был, маскировка хорошая, и, следовательно, противнику трудно было его разыскать... Это же спасло мост от разрушений. А там, где место было более открытое, то мосты подвергались бомбардировке и разрушению.

После форсирования Немана — оборона, закрепление. Противник производил неоднократные контратаки, пытался сбросить нас в Неман. Подтягивали силы, и тут задача инженерных войск уже заключалась в создании мощной, неприступной обороны всеми средствами инженерного вооружения. Такими средствами у нас были прежде всего мины противотанковые и противопехотные, фугасы, инженерные заграждения натяжного и нажимного действия, фортификационные постройки, траншеи, колючая проволока, ежи металлические и железобетонные, которые мы сняли с немецкого оборонительного рубежа и применили их у себя. Вот те средства, которыми мы закрепляли местность и не давали противнику возможность, несмотря на его отчаянные попытки выбросить армию на восточный берег Немана.

Тут не обошлось и без таких эпизодов. Я не имел возможности выставить большую охрану... Ставлю три человека, только для того, чтобы проехали, чтобы порядок был на переправе и чтобы не было каких-нибудь диверсионных актов. А у нас в тылу кишели немцы, все леса были забиты немцами — это разбитые и окруженные части. Они пробирались к себе на запад.

Вот такой эпизод. Три сапера стоят. Ночью на них набрасывается толпа немцев в 600 человек, и вот неравная борьба происходит трех советских саперов и 600 фрицев во главе с офицерами. В Неманойцах был вот такой случай. Наши люди не растерялись, завязали перестрелку, — правда, они пропустили часть немцев, — дали знать, чтобы подбросили своих людей. Но пока наши люди подошли, часть фрицев через этот мост перешла. Мы должны были бороться не только с водой, бомбежкой, артиллерийским обстрелом, а и с теми фрицами, которые идут сзади и пытаются воспользоваться нашими мостами, и однажды им удалось даже воспользоваться.

Дальше следует прорыв обороны на границе Восточной Пруссии. Здесь оборона была построена на большую глубину, и если у нас, на советской территории он не строил таких рубежей, как здесь, мин ставил значительно меньше, орудия и рубежи были значительно менее мощные, — то здесь, на границе, кроме полевых фортификаций имели место долговременные сооружения.

У нас были разведывательные данные достаточно подробные. Мы на всем протяжении войны систематически инженерную разведку посылали в тыл противника... Об обороне противника мы всегда имели очень ясное представление. Для меня, например, не было неожиданным, что мы встретили Шталлупененский УР, оборудованный по последнему слову техники. Были такие ДОТы, каких не видели, но я представление имел об этой обороне, и то представление, которое я имел, оказалось более или менее близким к действительности.

Что представляла собой оборона противника на границе Восточной Пруссии? Траншеи сплошные по всей границе,

причем не одна, а несколько линий. Это — первое. Затем, главное направление, как Шталлупенен, Даркемен. Здесь УРы, долговременная оборона с частями УР, которые так и сидели. Такие мощные узлы с развитой системой противотанковых препятствий, деревоземляных, взрывных. Шталлупененский УР — противотанковый ров, несколько рядов металлических и железобетонных ежей, мин противотанковых, несколько рядов колючей проволоки на железных колах, мины опять и опять проволока. Вот такая система ограждений и долговременная фортификация. Это главное направление, на которое немцы ждали главного удара. Подготовлены укрепленные районы, оборудованные по последнему слову военной техники. Гарнизоны, обученные и сколоченные, а между ними полевое заполнение, полевые войска и полевая оборона... При такой обороне можно сидеть несколько лет. Маневры шли по этим траншеям. Система заграждений плотная перед передним краем. Она позволяла держать оборону сколько угодно. Коммуникации хорошие, подъезды ко всем этим коммуникациям.

Для меня это не было новым, потому что я знал до войны оборону военную, мы строили ДОТы, и они строили ДОТы. Примерно в четырех километрах они строили от нас. Они нас изучали, а мы их изучали. Я только мог предполагать, что они развивали эту систему. Так оно и оказалось на самом деле. Мин тогда они не ставили, потому что они готовились наступать. Здесь я предполагал, что мины будут. Мины были.

При овладении Шталлупененским УРом войска в этой операции уже сыграли большую роль. Штурм ДОТов был осуществлен саперами 8-го корпуса. Гарнизон там в одном ДОТе был 90 человек, в другом — человек 70. Это не гарнизон ДОТа, а гарнизон ДОТа, плюс те, что туда сбежались во время боев. Собрались, упорно сопротивлялись.

Саперы 8-го корпуса нашли подход, подползли к этому ДОТу. Это очень большой ДОТ, в котором все командование этого УРа сидело. Подтащили туда на себе мины, ползком, подложили к выходу, несмотря на то, что он оборонялся, и взорвали. Весь гарнизон в 90 человек, который трудно было

взять каким-либо другим способом. Артиллерией его не возьмешь, потому что артиллерия не берет, там очень мощные перекрытия. Авиацией трудно попасть в такую точку, почти невозможно. У пехоты нет таких средств, которыми она бы могла взять. Автоматом, пулеметом не возьмешь. Имеется единственное средство — саперное и взорвали. В одном ДОТе остался один полуживой немец, который нам кое-что рассказал, а в других двух ДОТах — сплошные трупы.

ДОТ мы не разрушили, но разрушили войска, танки, все и взрывной волной всех перебило.

Дальше по Восточной Пруссии наши наступательные операции, затем оборона, затем операции по овладению районом южнее, при выходе к заливу Фриш-Гаф и овладению районом Бранденбурга. Для инженерных частей они хороши тем, что в очень сложной обстановке приходилось делать проходы в минных полях. Дело было ранней весной, грунт мерзлый, мины ставились осенью, закапывались в грунт и зимой засыпались. Все это замерзло, покрывалось слоем снега и эти мины найти невозможно. Никакие инженерные средства не берут эти мины.

Тут мы ломали головы, какой способ придумать, чтобы проходы обеспечить, чтобы подрыва на минных полях не было. Заблаговременно начали устройство проходов. Ходит человек по mine, мина не взрывается. Как только танк прошел, она взрывается... Мы обеспечили качественное разминирование и ни одного случая подрыва не было... На виду у противника делали проходы. Это был март 1945 г. Операция проводилась 36-м корпусом.

В смысле обеспечения продвижения при наступлении через препятствие всевозможные. Нужно сказать, что противник массу неприятного нам подстроил: воронки, мины все были взрывные. Мы подготовились таким образом: заготовили заблаговременно элементы мостов, которые возили с собой. Идут части, за ними машины и повозки. Стоп, остановка, дальше танк идти не может, артиллерия идти не может. Тут на сцену появляются саперы и строят мост.

Если в нормальной обстановке строят мост через противотанковый ров в 7 метров, у меня, в частности, мост строят за 15 минут, без воздействия противника. А саперы одного батальона, построили на 11-й минуте. Следовательно, рекорд у нас по армии через 7-метровый ров 11 минут.

Но был случай около Бранденбурга. И речушка паршивенькая, и танк наш подошел, ширина речки метров 7—8, а мост мы строили сутки. Мы, собственно, не строили мост, а тут таким образом: на одной, восточной, стороне наши войска, на западной — противника. Он не давал нам возможности строить. Как только туда подойдут, сразу налет и людей нет и материалов, которые подвозили. Было интенсивное воздействие противника. Он просто не давал строить. А все, что туда доставлялось, разбивали нас, несколько машин, несколько пушек. Материала перебили столько, что хватило бы на 10 мостов.

Противник знал, что этот мост нужен нам, как всегда, и все сосредоточил в этом районе. В другое место бросаешь постройку моста — и он тут как тут. Наблюдение у него было хорошее.

Наконец, мы построили мост. Пошел первый танк, и он на этом мосту его подбил. Все движение снова прекратилось. Пришлось этот танк зацепить другим танком, вытащить и дальше операция продолжала развиваться успешно.

Все мосты были взорваны, поэтому это мероприятие по заблаговременной заготовке мостов и действий их вслед за войсками себя не только оправдало, а это было одним из условий, обеспечивающих успех продвижения. Мы не давали возможности противнику закрепляться. Если бы мы дали возможность противнику закрепиться, нужна была бы большая сила. А так, только войска подходят, мост построен, пошли дальше. Это был единственный случай, когда мы задержали на 18 часов переправу. Во всех остальных случаях время исчислялось так: полчаса, до полутора часов. Это время, в течение которого противник не мог ни управление организовать, ни организовать оборону. Это терпимый срок.

Бранденбургский мост захватили саперы. Один сержант был, он, собственно, захватил мост, хотя мост был подготовлен к подрыву. Там стояла группа немецких сапер и уже бежали к мосту, чтобы взорвать его, а он перехватил их, вступил в рукопашную, отбросил. За ним бежало его отделение, но фактически он спас этот мост, остался жив, награжден и сейчас работает у нас. А там было тяжело, потому что мост большой и операция могла бы задержаться.

Ныне командир 243-го инженерно-саперного батальона, а во время форсирования Немана заместитель командира, ныне майор, а тогда капитан, Фальмонов М. Т., при постройке мостов руководил их постройкой и проявил личное мужество и героизм, за что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Старший лейтенант Семенов, адъютант старший саперного батальона 84-й гвардейской дивизии организовал переправу, сам первым переправился на плотике через Неман с пулеметчиками, поставил пулеметчиков и пулеметы на огневую позицию на западном берегу Немана и организовал переправу всех остальных частей. Тоже у нас Герой Советского Союза.

Командир взвода саперного лейтенант Редькин, 30-й гвардейский саперный батальон 26-й гвардейской дивизии и рядовой Бабахин — герои форсирования Немана. Были ранены и эвакуированы в госпиталь.

Герой Советского Союза, гвардии подполковник Глазко Е. Ю., корпусный инженер 8-го гвардейского корпуса — герой форсирования Немана. Ему тоже присвоено звание Героя Советского Союза. Он руководил инженерным обеспечением форсирования частями 8-го корпуса.

Начальник штаба 2-й гвардейской штурмовой инженерно-саперной бригады подполковник Шапошников В. М. — Герой Советского Союза, тоже готовил форсирование Немана. Руководил наводкой наплавного моста. Авиация разрушала, но по этому мосту мы переправили полную дивизию и это обеспечило закрепление своего плацдарма на западном берегу. Он уехал в Москву.

Источник: [Научный архив ИРИ РАН,
ф. 2, оп. 132, д. 13, л. 1—13 об.]

5. Стенограмма беседы с гвардии полковником Белым Лаврентием Тихоновичем

Восточная Пруссия, 8 июля 1945 г.

Заместитель командира 83-й гвардейской стрелковой дивизии. Украинец. 1902 г. рождения. Член партии с 1926 г. ...

Окончил 7 классов. Военное образование: нормальная школа, 2 КУКСВ «Выстрел».

В армии с 1924 г. ... Награды: три ордена Красного Знамени, медаль «За оборону Советского Заполярья», медаль «За Победу над Германией».

Жил в селе Красноселье Евградовского района Кировоградской области. Жизнь моя батрацкая, не хочется о ней и говорить. Когда отец и мать умерли от тифа, брат на войне был, я пристал на станции к шулерам, а потом, как чемодан стащил у одного, меня избили, и с тех пор я перестал воровать, пошел в лес работать.

В 1921 г. вступил в комсомол, работал в лесу. В 1924 г. по комсомольской путевке я попал прямо в школу 1-й украинской бригады имени Котовского. Она стояла в Бердичеве. Моя жизнь в армии прошла, никакой профессии у меня нет. Окончил нормальную школу в 1931 г. в Кировограде, 1-ю кавалерийскую школу имени Буденного. 19 лет в коннице прослужил. Я 4 года был сверхсрочным старшиной. Поляковский был начальником полковой школы. В 1928 г. его выдвинули на помощника командира полка.

4 года — старшина, 2 года был в школе курсантом, 4,5 года был командиром взвода, имел один кубик. Потом назначили меня командиром пятого эскадрона, 3 кубика уже было. Через год его расформировали, меня назначили командиром 2 эскадрона, а в 1937 г. тайным голосованием избран секретарем партийного бюро полка. Когда в Монголию отправляли

кавалерийскую бригаду, арестовали командира полка и комиссара. Меня по шифровке отправили комиссаром полка. Кириченко был комиссаром бригады. Потом я был командиром штаба дивизии у Черняховского. Из кавалерии меня перевели в танковую часть в Литве в мае, а в июне — война. Так с Черняховским провоевал до февраля 1942 г. с первого дня. Войну я застал под Мемелем, в Литве.

Черняховский был скромный парнишка, на вид красивый, как службист хороший. Окончил две академии: механизации и моторизации и имени Фрунзе. Грамотный парень. Принял он дивизию в мае, когда я приехал из Ленинграда, и так мы с ним начали воевать...

(В январе 1942 г. Белого вызвали в Москву, он попал на штабную работу, затем служил на Карельском фронте, учился на курсах «Выстрел», писал Черняховскому с просьбой забрать его в свое подчинение. Наконец, 22 ноября 1944 г. Белый получил назначение на 3-й Белорусский фронт, к Черняховскому. — *Г. К.*).

... Граница была пройдена ранее уже отдельными частями не нашей дивизии. Мы вышли сразу на их землю в Ремингстенскую (Роминтенскую. — *Г. К.*) рощу. Тогда нас сменила 2-я ударная (гвардейская. — *Г. К.*) армия. Мы пошли к Эйдткунену, наступать 13 января.

... Пошел с этим полком под Кёнигсберг. Слева — шоссе и железная дорога и дальше мы не пошли, потому что пошли выручать 31-ю дивизию. В замке 26-я дивизия. Она уже вышла к морю и двигалась на юг. 31-я дивизия была в Годринен. Я с одним полком, 248-м, пошел на Годринен, а Маслов (генерал-майор Маслов, командир 83-й гвардейской стрелковой дивизии. — *Г. К.*) с двумя полками пошел на выручку 26-й. Там он встретился с противником в лесу северо-западнее Бергау и погнался противника. Мы восстановили положение. Ночью подошел и третий полк. У фольварка Людвинсдорф Яблоков, наш командир полка, был контужен.

В течение пяти дней мы восстановили все положение, перерезали дорогу. Отсюда нам приказали сдать участок 18-й дивизии и выйти в Велау в резерв. Мы вышли в Велау и здесь же на второй день получили приказание сменить 84-ю дивизию.

Мы заняли Зеепотен и станцию Капельбуде и заняли там оборону, сменили 84-ю дивизию.

Отсюда я уехал на похороны Черняховского. Дивизия на этом месте стала в оборону. Я вернулся назад 8 марта, и мы пошли наступать по ликвидации южной группировки юго-западнее Кёнигсберга. Там перед нами стояла 5-я дивизия, 1-я дивизия, танковая дивизия, но танков у него было мало, мелкие части он собрал. Группировка перед нашим фронтом была известна для нас, а что в глубине — можно было предполагать. Из нашей армии 4 дивизии входило, основную тяжесть несла 5-я армия, а мы ей в помощь вошли.

... Эта операция была закончена 20 марта. Мы получили от Василевского благодарность приказом, а потом от Сталина приказ 317. За зимнюю операцию я был представлен к ордену Красного Знамени, и за южную группировку, когда командовал 250-м полком, тоже до сих пор нет.

22-го перешли опять в состав 8-го корпуса и расположились вдоль Прегеля. Заняли оборону. В 8-й корпус входили 26-я и 5-я дивизии. Когда пришли сюда, я полк сдал, командир вылез. Я сам уехал на ту сторону [реки] увязывать стык с 50-й армией. Наша армия была на стыке с 50-й армией. Прегель тут разъединял. Увязали стык, приехал в дивизию, и меня через два дня назначают командующим оперативной группой. Это было уже 3 апреля. Сюда входили курсы младших лейтенантов, 4 роты, каждая рота по 130 человек — это 520 человек. Две недели оставалось до выпуска, хороший народ. Кавалерийский полк сводный у меня был, 9 сабельных эскадронов, хорошие люди тоже; 215-й артиллерийский полк иптаповский (истребительно-противотанковый. — Г. К.), хорошие пушки.

Заняли 12 км по фронту. Людей всего было человек 600—700 активных штыков. Полк имел 24 ствола артиллерийских и

16 бронедивизионных стволов. Приходилось 125 человек на километр. Это было мало. Дивизия нормально наступает на фронте в полтора километра, а здесь на роту. Задача была сковать на этом участке. Как раз мне попадало два форта — 11-й и 12-й в Грюнфельде. У меня взяли 21-й полк на штурм, но я решил свой план выполнить. Со стороны железной дороги прорвали двумя ротами курсантов, а с другой стороны тремя ротами кавалеристов и приказал блокировать один форт, а курсам младших лейтенантов блокировать другой форт. Этими коридорами и повел всех курсантов и артиллеристов на Розенау. Это был риск. Части наступают на узком фронте, все равно выиграем, так что если и прижали, то нажмут. Немцы же были в панике. Жажнули, и немцы сдавались кучей в плен. Форты тоже в плен сдались. Курсы младших лейтенантов брали 11-й, а артиллерия — 12-й.

Это было перед вечером. Рота курсантская, когда вышла в тыл ему, оцепила его, выставила пулеметы и лежит. Никакого им ходу не дает, в блиндажи бросает гранаты. Они сидели-сидели, видят, что ничего не получается. В 12-м форту они убили полковника, коменданта форта, или он сам застрелился. Курсанты полтора суток дрались. Мы уже зашли в тыл. Их в лоб не возьмешь. Огонь из фортов был в нашу сторону. Но мы зашли с тыла. Форты были вооружены пушками. Там у них 75-мм пушки были, 37-мм, противотанковые, пулеметы были, минометы, склады боеприпасов были. Они постепенно начали выбегать и сдавались.

Форты не были разрушены. Я был в 11-м форту. Там один полк 1-й Московской дивизии стоит. В плен сдалось их 460, в 12-м — 620 или 630 было. А тот ликвидировали кавалеристы. Я помню, мне докладывали представить на Героя одного курсанта, который набрал гранат штук 12, вылез на бугорочек и кричит им:

— Вылезайте, сейчас будем подрывать форт!

Связал эти гранаты, как бросит их во двор форта. После этого, говорят, человек 50 сразу выскочило и сдалось. Так постепенно и выкурили.

10-й форт брал 252-й полк Федорова. Он задержал немощко нашу дивизию.

Когда я вышел к Розенау, командир дивизии говорит:

— Матальянца, нашего командира 248-го полка, ранило тяжело.

Хороший парнишка был, смелый. Я задачу свою выполнил, курсы младших лейтенантов сдал, кавалеристы остались в резерве, а я пошел в дивизию и принял 248-й полк опять.

Мы взяли Кёнигсберг штурмом, и людей не очень много потеряли. Такого штурма, как я его понимаю в военном деле, не было. Но его называли штурмом потому, что штурмом брали — пошел вперед, вперед, вперед.

На внутреннем поясе на нашем пути было два форта. Один я брал 248-м полком после Матальянца, и 252-й полк брал другой форт. Ночью мы им овладели и дальше не пошли, а пошли на восточную окраину в район 111. Там форсировали реку и вышли в центр города. Здесь нас захватила капитуляция. Я получил приказ, что назначаюсь комендантом по сбору всех проходимцев. Я еще испугался, говорю:

— Всем командовал, не был только еще комендантом.

Я посмотрел квартиры, где их располагать. В 21 час было сообщение, что они капитулируют, а в 23 часа до часа ночи такой бой был в городе, нельзя было появляться там. Сыпали с крыш, из окон пулеметы, огнеметы. В час ночи прекратилось все. А по нашей линии приказ был не стрелять. Мы приказ не выполнили, стреляли тоже: а что же, они стреляют по нас, а мы будем молчать?

Кёнигсберг взят войсками 11-й армии. Остальные армии не дошли. 51-я армия (50-я. — *Г. К.*) немного прошла внешний обвод. Когда уже немцы сдались нам, часов в 9 или 10 утра я принимал их, а потом уже хлынула 51-я (50-я. — *Г. К.*) армия за трофеями в Кёнигсберг.

Артиллерия работала на всех участках. На своем участке я давал огонь тогда, когда мне нужно было. В моем распоряжении был один артиллерийский полк. Мне нужно было проби-

вать дорогу, когда я выскочил неожиданно, я так и вел их и всё. Мне рассыпаться нельзя было далеко. Наша рота вышла, закрепилась за насыпь: овладеют, подтянут свои огневые средства, — вперед. Дальше артиллерийский налет сделают, они опять бросок сделают. На других участках была такая же вещь.

На авиацию мы смотрели. Гул был сосредоточен в центре, и были столбы черного дыма, ничего не поймешь. Это было похоже на ад, на страшный суд. Когда мы вошли сюда, весь центр был поколочен нашей авиацией. Район, где я собирал пленных, был цел, а потом, когда я вывел пленных в целлюлозный завод, вернулся назад в район 111 квартала.

... Потери наши были небольшие для такого боя. Кёнигсберг очень легко нам дался, может быть, потому, что мы очень долго готовились, или наступил период деморализации их армии. На сборный пункт приезжали с машинами, с повозками, с лавочками. Все это осталось на сборном пункте, на склад сдали. Сортировали пленных в отряд, и батальон их сопровождал. 3 тысячи пленных батальон сопровождает во главе с комбатом, с пулеметом. Комбат записку получил, во фронтовой лагерь привел, мне расписку принес.

Когда пленных я сдал, нашу армию вывели в резерв около Кёнигсберга, в лес. Там лагерь устроили, хорошие землянки, приступили к учебе. Получили мы небольшое пополнение. 10-го я принимал пленных, 11-го их отправлял, а 12-го догнал дивизию в лесу, на новом месте, 13-го я опять принял полк, начал устраивать лагерь, и 16-го меня опять вызвали в штаб армии. Со мной беседовал Галицкий. Он приказал сформировать отряд в 500—600 человек из дивизии — самых лучших, стойких, проверенных гвардейцев взять, выбрать себе комсостав, и «ты получишь от меня задачу». Первое. Поехать на Балтийское море на косу, высадиться в тылу противника и там порвать ему все коммуникации и содействовать наступающим частям с севера по взятию Пиллау и Нойтифа. Первый вариант был у меня и второй. Прошел второй вариант. По первому варианту

я должен был на Пиллау высадиться. Когда нашу 11-ю армию жиманули сходу туда, я пошел в глубь косы, южнее 6 км Нойтифа.

16-го я возвратился назад, начал готовить людей, 20-го выступил по тревоге с отрядом. Батальоны были сформированы по 100—160 человек. Солдат знает каждого командира своего и всё. Мы объявили им позже, ничего не говорили. Когда сформировали, вывели их, потом объявили.

Каждый батальон состоял из двух рот. Было 60 человек, было 55, два командира взвода, командир роты и всё. В батальоне — комбат, заместитель комбата и адъютант. В двух батальонах были заместители по строевой, в двух не было — так и поехали. Партийность, возраст их меня не интересовал. Мне нужно было количество людей. У меня списка не было, я его и не составлял. Он не нужен мне был.

Комбатом 1-го батальона был майор Кононов (248-й полк), 2-го — майор Митраков от 260-го полка, 3-го — майор Федотов от 252-го полка. Я был командиром сводного полка. Моим заместителем по политчасти — подполковник Морозов, по строевой части — майор Волкодав.

Мы направились 20-го в деревню Кранстепелен, от Пилау километров на 20 по берегу на север, или 22. Там мы получили катера. Мы приехали 20-го и до 24-го вечера занимались. Садилась на катера, уезжали в море, на море разворачиваемся, к берегу подходим, выскакиваем на берег, по берегу наступаем. Учеба проходила хорошо. Давали водки сколько хочешь, рыбка была своя, хорошая селедка. Настроение было хорошее, а те, у кого было нехорошее, болели и уходили.

Артиллерии со мной не было, но меня поддерживала 249-я ПАБР (пушечная артиллерийская бригада. — Г.К.). Она на 23 км бьет. Я три раза на себя вызывал огонь, хорошо били, прямо по станции. Куда вызывал, туда и били. Как дадут сразу огонька. У меня был капитан с рацией своей, со мной сидел все время, держал связь. Они людей спасали. Как дадут огня!

24-го или 25-го сели на катера от Кранстепелен в 21.00 и уехали в море. До этого был шторм на море. Со вторым десан-

том у меня связи не было. Я знал, что он через шесть часов после меня высаживается, знал, куда он высаживается. Я через армию узнал, где он. Он высадился в 6 часов. Коли бы вместе высадились, было бы лучше, легче.

Я получил приказ на погрузку. Запросил: «А как номер 27?». Говорят: «Будет тоже, но позже». Возможно думали, что я справлюсь сам.

Пошли на курс. На море я не командовал. Мне так и сказал Галицкий:

— Ты на море пассажир, командует там капитан.

Я у него поинтересовался маршрутом. Сел на катер. Было 23 катера у меня и охраняющий был. Мы шли параллельно. Один шел МК, потом рыбинцы, потом МК. Я на середине был, на рыбинце. На рыбинце, где рулевой сидит, есть кабинки. Там я сидел, потому что внизу хлюпает водичка и нам видно. Ночь хорошая, лунная, море не играет, волна идет только от корабля. Дальше видишь серебристую поверхность моря. Воздух хороший, приятный. Уехал хоть бы в Англию, так хорошо!

Потом смотрю, заворачивает правый фланг. Я ориентируюсь: поворот он берет на берег... До берега от поворота километров 6—7. Берега не видно, видно было только как горели окраины Пиллау. Этот огонь все время был виден.

Мы только повернули, вижу какие-то точки на море, как будто намеренно построены. Я капитана спрашиваю:

— Что такое?

Он говорит:

— Не знаю.

— А может быть, наши торпедные катера, которые охраняют?

— Может быть.

— Ну, хорошо.

Вдруг — бу-бу-бу! — трассирующими снарядами из пулеметов по нам. Смотрю, тут паника началась. Мой катер один, правофланговый, загорелся. Говорю:

— Что-то не так встречают наши.

Потом наши — хлоп-хлоп! — и их загорелся один. Потом их пара очередей по нам сыпанула, и заворачивают они к берегу, и мы к берегу. Метров 300—400 между нами было. Идем, конечно, туда. Этих сбили, по нам с берега не стреляли. Как вышли наши катера, о мель ударились, сразу все в воду тихо, без шума, без крика, только вода хлюптит. Все было без шума... Кто чем вооружен, большинство автоматами были. Противотанковое ружье у меня было повзводно, в каждом батальоне. 8 ружей было.

Выскочил я, сразу говорю адъютанту:

— Снимай сапоги, воду выливай.

Он снял сапоги, я выкручиваю портянки и с брюк вода скатывается... И вот прут мне пленных. Я бойцам говорю:

— Вниз!

Заместитель по строевой спрашивает:

— Расстрелять?

Я говорю:

— Не трогать ни одного. Где переводчик?

Подошел переводчик.

— Объявите им, чтобы сидели спокойно, никуда не двигались, мы их заберем на корабли.

Наши катера сразу пошли назад. Противник начал стрелять. Им нельзя было даже стоять. Они с боеприпасами ушли, даже не отгрузились.

Я знаю, что если начнешь в тылу расстреливать пленных, они больше не сдадутся, будут до последнего драться. Я их посадил. Доложили, что 1200 человек. 6 человек оставил для их охраны. Оружие они оставили здесь. Мы это оружие подобрали и из него стреляли.

Потом появились там женщин шесть в блиндажах, русских. Заместитель по политчасти и по строевой подхватили их и в землянку. Я пока выкрутил портянки, докладывают: «Нашел блиндаж и траншеи сплошные». Я говорю:

— Сейчас срочно внести нашу рацию и связывайтесь с армией и артиллерией.

Капитан артиллерийский свою рацию поставил, я — свою. Я пришел, сел, вызвал армию, доложил, развернул роты, батальон занял позиции. 1-й батальон шел вдоль шоссе, 3-й батальон шел на Нойтиф, держал с собой локтевую связь. 2-м батальоном я прикрывался с юга. НП был в центре. Связался с армией и начал командовать.

Мои заместители вскочили в блиндаж и вели там разговоры часа два-три. Когда понад берегом прорвался противник, отступающий из Нойтифа и Пиллау, проходил по дороге, а тут мы ему перекрыли. Тогда он все силы бросил на ликвидацию этой группы. Шло до трех пехотных полков и до четырех отдельных батальонов, что составляло до 6 тыс. вместе с пленными. К пленным приткнулась группа их, заставила их вооружиться, человек шесть расстреляли, заставили наступать. Они пошли на меня наступать от моря и с севера. Я вызываю 2-й батальон, который сопротивлялся. Одна рота наша вырывается, чтобы догнать их. Он говорит:

— У меня рота в окружении.

На него тоже поперли с севера и с запада. Он мне радирует:

— Товарищ полковник, ничего не могу сделать, все в окружении, отражает каждая группа самостоятельно.

Я тогда говорю:

— Отражайте!

Вызываю 3-й батальон, который не в море. Он от меня оторвался метров на 600. Тоже сообщают: «Окружены». Что за черт? 1-й батальон спрашиваю:

— Как у тебя обстановка?

Он говорит, что роты не имеют связи, одна рота в окружении. Я тогда спрашиваю заместителя. Вызываю артиллерию нашу, которая поддерживала меня и даю район для налета: 5, 3, 7-минутный покрепче, потому что я нахожусь в тяжелом положении. У меня была закодирована карта. Они сразу открыли огонь по этому району. На себя вызвал огонь, и немцам досталось, и нам. Немцы притихли. И так я до 06.30 два раза вызывал артиллерию свою на себя, и на себя каждый поставил крест. Я запрашиваю, где наши части, которые, сообщали,

должны ночью форсировать пролив. Никто его не форсировал и только к утру начали форсировать. Пошли берегом. Мне сообщили, что там Иванникова полк, Банкуева (Банкузова —?). Я говорю, что их нет. Где второй наш сосед, который должен был тоже высадиться? Я даю по радио командиру 2-го батальона 4-й роты, чтобы связались с ним. Им слышно, когда будут высаживаться... Второй десант должен был высаживаться из залива, а я высаживался с моря. Он следил, передает мне, что ведется усиленная стрельба по побережью. Я сразу по радио объявил: «Держитесь, гвардейцы, идет на выручку морской десант. Наш 2-й батальон уже держит с ним связь, мы держимся».

Через час этот батальон связался. Я узнаю, когда выскочили, им пленные тоже начали сдаваться. Они из автомата — д-р-р — и расстреливать. После этого кто же может сдаться в плен? И не пошли, начали стойко драться. Немцы, которые от нас уже драпали, как напали на них, и одна группа у них тоже попала к немцам. Они высаживались, возможно, несколькими группами по берегу. Командир 4-й роты увидел только одну группу и пошел к ним на помощь уже во фланг немцам и заставил немцев сдать назад. Они связались вместе и соединились с комбатом. Подполковник видел Митракова и целовал его. Он говорит:

— Подполковник, давайте наших выручать, — побежал на НП.

Подбежал и говорит:

— Слава тебе господи, что вы живы остались, чудо какое сотворилось на земле.

У меня набралось человек 18 моряков с подбитого корабля, на них человека 4 убито, человек 6 ранило, остальные живы, героически дрались. Они вооружились немецким, нашим оружием. Из них было 4 средних командира и младших. Был у меня комсомольский взвод, человек 10, связные от батальонов, командир артиллерийской группы, которые поддерживали, его связной и разведчики... Так человек 35 нас набралось с моряками вместе. Мы сидели в траншее.

Чем мы привлекли немцев? У нас рация развернута была, и шесты высоко стояли. Они видят: командный пункт. Нужно было до него добраться. С берега наступали пленные. Раз продвинулись — мы огонь по ним дали, и они больше не поднимались. Здесь спасли они одного командира саперной роты. Говорят: «Русский капрал нет», и он под ногами у них сидел. Немецкий офицер подбежал к ним, красноармейцев убил, а этот бросился в гущу пленных, присел под их ногами, и они говорят: «Русский капрал нет».

Дрались до 13.00, как меня освободили, и потом часов в 14 освободили мы уже все батальоны. Немцы начали сдаваться в плен большими группами. В плен взяли там тысяч до шести. У меня человек 250 осталось десантников с ранеными из 535 человек. Я их всех вывез на трофейных повозках, убитых похоронил там, взял убитого Мороза, подполковника и одного минера. Немцев там убито было до черта. У меня перед НП убитых человек 80 лежало, как трава покошена. Мой «чин», красноармеец, молодец, кричит «Ура!» и не вылезает. Потом возьмет автомат, приложится и назад.

Наши батальоны занимали по фронту километр с четвертью на полтора километра. Трофеев там много набралось, масла, конфет. Мы оттуда ехали как мотоотряд, все на подводах, велосипедах или автомашинах. Когда через пролив нас возили на паромках, 2 машины с маслом забрали. Полк жил на трофеях недели две.

Обратно вернулись 28-го. Пиллау пало 24-го, а мы 25-го утром высадились там. В ту ночь, когда я высадился, они должны были форсировать пролив, но форсировали его утром. К 16.00 мы соединились с наступающими частями с севера. Это была 31-я дивизия нашей армии; 5-й армии — 8-й корпус, а 31-й — кажется, 16-й. Они продолжали наступать дальше по косе. Мы там перемесили все управление и создали панику. В этот день они километров 30 махнули по косе. А наши трофеев набрали, подводы, машины — и домой. Целый день там собирали. Убитых надо собрать — все-таки свои люди, хоро-

шие люди. Хоронили их не так торжественно, как положено, но выкопали ямы, тряпками, простынями укутаешь и положишь. Из моря утопших волной прибывало.

К вечеру вышли на пролив. Здесь нас переправляли часа два паромом. Личный состав быстро переправился, а обозы дольше. В море один катер целиком утонул, 25 человек, ни одного не спасли. Утонул начальник штаба, два помощника начальника штаба около берега. Наверно была мель, потом опять глубина, потому что их катер носом врезался в мель, а когда они начали прыгать, то дна не достали. Кто умел плавать, тот выплыл, а кто не умел, утонул.

... Все бойцы награждены. Получил я вчера письмо одного связного, который со мной радистом был. Почему-то он не награжден. Процентом 20 командиров рот убито, командиров взводов — больше.

**6. Из записок Д. А. Бочарникова,
ветерана 307-й стрелковой дивизии,
о боях за Кёнигсберг²¹**

На пути к Кёнигсбергу

... Начальник штаба полка майор Крамаренко Г. Т. предложил мне должность начальника разведки полка, я согласился.

В Новый, 1945 год, я вступал в незнакомой для меня должности, причем важной и ответственной.

В начале января дивизия вышла на передний край на реку Бебжа, приток реки Нарев, в районе местечка Визна. Готовилось зимнее наступление 1945 года.

15 января войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов перешли в наступление с плацдармов на реке Висла и Нарев. Слева от нас, под городом Ломжа, был слышен гул артиллерийской канонады, это километрах в 50.

Мы не атаковали, на нашем участке было все спокойно. Через несколько дней из штаба дивизии утром спрашивают, что же вы сидите на месте, немца-то перед вами нет. И действительно, впереди тишина, ни одного выстрела. Разведка доложила, что впереди в деревне Визна немцев нет. Батальоны переднего края поднялись из своих траншей, переправились по льду через реку Бебжа и устремились вперед. До Восточно-Прусской границы было 25—30 километров.

До границы дошли без единого выстрела. Вот оно, фашистское логово, откуда враг кинулся на нашу землю.

Сразу видно различие между немецкой и польской землей. Польша разграблена, бедная, земля каменистая, дома деревянные с соломенной и камышовой крышей.

²¹ От редактора: данный раздел монографии — личностный. Он подготовлен к печати Р. Д. Минаковой, дочерью фронтовика Д. А. Бочарникова.

Первая немецкая деревня в одном километре за границей. Дома новые кирпичные, белого кирпича, крыши черепичные, островерхие, все замощено камнем или заасфальтировано. Все дома с верандами. Деревня пограничная и построена прямо перед войной. В деревне ни одного жителя, все сбежали. Дело в том, что слева от нас главная группировка войск 2-го Белорусского фронта прорвала немецкую оборону, и танковые армии устремились к городу Данциг, к Балтийскому морю, отрезая всю восточнопрусскую группировку врага.

Немецкое командование перед нашим фронтом начало отвод своих войск в глубину. Мирному населению была дана команда: всем на колеса и бежать, собственно, в Германию. И они все как один бежали.

В захваченной деревне жило много военных, немецких солдат и офицеров. В каждом доме наши солдаты находили предметы военного обмундирования. Десятки немецких фуражек взлетело в воздух, а по ним из автоматов вели огонь наши бойцы. Ненависть к врагу была развита до предела, да своими злодеяниями на нашей советской земле немцы заслужили это.

Первыми городами на нашем пути были Биалла и Зеебург. За взятие этих и других городов Восточной Пруссии войскам 2-го Белорусского фронта под руководством Маршала Рокоссовского К.К. салютовала Москва, в том числе и нам была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

Следующий город на пути нашей дивизии — Алленштейн (ныне по-польски — Ольштын). Это большой город. Танкисты слева ворвались в него. В городе все живое: шли немецкие эшелоны в город, и танкисты долго принимали их, в городе горело освещение — фашисты не успели взорвать и остановить городскую электростанцию. Город взят молниеносно. Здесь уже начали появляться местные жители.

Мы, пехота, не задерживаясь, все время безостановочно шли вперед. Впереди был Хайльсбергский укрепленный рай-

он. Нас нацеливали как можно быстрее с ходу овладеть укреплениями. Эти укрепления, ДОТы, построены перед войной и строились немцами в ходе войны.

Бюргеры (крестьяне) бежали на повозках, как правило, запряженных двумя лошадьми. И причем каждый раз бежали только что: печки в домах были теплые, а в отдельных из них тлели угольки. В сараях стояли коровы, овцы, свиньи. Мы перешли на подножный корм.

Было много разных трофеев. Разрешили с фронта отсылать посылки на Родину. Многие товарищи собрали, послали. Я не послал ни одной. Боялся брать чужое. Думал, останусь жив, все это у меня будет. Хотя в то время посылка для многодетной матери была бы не лишней.

Из-за этих посылок не один сложил голову на немецкой земле. Помню, начальник вооружения полка капитан Афанасьев пошел в горящем городе в магазин за промтоваром, а вражеский автоматчик из засады сразил его насмерть.

Прошли район Мазурских озер. Местность лесистая, всхолмленная, с глубокими впадинами и озерами. Вышли к Хайльсбергскому укрепрайону. Перед нашим фронтом немцы его долго не обороняли, начали планомерный отход в связи с выходом наших войск слева к Балтийскому морю. Осмотрел один ДОТ. Мощные бетонные стены, две бойницы, хорошо вписан в местность и тщательно замаскирован. Если бы его брать штурмом, крови пролили бы много. В целом вся Восточная Пруссия — это укрепленный район. Хуторская система, все дома кирпичные с подвалами и бойницами с круговым обстрелом. Если засел немец в подвале этого дома, то было очень трудно выбить его оттуда.

В середине февраля нашу 50-ю армию передали из 2-го Белорусского фронта в 3-й Белорусский. Главные силы 2-го Белорусского фронта после выхода к Балтийскому морю двинулись на запад на Германию, а мы остались вместе с 3-м Белорусским фронтом добивать восточнопрусскую группировку.

Немцы продолжали под натиском наших войск отвод своих войск в глубину для организации обороны на выгодных рубежах в районе городов Эльбинг и Кёнигсберг.

В один из февральских дней перед городом Мельзак обстановка сложилась так, что справа за рекой отступали вдоль реки немецкие колонны, а слева — двигались мы. Километрах в трех было отлично видно движение по снежным дорогам немецких колонн. Впереди на том берегу реки, на перекрестке дорог — большая деревня. Дорога, по которой мы шли, вела в эту деревню, поворачивая перед деревней круто вправо, на мост через реку и далее в деревню.

Вызывает меня командир полка и говорит: «Капитан Бочарников, Вы назначаетесь командиром передового отряда. Вам подчиняется полковая рота автоматчиков и приданная полку истребительно-противотанковая батарея — пять орудий 76-мм калибра. Задача передового отряда — с ходу ворваться в деревню, захватить перекресток дорог и удерживать его до подхода наших войск, тем самым отрезать отход немецких колонн».

Вопросов нет, задача ясна. Организую действия передового отряда. 76-мм пушки были на прицепе автотягачей «Додж 3-4». Рассаживаю всю роту автоматчиков в «Доджи» и на пушки. Один «Додж» с командиром роты автоматчиков и группой автоматчиков высылаю вперед на видимую связь как разведку и охранение. Радиостанций не было. Затем двинулись остальные четыре автомобиля с пушками с дистанцией 50 метров между машинами. Я — вместе с командиром батареи на головной машине, он впереди рядом с водителем, а я — сзади на передке пушки.

Двигались со скоростью 15—20 километров в час. Прошли несколько километров. Все спокойно. Дорога пошла под гору. До деревни около 1,5 километров. Сразу впереди слева около дороги — отдельный дом с кирпичными большими сараями и далее справа впереди метрах в трехстах на высотке — маленькая роща. Машина с разведкой прошла эту рощицу и была уже

близка к деревне. Мы были метрах в 50 от домика, стоящего слева у дороги. Медленно двигаясь, я наблюдал за действиями разведки. Вся дорога, местность и деревня хорошо просматривались.

И вдруг из рощицы, что справа у дороги и которую разведка уже прошла, пулеметная очередь по нашему автомобилю. Пули затрещали по лобовому стеклу автомобиля. Очередь была очень меткая — сразу были убиты водитель и командир батареи. Машина стала неуправляемой, под гору, набирая скорость, свернув с дороги, летит прямо на кирпичный сарай. Удар. Меня с передка пушки бросило вперед на заднюю стенку кузова автомобиля, затем бросило обратно на передок. У меня из глаз посыпались искры, я упал с передка на землю и не могу встать. Сильная боль в левом боку, которым я ударился о кузов автомобиля.

Придя в себя, начал быстро разбираться в обстановке. Немедленно спешил и укрылся за домом от немецкого пулеметного огня остальные пушки. Немецкие пулеметчики, хорошо замаскированные на опушке рощи, пропустили нашу разведку или сознательно, или просто проспали, не ожидая нашего внезапного появления.

Начал наблюдать за деревней через пойму реки. До нее примерно около 1 км, ее очень хорошо видно. Прекрасно видно, как идут через центр деревни немецкие колонны, как три самоходки «Фердинанд» разворачиваются и, укрываясь за домами, занимают огневые позиции. Дал команду быстро развернуть наши четыре пушки на огневые позиции. Орудия быстро открыли огонь осколочными снарядами по перекрестку.

Немецкие самоходки в свою очередь открыли огонь по нам и особенно по артиллерийским орудиям. Завязался долгий огневой бой. Перекресток дорог мы не захватили, но движение немцев через него было воспрещено. Мы понесли ощутимые потери. Потеряли три орудия, два автомобиля, многих автоматчиков и артиллеристов.

Главные силы полка прошли левее нас и двигались в направлении города Мельзак. Ночью получил от командира полка команду сняться с занимаемого рубежа и присоединиться к главным силам полка.

Идея нашего передового отряда и в целом маневра в сторону фланга — хорошая. Но для ее осуществления нужны были танки. На танках мы, конечно, ворвались бы на перекресток и подавили бы там не один десяток немцев. А пушки хороши, но не для этой цели.

Через 2—3 дня после этого приезжал в полк следователь армейской прокуратуры. Допрашивал командира полка, выяснял, кто приказал выделить и направить передовой отряд. Допрашивал и меня подробно обо всем и, главное, почему понесли такие большие потери? Какое было наказание моим старшим начальникам, не знаю. А мне и моим подчиненным ничего не было. Все ограничилось беседой со следователем прокуратуры.

Преследуя фашистов, с ходу овладели городами Вормдитт и Мельзак, за что еще раз Москва салютовала нам — и еще одна благодарность И. В. Сталина.

Далее начались бои за каждый дом, за каждый хутор. Дальше немцам отходить некуда было — Балтийское море.

В 5 км севернее и северо-западнее города Мельзак немцы встретили нас организованной обороной. Каждый дом приспособлен к круговой обороне, каждый дом надо брать с боя. Мы начали нести большие потери. Наше продвижение вперед на несколько дней приостановилось. Впереди город Эльбинг, до залива Фриш-Гаф (ныне Калининградский залив) оставалось всего 30—40 км.

В один из этих февральских дней по дороге на Мельзак ехал командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский Иван Данилович. Перед Мельзаком, восточнее его, в двух километрах — перекресток дорог. Перед перекрестком регулировщица предупредила командующего, что

перекресток простреливается вражеской артиллерией. Черняховский сказал: «Ничего, проскочим!» И поехал вперед. Как только он выехал на перекресток, вокруг стали рваться снаряды немецкой дальнобойной артиллерии. Осколком одного из них Черняховский был ранен. Это было сзади нас в 3—5 км. Мы тут же узнали, что командующий тяжело ранен. А на другой день узнали, что генерал армии Черняховский И. Д. от полученных ран скончался. Горе и тяжесть утраты овладели нами. Но на войне смерть — это обычное явление.

Мы готовились к продолжению наступления: подтянули артиллерию, подвезли боеприпасы, дали нам танки и САУ. Возобновили наступление с целью пробиться к заливу.

Поздно ночью командир полка собрал командиров батальонов и отдал приказ на наступление. Мне как первому помощнику начальника штаба полка командир полка приказал идти вместе с командиром 2-го стрелкового батальона капитаном Комлевым и вместе с указанным батальоном наступать, оказывая помощь командиру батальона в выполнении поставленной задачи.

Вышли мы из фольварка, где размещался штаб нашего 1019-го стрелкового полка, и вдоль телефонного провода пошли к переднему краю. Ночь темная, туман. Впереди вдалеке слышен треск пулеметных очередей. Где-то справа также вдалеке прозвучала еще одна пулеметная очередь. Свиста пуль не было слышно.

Саша Комлев говорит: «Данил, откуда взялась кровь у меня на животе?». В темноте разобрались: у него справа вошла в живот пуля, выхода, вылета нет. Пуля вошла в его тело так, что он даже боли не почувствовал, не вскрикнул. Пуля летела издалека, обессилела и поэтому застряла в его теле. Что делать? Решили немедленно возвратиться в штаб полка, рядом с ним был полковой медицинский пункт. Саша остался в медпункте, а я пошел один во 2-й стрелковый батальон, чтобы довести задачу на наступление до заместителя командира батальона Вдовина Д. П.

С утра наступали, отбили у немцев несколько домиков. Фрицы оказывали упорное сопротивление. Наше наступление выдохлось. Начали новую подготовку к наступлению. На третий день после ранения Саши Комлева меня направили за пополнением для полка. Пополнение получал в том месте, где находился медико-санитарный батальон дивизии.

Решил зайти в медсанбат и проведать своего боевого товарища. И как был поражен, когда в регистратуре мне сообщили, что капитан Комлев вчера умер. Очень жаль, прекрасный командир, отличный товарищ, атлетического телосложения, интересный и обаятельный мужчина. Что же случилось? Казалось, легкое ранение. Да, ранение легкое, но коварное. Пуля пробила мочевого пузырь и застряла в нем, моча начала поступать в область брюшины — воспаление и смерть. Только через сутки попал на операционный стол. Операцию сделали, но спасти Сашу не смогли.

Мы потеряли очень хорошего товарища и друга.

Чтобы подготовить новое решительное наступление с целью уничтожения восточнопрусской группировки врага, наше командование произвело крупную перегруппировку войск.

Войсками нашего 3-го Белорусского фронта после гибели И. Д. Черняховского стал командовать Маршал Советского Союза Василевский Александр Михайлович.

Штурм Кёнигсберга

В начале марта наша 307-я стрелковая дивизия передает свой участок фронта войскам 3-й армии и вместе с другими дивизиями 50-й армии совершает марш через Прейсиш-Эйлау (Багратионовск), Фридланд (Правдинск), Тапиау (Гвардейск) и сосредоточивается в лесах севернее Кёнигсберга (Калининграда) в районе станции Гросс-Раум и Повунден.

Наше командование располагало точными данными о характере крепостных сооружений Кёнигсберга. С учетом особенностей этих укреплений велась подготовка войск к штурму. В районах расположения частей на макетах местности воспроизводились отдельные элементы крепостных сооруже-

ний. Создавались и готовились штурмовые группы и отряды. Подразделения пополнялись личным составом и техникой. Подвозились запасы материальных средств.

На берегу залива Куриш-Гаф, северо-восточнее Храброво, на базе населенного пункта было оборудовано учебное поле, на котором в обстановке, приближенной к условиям штурма Кёнигсберга, проводились тактические учения с боевой стрельбой со всеми стрелковыми батальонами.

К концу марта сосредоточение и подготовка войск к штурму была закончена. Наша 307-я стрелковая дивизия под командованием генерала Долматова в составе войск 81-го стрелкового корпуса 50-й армии наносила удар по Кёнигсбергу с северо-запада, с юго-восточной окраины Зидлунга (ныне Чкаловск) в юго-восточном направлении.

Кёнигсберг был опоясан сетью фортов, составляющих внешний оборонительный обвод крепости. В промежутках между фортами и впереди них были возведены временные полевые оборонительные сооружения (траншеи), окопы, противотанковые рвы. Все подступы к вражеским позициям были заминированы противотанковыми и противопехотными минами.

Штурм Кёнигсберга был назначен на 6 апреля. В ночь на 6 апреля саперы перед фронтом наступления полка проделали проходы в противотанковом рву и минных полях противника.

Утро перед наступлением выдалось туманным. Туман был такой плотности, что в 5—6 шагах ничего не было видно. Из-за этого начало огневой подготовки, первоначально назначенное на 7.00, откладывалось. К 9.00 видимость заметно улучшилась и тысячи орудий и минометов открыли огонь по вражеской обороне. Артиллерийские орудия разного калибра, вплоть до 203 мм, выдвинутые ближе к переднему краю, огнем прямой наводки разрушали долговременные оборонительные сооружения, уничтожали живую силу и огневые средства врага. Мощная артиллерийская канонада продолжалась более двух часов. В связи с плохими погодными условиями авиация в первый день штурма почти не действовала.

1019-й стрелковый полк, которым командовал майор Солодовников Максим Максимович, наступая с юго-восточной окраины Зидлунга, используя результаты огня артиллерии, при поддержке танков и самоходных орудий, успешно преодолел противотанковый ров и минные поля, атаковал передний край немцев вдоль железной дороги между фортами № 4 и № 5, уничтожил живую силу и огневые средства гитлеровцев на переднем крае, к концу первого дня продвинулся на 2—3 километра и завязал бой за крайние дома на северо-восточной окраине Кёнигсберга.

Мощные форты, блокированные нашими подразделениями, остались позади. Бой за их уничтожение вели специально выделенные штурмовые отряды.

Я, по поручению командира полка, с переходом в атаку находился при командире 2-го стрелкового батальона капитане Вдовине Д. П. (Он стал командовать 2-м стрелковым батальоном после гибели капитана Комлева.) Дмитрию Петровичу шел 22-й год, он уже имел богатый боевой опыт, ветеран полка. В полк прибыл в феврале 1942 года рядовым красноармейцем. Уже к концу 42 года он командовал минометным взводом. А под Кёнигсбергом стал командовать батальоном. Неоднократно ранен, награжден шестью боевыми орденами.

2-й стрелковый батальон успешно выполнил поставленную на день задачу, но с наступлением темноты бой не стихал. Внезапной ночной атакой батальон овладел еще несколькими домами.

Поздно ночью командир батальона и я были вызваны в штаб полка. Штаб к этому времени переместился с юго-восточной окраины Зидлунга в бункер на бывшем немецком переднем крае, который был захвачен наступающим 1-м стрелковым батальоном под командованием майора Тузова.

Бункер поражал толщиной своих стен, массивностью дверей. В одном из отсеков бункера за столом, склонившись над картой, сидели командир полка майор Солодовников и на-

чальник штаба майор Крамаренко. Командир полка уточнил по карте положение на местности 2-го стрелкового батальона, поставил задачу на продолжение наступления.

7 апреля напряжение боя усиливалось. Бой шел за каждый дом, за каждый этаж дома. Гитлеровцы широко использовали разветвленную сеть подземных ходов для маневра подразделениями и огневыми средствами.

Автоматчики из полковой роты автоматчиков капитана Речунова, разгадав тактику врага, сами проникали в подземелье и с тыла наносили внезапные удары по врагу во взаимодействии с подразделениями, наступающими с фронта. Так отвоевывали дом за домом, фашисты отбрасывались к центру города.

Овладев несколькими кварталами северо-восточной окраины города, полк к исходу 7 апреля завязал бой за следующий жилой массив в районе железнодорожной станции (ныне станция Кутузово-Новое). Дивизия пробивалась с упорными боями на юго-восток на соединение с войсками, наступающими на Кёнигсберг с северо-востока, отрезая войска противника, обороняющие северную и северо-восточную части города Кёнигсберг.

В этот день нам стало известно, что наступающая справа от нас 39-я армия вышла к заливу Фриш-Гаф и отрезала Кёнигсбергский гарнизон от войск противника, обороняющихся на Земландском полуострове.

Особенно примечателен день 8 апреля. Было тепло и солнечно. Немецко-фашистское командование, потеряв внешний оборонительный рубеж, стремилось организовать оборону внутреннего обвода крепости с тем, чтобы остановить штурмующие советские войска. Но замыслам врага не суждено было осуществиться. На помощь наступающим наземным войскам пришла наша дальнебойная бомбардировочная авиация.

В течение нескольких часов, примерно в середине дня, один за другим шли тяжелые бомбардировщики с Востока, вдоль реки Прегель, над центром сбрасывали свой смертонос-

ный груз и, разворачиваясь через правое крыло, уходили обратно на Восток. Это были бомбардировщики дальней авиации главных маршалов авиации Новикова и Голованова.

Мы наблюдали за этим бомбовым ударом с расстояния 1,5—2 километров. Удар был настолько мощным, что земля гудела, облако пыли, дыма и гари конусообразной воронкой поднялось к небу на несколько километров. Наблюдая за этим сокрушительным ударом, мы думали: как изменилось соотношение сил на фронте в нашу пользу. В 1941—1942 годах немецко-фашистские стервятники гонялись за каждым нашим человеком. Сейчас же один за одним мерно идут наши тяжелые бомбардировщики, и никто не мешает им выполнить поставленную боевую задачу. В балтийском небе было достигнуто полное превосходство нашей авиации.

По заявлению пленных немцев, такой удар для них был внезапным и ошеломляющим. Образовалось вокруг много развалин. Толстые каменные стены домов и убежища под ними стали для немецких солдат не укрытием, а могилой. Удар авиации помог деморализовать гарнизон крепости. Спротивление врага стало заметно ослабевать.

В полдень 8 апреля до нас дошла радостная весть — наступающая справа от нас 43-я армия в районе нынешней улицы Вагоностроительной (у кинотеатра «Победа») соединилась с войсками 11-й гвардейской армии, наступающей с юга. Таким образом, весь Кёнигсбергский гарнизон оказался полностью окруженным и полностью отрезанным от Земландской группировки врага.

В течение 8 апреля полк овладел жилым массивом в районе перекрестка нынешних улиц Артиллерийской и Александра Невского.

9 апреля, преодолев с боями ипподром и кладбище, примерно в 1 километре юго-западнее пивзавода, наш полк вышел к широкой улице с трамвайной линией, идущей от пивзавода к центру города — ныне это улица Гагарина. Здесь в районе пе-

рекрестка улиц Гагарина и Еловой, где сейчас находится 2-я средняя школа, полк встретился с нашими частями, наступающими с востока.

Улица быстро наполнялась танками, САУ и пехотой. Все устремилось к центру города. Сопротивление врага было сломлено. Чаще стали появляться пленные фрицы. Штаб 1019-го стрелкового полка к исходу 9 апреля располагался в небольшом двухэтажном доме на нынешней улице Еловой.

Здесь поздно вечером 9 апреля мы услышали по радиостанции сообщение Совинформбюро о капитуляции 95-тысячного Кёнигсбергского гарнизона, а также приказ Верховного Главнокомандующего № 333 от 9.4.45 года о взятии города и крепости Кёнигсберг — оплота и твердыни прусского милитаризма на востоке. Мы ликовали и от души радовались нашей победе. Вместе с нами ликовала Москва — она традиционными артиллерийскими салютами возвещала советскому народу и всему миру о нашей замечательной победе.

А вокруг в течение всей ночи шла беспорядочная стрельба, блуждали разбитые немецкие подразделения. С утра 10 апреля началась массовая сдача немцев в плен. В числе сдавшихся был и комендант гарнизона, возглавлявший оборону крепости, генерал от инфантерии Ляш.

Считавшаяся, по оценке немецко-фашистского командования, неприступной первоклассная крепость Кёнигсберг под сокрушительным ударом наших войск пала. Этой победой создавались условия для полного разгрома остатков немецко-фашистских войск в Прибалтике.

При подготовке к штурму мне у стен крепости удалось увидеть наших прославленных полководцев Маршала Советского Союза А. М. Василевского и генерала армии, впоследствии Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна. Мы были глубоко убеждены, что под их руководством немецко-фашистским войскам не отсидеться за крепостными валами, что мы победим.

Президиум Верховного Совета СССР своим Постановлением от 9 июня 1945 года в ознаменование и увековечение большой победы наших войск в Восточной Пруссии учредил медаль «За взятие Кенигсберга». Этой медалью награждены десятки тысяч советских воинов, участвовавших в боях за Кёнигсберг.

Победно завершив штурм Кёнигсберга, 307-я стрелковая дивизия закончила свой боевой путь. Это были ее последние бои в Великой Отечественной войне. Сформированная в городе Иваново в июле 1941 года, дивизия с честью выполнила наказ ивановских ткачей: отстоять честь, свободу и независимость нашей Родины, разгромить фашистскую Германию.

ОБ АВТОРАХ

С. В. Аверченко, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории войн и военного искусства ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», подполковник, email: aviator1ww@mail.ru (гл. 1);

О. Е. Ащеулов, кандидат исторических наук, научный сотрудник центра военной истории России Института российской истории РАН, email: olea80@mail.ru (гл. 2, приложения);

Е. В. Баранова, кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского центра социально-гуманитарной информатики, доцент Института гуманитарных наук (ИГН) БФУ им. И. Канта, email: EBaranova@kantiana.ru (гл. 4);

А. В. Вертяшкина, научный сотрудник музея «Фридландские ворота», член ИКОМ России, email: vanastasiya@yandex.ru (гл. 4);

Б. Виллемс (Нидерланды), научный сотрудник с ученой степенью доктора, Университетский колледж Лондона, email: brvwillems@gmail.com (гл. 4, приложения);

Л. И. Головки, кандидат военных наук, доцент кафедры оперативно-тактической подготовки РВиА Михайловской военной артиллерийской академии (гл. 2);

А. А. Давиденко, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований, доцент ИГН БФУ им. И. Канта, email: adav@list.ru (гл. 1);

А. А. Жиров, аспирант ИГН БФУ им. И. Канта, email: ananzhirov@gmail.com (гл. 3);

А. В. Золов, кандидат исторических наук, email: zolov47@rambler.ru (гл. 3);

В. В. Ионов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерий-

ских наук, главный научный сотрудник 1-го управления Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ, email: vv8288@yandex.ru (гл. 1);

В. Г. Кикнадзе, доктор исторических наук, доцент, полковник, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук, главный редактор издания «Наука. Общество. Оборона», email: KiknadzeVG@mail.ru (гл. 1);

С. Н. Ковалев, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, email: milhistory@yandex.ru (гл. 1);

Ю. В. Костяшов, доктор исторических наук, профессор ИГН БФУ им. И. Канта, email: kostyashov@gmail.com (гл. 3);

Г. В. Кретинин, доктор исторических наук, профессор ИГН БФУ им. И. Канта, ведущий научный сотрудник Калининградского областного историко-художественного музея, email: gvkretinin@gmail.com (введение, гл. 3, 4, приложения);

Д. Е. Лосев, кандидат военных наук, доцент кафедры тактики филиала ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г. Калининграде, капитан 2-го ранга, email: elk-maktaba@mail.ru (гл. 1);

В. В. Макогонова, кандидат философских наук, доцент, ученый секретарь Калининградского областного историко-художественного музея (КОИХМ), email: vladisvladimm@mail.ru (гл. 4);

Д. В. Манкевич, кандидат исторических наук, ведущий специалист Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований, старший преподаватель ИГН БФУ им. И. Канта, email: hist-study@mail.ru (гл. 4);

Е. С. Манюк, кандидат исторических наук, заместитель директора по музейно-просветительской деятельности КОИХМ, email: manyuk.ekaterina@yandex.ru (гл. 4);

В. Н. Маслов, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра социально-гуманитарной информатики, доцент ИГН БФУ им. И. Канта, email: VMaslov@kantiana.ru (гл. 4);

М. Е. Мегем, кандидат исторических наук, директор Центра исследований исторической памяти Института геополитических и региональных исследований БФУ им. И. Канта, email: megem@yandex.ru (гл. 1);

Р. Д. Минакова, кандидат политических наук, ведущий библиотекарь Центра регионоведения Калининградской областной научной библиотеки, email: raissada5@yandex.ru (приложения);

А. С. Новиков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник КОИХМ, email: sector.istorii@gmail.com (гл. 2);

К. Б. Петунин, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Российского университета кооперации, email: Konstantin.pet.rf@mail.ru (гл. 2);

А. Г. Постников, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры оперативно-тактической подготовки РВиА Михайловской военной артиллерийской академии, email: mgramor1023@yandex.ru (гл. 2);

Е. Н. Рукавишников, доктор военных наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебно-научного центра Военно-морского флота «Военно-морская академия», email: gen1956.39@mail.ru (гл. 1);

В. В. Сергеев, доктор исторических наук, профессор ИГН БФУ им. И. Канта, email: viktsergeev@yandex.ru (гл. 3);

М. А. Скрипкина, курсант 4-го курса филиала ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» в г. Калининграде, старшина 2-й статьи (гл. 1);

А. А. Ярцев, доктор исторических наук, профессор ИГН БФУ им. И. Канта, директор музея «Фридландские ворота», email: fvdirector@klgd.ru (гл. 4).

ABSTRACT

The monograph “In the battles for East Prussia. 75 years since the Great Victory!” is a multifaceted study of one of the final stages of the Great Patriotic War. The authors of the monograph apply a modern approach to the study of military history, considering a wide range of topics. The book highlights traditional themes, in particular, descriptions of the actions of different types of Red Army troops in the battles in East Prussia and directly during the assault on Königsberg. Along with this, the study covers a range of aspects that demonstrate the connection between a war and various aspects of human life. In this regard, the researchers focus on the presence of the East Prussian Offensive Operation in Soviet cinematography and museums, teaching history at schools and creating of databases. Contemporary research of the history of military conflicts involves considering the actions of not only the army, but also non-combatants, i. e. civilians. Thus, the monograph pays special attention to the state of the civilian population in Königsberg during the assault on the fortified city. Finally, a special section of the publication is devoted to the analysis of historiographic aspects of the battles in East Prussia.

Attachments placed in the final part of the monograph in the form of texts of documents allow us to refine our knowledge of military operations in East Prussia by referring both to formalized and informal communication practices during hostilities, and to the personal experience of war participants.

The study will draw the attention of military experts, Russian and foreign historians, students, cadets of military educational institutions, and everyone interested in preserving the memory of Russian military history.

Научное издание

В боях за Восточную Пруссию
75 лет Великой Победе!

Монография

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор Г. В. Кретинин

Редакторы: *Л. Г. Ванцева, Н. Н. Мартынюк*. Корректор *Н. Н. Генина*
Компьютерная верстка *Л. В. Миловидовой*
Дизайн обложки *Т. Ч. Захаровой*

Подписано в печать 18.11.2020 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,4
Тираж 500 экз. (1-й завод 150 экз.). Заказ 103

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6